

МАЕ РОЛ

ГАСИТЕЛЬ

Глеора — не то место, где хотелось бы провести отпуск. Мало солнца и воды, вечная война с соседями, зато сплошная магия вместо техники. Seriously, они даже воду в колодце качают с помощью колдовства! Да и пусть себе! Я-то причем? Я — обычный парень из Питера, инженер по образованию и безработный из-за чертова ковида. Я всего лишь хотел найти хорошую работу... А вовсе не вступать в столкновение реальностей с прогрессорством в одном кармане и ужасным пророчеством о конце света в другом! И то есть, в смысле, эта их магия того гляди уничтожит мир?!

Часть первая: «Свет и огонь»

Отклик на резюме пришел в субботу вечером. После третьей кружки хорошего финского лагеря — в Питер недавно подвезли, все друзья так и расхваливали, лень было открывать письмо. На потертom экране выдавшего лучшие дни «хуавея» мигало сообщение, начинающееся с «Благодарим за отклик...»

А дальше не видно.

Но он догадывался, что дальше «спасибо, мы вам перезвоним».

Ленка заглянула через плечо и хмыкнула.

— Все ищешь работу?

И вот что ей отвечать? Когда ты живешь в Питере, лучше быть либо Ленкой Мурашовой, либо уж совсем Джоном Смитом, а вот Рави Иванов — проигрыш по всем фронтам. Эпифейл. Отец русский, мать индианка, он на вид — «чурка какая-то».

С высшим техническим образованием, между прочим. Красный диплом питерского Политеха. И несколько удачных проектов за спиной, опыт работы, магистратура, научные исследования...

А потом — кризис, проклятый коронавирус, от которого никто из знакомых Рави не умер, но переболели многие, а тяжелее всех — экономика. Унижаться до сантехника или рабочего на заводе не хотелось. Ленка, менеджер по продажам в какой-то конторе «Рога и копыта», порой подкидывала халтурку, слабо связанную с основной специальностью: то компы настроить, то вообще машину, вишневый «порше», починить.

Рави с Ленкой когда-то встречался, запал на симпатичную блондинку, а она — на восточную экзотику и красивые ухаживания, потом разбежались, но без кошачьего мява, скандала до небес и вырванной шерсти. Остались друзьями. Иногда — с привилегиями. Не больше.

Сейчас у Ленки какой-то очередной Махмуд или Ахмед. Вон ей серьги подарил. Ревнивый, правда, но в «подругу» верил. Пока.

Дело, правда, шло к свадьбе, а после свадьбы Ленка точно «отвалится», что жалко — с ней приятно пообщаться даже без горизонтального положения. И халтурок не будет.

— Ищу, — вздохнул Рави и поскреб щеку. Он сегодня не брился. Щетина уже давала о себе знать.

— Вкатывайся в айти, — со знанием дела сказала Ленка. — Там и на удаленке хорошо платят.

Рави даже не спорил, в «айти» он бы разобрался, поверхностные знания есть, вся современная механика привязана к программам, но надо хотя бы полгода. А жить на что? Кушать прямо сейчас хочется. И лагерь пить, вот именно.

— Попробую, — туманно буркнул Рави, чье настроение почему-то испортилось, а открывать письмо он так и не стал.

Все равно отказ.

Что там еще может быть.

Ленке скоро позвонил ее ревнивый Махмуд-Ахмед, и она спешно засобиралась. «Подругами» злоупотреблять не стоило. Рави проворчал:

— Если обидит, звони хоть ночью, морду набью.

Ленка скептически усмехнулась. Рави не был атлетом — метр семьдесят с копейками,

мелкий и тощий, вот еще одна причина, по которой не брали на хорошие места. Мало, что «чурка», так еще и задохлик.

Вот лучше бы не усмехалась. Только обиднее стало.

После того, как она ушла, Рави принялся уничтожать оставшиеся бутылки с финским лагером, и примерно на четвертой, все-таки открыл проклятое сообщение, просто чтобы прямо сейчас, в полупьяном состоянии, быстро прочесть отказ и удалить его, как никогда не существовавший.

«...приглашаем вас в воскресенье, в 9.00».

Рави едва не выронил телефон. Тот пискнул: разряжен, десять процентов. Пришлось добираться до спальни, по пути «поймать» тумбочку мизинцем — о, эта чудовищная боль, — и поставить на зарядку. Снова открыть сообщение.

Ну точно.

Воскресенье — это завтра.

Девять утра.

— Да твою ж мать, — сообщил Рави плакату с последнего КомикКона на стене.

Перегар, несомненно, остался. Рави вышел на бой с ним, как рыцарь против трехглавого дракона: мятная паста, кофе, перченая яичница, потом еще и жевательная резинка с ментолом и клубникой. Но перегар остался, он даже не сомневался.

«Чурка алкашная, одна штука».

Чистый костюм. Белая рубашка. На улице царил жара, так что Рави вспотел уже в лифте. Хорошо, руки хоть не дрожали и телефон за ночь зарядился.

В голове немного шумело. Он боялся опоздать, маршрутка плелась со скоростью хромоногой черепахи, а свою «мазду» пришлось продать еще несколько месяцев назад по дешевке. За тачку десятого года много не выручишь.

Навигатор вывел на нужный адрес после того, как Рави вышел на остановке где-то в конце географии. Дальше — только болота и комары.

«Наверное, какая-то шарага, с которой лучше не связываться»...

Снова взяла обида. Профессионал, хорошие рекомендации. Ему просто не везло, какой-то злой рок, не иначе. Ленка права: стоит потратить несколько месяцев, кредит хоть взять, обучиться на айти-специальность, да вот хотя бы контроль машинных процессов с помощью нейросетей, он даже представлял, как такая сеть должна работать, осталось лишь обучиться написанию кода.

В наушниках грохотал тяжелый рок. Музыка воинов и бойцов; Рави не любил индийскую или русскую, шел против стереотипов.

В конце маленькой улицы стояло довольно новое на вид двухэтажное здание. Немецкий фахверк, определил Рави. Добротное качество, белые стены, темно-красный кирпичный забор. КПП на входе — тучный сонный охранник оторвал от экрана смартфона заплывшие жиром глазки.

— Ты кто?

Рави сунул под нос резюме. Распечатанное. Позапрошлый век в эпоху QR-кодов, но таким типам подойдет. Поправил медицинскую маску, приметку времени, которую, кстати, и не думал надевать сам охранник.

— А, это ты. Ну проходи, черномазый.

Последнее прозвучало в спину. Рави едва не обернулся, едва не схватил типа за шиворот, едва не врезал по красной и круглой, как традиционный русский блин, харе.

Сдержался.

«Он просто тупоголовый охранник. Сидит тут за тридцатку от силы».

Вдох-выдох. Нацепить улыбку — зубы белые, особенно белые на фоне смуглой кожи.

Можно дальше. Четыре ступеньки из бетона с заботливой прослойкой «колючки» от гололеда, дверь «под старину», как будто из бронзы. Домофон, впрочем, совершенно обычный, даже с видеокамерой.

— Добрый день, я по приглашению... — начал Рави.

— Заходите, — сказал женский голос. Дверь поддалась.

Рави разочаровался с порога. «Бедненько» — это слово пришло на ум, когда оглядел первый этаж с дешевым ламинатом, бюджетной темно-персиковой краской на стенах и большим фикусом в горшке. Из угла таращилась видеокамера. На стеклянной лестнице (модель на двойном косоуре, металлическая профильная труба и прочное стекло поверх) стояла девушка лет двадцати пяти. Симпатичная, типичная «из Петербурга» — светлая кожа, никогда не знавшая яркого солнца, кроме пары недель в год в Турции, мышинные волосы собраны в хвост. Одета в джинсы и свободную блузку.

— Проходите, господин Иванов.

Обычно на его фамилии спотыкались. «Иванов» с его внешностью сочеталось примерно, как в тех головоломках, где красными буквами написано слово «зеленый». Человеческий мозг начинал «тормозить».

— Спасибо, — пробормотал Рави.

Стеклянная лестница показалась удивительно длинной. Всего-то десяток ступенек до второго этажа, а словно тысячу лет поднимался, и когда достиг последней, в голове замерцали искры.

— Меня зовут Татьяна, — сказала женщина спокойным голосом. Коридор из стекла и блеска тянулся куда-то в темноту. — Расскажите о себе.

— Что, прямо тут?

Обычно хотя бы в кабинет приглашали. Садись там в кресло или на диван, а потом рассказываешь про свои дипломы.

Татьяна пожала плечами.

— Не вижу причин откладывать.

— Ну я...

И он говорил, даже больше, чем планировал. Про диплом и проекты — в первую очередь, но еще про семью (отец хотел себе покорную девушку), зачем-то про свои неудачи, про Ленку даже упомянул.

— Итак, Рави, — Татьяна назвала по имени. В круговерти стеклянного блеска это казалось нормальным. — Вас ничего не держит здесь?

Мать умерла. Отец однажды избил ее так сильно, что она просто легла и не проснулась. Это было почти шесть лет назад, и с тех пор Евгений Иванов скрывался, а Рави хотя и мечтал однажды отомстить, но менты не помогали. Домашнее насилие декриминализовано. Как убьют, так приходите. Лакшми Иванова больше не могла прийти.

— Ничего, — сказал он.

— Тогда пойдемте, Рави. Я расскажу о вашей работе. Видите ли, мы занимаемся коррекцией миров. И вы — именно тот, кто нам может пригодиться.

Наверное, ему следовало сбежать, но словосочетание «коррекция миров» звучало слишком любопытно, и Рави кивнул:

— Показывайте.

Инструкции заняли около получаса. Он согласился.

Задание может занять много лет — «иногда всю жизнь».

Рави кивал. Жизнь — это короткий период. Всего несколько десятилетий. Он читал о чем-то похожем, то ли у Стругацких про Мир Полудня и прогрессоров, то ли модные приключения в виртуальных мирах; с той лишь разницей, что виртуальным «мир» не был.

Он не верил по-настоящему, вот в чем было дело. Позже он оправдывал себя именно этим «не верю». Небось, какой-то замудренный HR-тест. Стресс-интервью. В лучшем случае, возьмут разрабатывать технологические решения для приставок и VR-систем, ну или что-то вроде того.

— Ах да, — словно спохватившись, сообщила Татьяна. — У вас будет готовая легенда. Адаптироваться к ней не придется, сознание внедряется в автоматическом режиме, включая все воспоминания, понимание местной культуры, знание языков и многое другое.

Стеклянный блеск окружил Рави и взорвался мириадами искр. За ним Татьяна мерно, как воображаемая недавно нейросеть, говорила:

— Итак, теперь вы — беглый раб по имени Айнар Венегас.

Айнар Венегас проснулся на границе леса Цатхан.

Айнар Венегас бежал от своих преследователей — глеорские работорговцы исправно молились своим Светочам и использовали Искры, чтобы держать живой товар в покоем на долгий сон или анабиоз состоянии. Очень удобно: складывай людей в телегу, как дрова, только прикрывай от яркого солнца, чтобы не померли от обезвоживания и жара. А потом дай другой, спасибо Искре, отвар, они и очнутся, прямо на рынке.

Он сбежал.

Он понимал, что помогли, только кто?

Тесхенцев, тоже знал Айнар Венегас, продавали нечасто. Когда-то Тесхен был огромной и устрашающей империей — сознание подсказывало сравнение с «Османской», но эти ассоциации расслаивались и расходились надвое, еще предстояло их сплести в одно. Лес Цатхан — тесхенское название. Смуглые люди с темными глазами дошли сюда, среди них были воины с мечами из закаленного собственными Искрами металла, прочнее, чем популярная в Глеоре бронза. Среди воинов были Светочи.

Потом...

«Обычная политика».

Тесхен не удержал далеких границ. К тому же места, вроде этого леса, оказались чересчур опасны, полны Диких Искр — связываться с ними не каждый Светоч решится. Постепенно непобедимая империя пришла в упадок, и огромная цивилизация съезжилась до жаркой полупустыни, где, впрочем, добывали драгоценные камни, ткали ковры и многое другое. В представлении современных глеорцев южные соседи превратились из безумцев-воинов в белых одеждах, с темной кожей, черными густыми бородами и красными от наркотика-дхаха зубами, в тучных торгашей — «Эй, дарагой, подходи, как брату родному уступлю!».

Правили в Тесхене женщины, Матриарх и ее служанки. Но они никогда не покидали родных краев, считалось — это оскорбление для всякой женщины, оставить родной дом и уйти в оскверненные земли.

Айнар Венегас был даже не чистокровным тесхенцем. Его мать — Светоч Тесхена, Светоч Мудрости, высший чин, не считая Матриарха. Она... ушла.

А потом... встретила здесь человека, и...

Пробуждение отдалось шишкой на голове.

«Беглый раб».

Был тот, кто еще осознавал себя как Рави Иванов, которому хотелось орать: «Помогите, мамочки, где я», — но Татьяна или как там ее, не солгала. Он действительно оказался в чужом мире, но удивительно «подкованным»; человек, по имени Айнар Венегас существовал. Сын местной... колдуньи, что ли, и какого-то крестьянина — они тут даже плуг толком не освоили, сверился с чужими воспоминаниями Рави. Деревня Джерайи Венегаса так и не приняла Дакоти Ашор, а потому, когда та умерла от неизвестной болезни, похожей то ли на туберкулез, то ли на рак груди, — магия Светочей не совладала с хворью, — решили продать подростка в рабство. За десяток Искр. Это было отличное решение, против которого Джерайя Венегас не мог протестовать.

— Хватит, прекрати, — едва не закричал Рави-Айнар. Резонанс дрожал в позвоночнике.

Скоро он прекратится, тогда станет проще, а пока он спрятался в лесу Цатхан, что иные зовут погибельным лесом. Над головой деревья, похожие размерами и внешним видом на кактусы и секвойи одновременно. У них километры корней, грунтовые ручьи пьют жадно, потому что почвы полны соли, а мелкая трава приспособилась, и напитывается ядом, цветы потом хрупкими кристаллами. Здесь живут плотоядные мотыльки и пальцеруки — конгломераты бактерий, подсказывал Рави Айнару, резонанс стихал. Трава была зеленой. Деревья — тоже. Ручей... вон там ручей. Многовато кальция, но подойдет напиток.

Он сбежал от глеорских работорговцев. Он знает многое.

«Но я ничего не смогу сделать».

Айнар склонился над ручьем, смывая корку грязи. Он оглядывал себя — высокий, крупный. Рави Иванов подал голос: ого, да я всегда мечтал стать здоровяком. Чтобы вот как увидит питерский гопник, так и нырнет под арку, сиську «Очаковского» сосать, а не «дай закурить, а если найду». Правда, тесхенцы несколько тяжеловесны, но его устраивало. Все лучше, чем дрыщ из мемов про задротов.

«Стой, погоди».

Голова затрещала. Мозг двоился и разваливался на два комка серой каши.

Рави Иванов. Инженер из Петербурга. Согласился на странную работу.

Айнар Венегас. Раб, отпахал много лет в шахтах.

Айнар Венегас не знал ничего.

Рави Иванову предстояло наполнить его, и...

Что-то мигнуло. Картинка замигала: толстые ветви и зеленая, плотная суккулентная листва, повисшие лозы золотистого оттенка, охряные стволы, трава с серебристыми соляными навершиями. Потом померкла.

«Я ничего не вижу».

«Перестань, это просто близорукость».

— Тебе оставили инструменты, — зазвучал с ветки голос. Айнар мог поклясться: белка говорит. Ну вот та, серебряная с красным хвостом и светящимися светодиодами-глазами. — Возьми их.

Айнар пошел за белкой. Видел он ее нечетко — то глаза мелькали-светились, то хвост перед носом. Белка привела к дереву, которое называли «бочонком», потому что из него получались хорошие бочки, и внутри почти всегда образовывались пустоты, чем старше такое дерево, тем сильнее выгнивает изнутри, но это неважно, ведь живет поверхностными соками и корой.

Он вытащил большой кожаный саквояж. Открыл его.

Айнар Венегас не знал ни единого подобного прибора, зато знал Рави, и — «полагаю, мы одно целое, так».

Проще было думать так. Он знал об Айнаре Венегасе все.

Проще было стать им.

Он достал очки — обточенные линзы, круглая оправа. Подошли идеально, белка мгновенно обрела зримую весомость. Тварь килограмма на три, не меньше, иные кошки попадались помельче. Жирная наглая зверюга.

«Я Айнар Венегас».

«Я тот, кто противостоит...»

— Светочам, — подсказала белка.

А потом добавила:

— Ищи женщину по имени Гарат Ашшала, — после чего исчезла в спелой листве.

Странное ощущение: он помнил свое прошлое. Одновременно Ленку и последнее перед «коронной» место работы — хорошее, кстати, не «Газпром», но платили выше среднего чека, еще и поэтому не хотелось менять потом шило на мыло, переходить к какому-то дешевому дерьму. Помнил свою квартиру и родителей, вчерашнее пиво и Люську из шестого «бэ», которую поцеловал впервые в щечку, а потом оказалось, что она целовалась на спор и ее противная крыска-подружка Настя хихикала, свешиваясь с облупленной школьной лестницы. И он же помнил побои надсмотрщика, отупляющий труд сначала в шахте, потом на корабле — путь лежал в Воосу, еще до того, как Глеора объявила войну заморскому соседу. Море называлось Кривым, а корабли напоминали скорее углые лодчонки, скорлупа грецкого ореха лучше плавают. Все дело в Искрах — Искра Движения, Искра Защиты, еще полдюжины всяких, с ними даже дырявый башмак линкором станет. Айнар Венегас слова «линкор» не знал, а он...

«Выдыхай».

Он снял и вновь нацепил на нос очки. Снова добрался до ручья, зачерпнул воды и умылся, взгляделся — лицо похоже на прежнее, в голове звенит, но два сливается в одно.

«А кто я тут буду?»

«Айнар Венегас — или все же Рави Иванов?»

«Угу, а еще можно задуматься о бабочках, снах или мудрецах».

Проще всего оказалось воспринимать происходящее вроде компьютерной игры. Он здесь, у него персонаж с легендой. «Просыпайся, соня, тебя даже вчерашний шторм не разбудил» и все такое; когда-то Рави патриотично выбирал редгардов.

«Или», — он подумал об этом не сразу, потому что прожил всю жизнь в России, о культуре своей матери больше читал, чем действительно впитывал ее с метафорическим молоком, — «Я аватар, у меня одно лицо или несколько, но все они одно, и все имена принадлежат мне, все аспекты — это я».

«Ищи женщину по имени Гарат Ашшала».

В саквояже он нашел одежду, похожую на ту, которую знал Рави.

«Давай договоримся, аватар. Давай ты будешь все же Айнаром Венегасом, ну или придумай какое-то другое имя, раз уж ты беглый раб».

— Разговаривать с собой — признак безумия.

Белка хихикнула с дерева. Только потом он осознал, что это вовсе не та белка. Новая мелкая и непримечательная, серовато-бурая шерсть, из всех интересов — те золотистые орехи на ветви.

Айнар так Айнар.

Лес опасен. В нем водятся странные твари, мотыльки-хищники — не самое худшее. Слишком много соли в почве, причем, большая часть этих солей ядовита, от треххлористого фосфора до солей фосфоновых кислот. Местные травы, деревья, мхи, лишайники, а за ними насекомые и млекопитающие приспособились. Им помогают дикие Искры.

Искры — это магия.

«Какая еще...»

Но Айнар Венегас знал о магии — по крайней мере, не меньше, чем многие. Рабам не доверяли Искр, поэтому он видел шедевры Светочей только на расстоянии. Искры лечат и орошают почву вместо воды, заставляют плыть лодки, по сравнению с которым бумажный кораблик первоклассника — шедевр судостроения. Людям не нужно ничего, кроме Искр.

Светочи правят миром и берут за свои услуги справедливую цену.

Так было... всегда?

Как пересечь лес, наполненный дикими Искрами.

«Никак, ты умрешь».

— Гарат Ашшала.

Имя перекатывалось на языке, закругленное и мягкое. Белка Татьяна подсказала: наверное, эта Гарат Ашшала живет в лесу?

Так почему бы просто не идти, пока не найдешь ее?

Башмаки из плотной кожи ступали по дернистому настилу. Почва казалась болотистой, вода проступала иногда ржаво-красная, иногда темно-синяя, как вылившиеся из шариковой ручки чернила. Саквояж тянул руку.

Айнар остановился и открыл его.

Инструмент для нанесения резьбы. Молоток, пила. Несколько отверток, мотки проволоки. Колбы с реагентами. Даже толстая тетрадь с карандашом — надпись «Kooh-i-Noog» на миг вернула в магазин канцелярских товаров где-нибудь в паре кварталов от метро, напротив KFC, но, когда попытался написать первое, что пришло в голову, свое имя на форзаце тетради, появились незнакомые символы.

Да нет, знакомые. Раб их не знал прежде, а теперь понял. Это на глеорском.

«Рабочий журнал Айнара Венегаса».

— Гарат Ашшала.

Словно это могло помочь. «Дальше будет легче».

Наверняка, решил он, вдыхая пахнувший прелыми листьями и сыростью воздух. Уже хотелось есть и отдохнуть. Неплохо бы этой женщине найтись в ближайший час-полтора.

Сначала идти было приятно, невзирая на болотистую местность. Трава-дерн пружинила, как напольное покрытие в дорогом фитнес-клубе. Сплетенные ветви деревьев, темно-коричневые в оттенок красной охры и ярко-зеленая листва образовывала купол. Нити лиан добавляли ощущения каких-то декораций, сиджая из фильмов, а то и вообще компьютерной графики в видеоигре.

Отравленные листья, лианы-пожиратели, деревья с корнями, похожими на кровеносные сосуды: глубокие артерии и вены, поверхностные капилляры, лес — огромная живая тварь. У нее нет сердца, но кровь качается исправно, питает симбиотических паразитов, все вместе фильтрует отраву — только поэтому почва плодородна, а вода не превратилась в плавиковую кислоту.

Иногда приходилось останавливаться. Ксифопагическая путаница в голове заставляла тереть лоб: сиамских близнецов еще можно разделить, а если они оба в одном теле? И чем все это закончится?

«Я умру?»

Кто это думал? Беглый раб или человек, который еще сегодня утром сверялся по старенькому смартфону с навигатором «как проехать в далекие гребеня».

Лес. Белки. Или какие-то еще твари. Несколько раз попадались черные мотыльки — здоровенные, в ладонь величиной. Они шевелили крыльями и летели за Айнаром, тот отмахивался, как-то даже раздавил: крылья оказались хрупкими и колючими, как тонкое стекло, а тельце раздутым и мерзко-мясистым. На пальцах остался липкий сок. Айнар с инстинктивной брезгливостью отер руку о какие-то листья, взвыл — обжегся.

Лишь бы не борщевик. Для борщевика тут солнца маловато — почти совсем нет, темно,

как в траншее. В шахте. Там еще были чадные лампы, потому что настоящую Искру жалели на рабов переводить.

Лес спускался.

Айнар мог поклясться, что на самом деле, нет: ровно, даже чуть вверх по небольшому склону, заваленному позапрошлоголетней листвой — под ногами она тоже хрустела, заставляя содрогаться. Потом чуть вниз, снова вверх, ничего примечательного.

И все же лес спускался, каждый шаг — будто вниз по длинной-длинной лестнице. Может, лестница эта винтовая, но все равно, ты огибаешь ось, на новом витке оказываешься на ярус ниже. Красноватые ветви потемнели до оттенка пепла, зато лозы-паразиты вспыхнули ярче, как гирлянды на новогодних елках.

«Цатхан заманивает».

Туда никто не ходит. Люди подбираются к краям то здесь, то там, выжигают все живое. Пепел становится почвой для посевов, хватает надолго, главное — Искры обновлять. Лет сто вытянет, а потом останется пустая земля, но и ее можно переделать в город или дорогу, спуститься вниз, поискать золото, серебро, драгоценные камни.

Или дикие Искры.

«Дикие...»

Мелькнула вспышка: ксеноновой фарой в лицо, не меньше. Айнар выругался «еж твою медь», хотя на языке Глеоры идиома совершенно потеряла смысл по сравнению с великим и могучим.

Искра...

Снова мелькнуло: он успел зажмуриться.

Свет принял облик волка: ненастоящего, волки по одиночку не ходят, и уж точно не сверкают, как долбанный кристалл Сваровски, высекая — да, именно, — искры изнутри себя. Волк был прозрачным: как алмаз или текучая вода. Даже оскаленные клыки мерцали то розовым, то синим, то каким-то непередаваемо-оранжевым. Призрак, видение.

Зубы щелкнули в полуметре от Айнара.

«Беги».

Он побежал.

Айнар перепрыгнул через мелкий ручей и едва удержал равновесие. Коряга торчала из дерна. Он бежал в полумраке под золотым сиянием лоз и радужными бликами наступающего тебя стеклянного волка. Айнар замахал руками, отчаянно ругаясь. Он бежал дальше.

«Куда» — это он подумает как-нибудь потом. Деревья смыкались все плотнее, подлесок-кустарник выставил колючки. Айнар расцарапал руки, длинная ветка плетью хлестнула по лицу, хорошо хоть глаз не задела.

Блики заплясали в колючем переплетении и, заорав, Айнар попытался пробраться внутрь похожих на ежевику зарослей. Вспорхнули мотыльки, среди черных оказались и молочно-белые, крылья жадно ловили блики.

Дыхание хрустального волка коснулось спины.

Айнар ожидал, что оно будет морозным и свежим — существо напоминало сосульку или странную громадную снежинку неправильной формы, но затылок ожег раскаленный воздух, а пахло, как из мусоропровода, нечищеным железом, забродившей кислятиной. Айнар различал оттенки провалявшихся на недельной жаре арбузных корок, колбасных шкурок и пустых пакетов из-под кефира вперемешку с нафталином выброшенных на свалку старых вещей. От вони затошнило, Айнар упорно лез в колючки. Кусты цепляли одежду, но не рвали ее — он заметил это как-то издалека, «ух ты», — и только. Зато руки превратились в сеть мелких царапин.

«Еще немного».

Кустарник сменился опушкой, вроде той, на которой он проснулся, только совсем темной, не считая «спецэффектов» от золотых лоз. «Гирлянд» хватило, чтобы он заметил большую суковатую ветку на земле: она была сырой от влаги в дерне, но колючки торчали хорошие, и когда Айнар поднял, ощутил приятную тяжесть.

Сердце колотилось. В носу стояла помойная вонь «дикой Искры», теперь к ней примешивался аромат собственной крови.

— Иди сюда. Сволочь, — проговорил он, разворачиваясь к волку палкой вперед. Искра затрепетала переливчатыми бликами — было это невероятно красиво, если бы не зубы, не рычание, не смертоносный оскал.

Тварь бросилась на него. Он зажмурился в этот момент, он никогда не бил даже охамевших дворняг с окраин — прикормленных бабками-кастрюльницами шавок. Он боялся сторожевых ши-аро, злобных черных псов: их натаскивали ловить беглых рабов, и они были настолько умны, что могли перегрызть всего одно сухожилие: ходить сможешь, а бегать — уже никогда.

Айнар ударил.

Ветка встретила пустоту. Айнар открыл глаза: волк попятился и скалился, потом кинулся снова. Айнар повторил выпад, колючки прошли сквозь голову, нос, глаза — ничего, или...

«Чего».

Ветка загорелась. Нет, не так: покрылась блестящей и такой же весело бликующей слизью, а слизь пожирала дерево, сначала кору и колючки, потом желтоватую древесину.

Айнар тупо уставился на свое бесполезное оружие. Он внезапно понял, что саквояж не бросил, так и прижимал его подмышкой, хотя тот был ужасно тяжелым, и выронил только

сейчас, когда схватил ветку.

«Слизь».

— С-сука.

Волк метнулся к горлу, но получил по бесплотной башке в очередной раз. Ветка как будто застряла, зато и тварь попятилась.

«У меня будет секунда».

— Отвали от меня. Чего тебе надо? Ты просто дурацкая Искра. Ты безмозглая. Тебя ставят... это. Корабли водить. Воду качать. Да для всего! Везде вы, долбанные Искры!

Волк слушал. Он даже сел по-собачьи, только что хвостом не вилял, склонил голову набок. Айнар делал выпады быстро разлагающейся веткой — ну же, пара минут, — наклонился, щелкнул замком саквояжа.

Только бы нашлось, только бы...

«Ага».

Выпад. Палка. Отчаянно хотелось услышать характерный «хрясь», тем более, что зубы щелкнули в паре сантиметрах уже от пальцев. Клыки заплясали на ногтях фиолетовым и цветочным розовым. Ни звука — лес затаился, только где-то очень далеко шуршали своими крыльями мотыльки. Собственное надсадное дыхание сипело барахлящим насосом.

От ветки осталось меньше трети — огрызок какой-то, разве — кинуть с воплем «Тузик, фас», и надеяться, что прозрачная тварь побежит и принесет поноску.

— Иди сюда, тварь!

Ветку Айнар кинул в волка. Она угодила в грудь и растворилась. Прыжок твари был красивым: кристальная фигура с мириадами цветов внутри, и неважно, что воняет, неважно, что зубы в палец длиной.

«Будет больно», — подумал Айнар.

Он швырнул свое «секретное оружие» с закрытыми глазами, в точности, как наносил первый удар веткой.

Он ждал обжигающей боли или холодной пустоты. Вспомнилась серия из того мультфильма — женщина в открытом космосе отламывает себе замерзшую руку, чтобы создать инерцию и спастись от неминуемой смерти. Законы физики вышли покурить, но эффективно; в реальности космос не заморозит тебя за пару секунд, но вот эта штука была хуже космоса, антивеществом, может быть.

Он пошевелился. Ни боли, не пустоты. Пальцы на месте. Голова — проверил, да, — тоже. Ноги. Живот.

После Айнар решился посмотреть чуть дальше и торжествующе засмеялся: на черном дерне растекалась лужа слизи, а поверх еще пузырилась самая обычная соль. Натрий хлор. Поваренная. Айнар сверился с надписью: ну да, NaCl, все верно.

Отличное средство против слизняков.

— Получи, тварь, — Айнар исполнил немного неуклюжее танцевальное па, а потом плюхнулся на землю. Колени подкосились и ноги дрожали от усталости, в животе резало болью. Он никогда столько не бегал — ни в прошлой... то есть, в другой жизни, ни рабом.

Хотелось пить и есть.

Стоило вновь осмотреться и поискать что-нибудь съедобное, хотя в лесу Цатхан вряд ли отыщешь: живая фабрика по переработке токсинов, вотчина диких Искр. Ничего, справился с жуткой тварью, выживет и дальше.

Он сидел так какое-то время, прислушиваясь к слабому бульканью. Когда оно затихло,

тишину разрезали резкие звуки. Задремавший Айнар едва не свалился в лужу с останками Искры.

Перед ним стояла женщина. Она хлопала в ладоши, а потом сказала:

— Отлично сработано, Айнар Венегас.

«Избушка на курьих ножках», вот такое сравнение пришло в голову, когда они дошли. Деревянные подпорки действительно поднимались над дерном, защищая от сырости, только «курица» была устойчиво-четырёхногой. Мутант из чернобыльского леса. Балки, прикинул Айнар, погружались глубоко в землю. «Идти-брести сама собой» такая «курья избушка» вряд ли могла, но как жилище на болоте — почти идеально, защитит от сырости и не сгниет.

— Заходи-заходи, — поторопила женщина. Айнар на нее периодически поглядывал по дороге, но в золотистой, фальшиво-праздничной тьме пялиться было рискованно. Он не стал бы разглядывать того, кто живет в лесу Цатхан, среди диких Искр. Айнар присмотрелся в поисках талисманов-оберегов, но не обнаружил ни единого.

«Светоч? Или кто она?»

Лестница оказалась веревочной. Ноги до сих пор дрожали после гонки, Айнару пришлось подтягиваться на руках и довольно неуклюже вползать в проем полуоткрытой двери. Женщина запрыгнула с кошачьей грацией, а потом — он это точно заметил, несмотря на темноту — протянула руку и щелкнула электрическим выключателем.

— Как это?

— Генератор. Работает на грунтовых водах, здесь их везде даже слишком много — целые подземные реки с бурными течениями.

Айнар кивнул. Это имело смысл, хотя самого генератора он не заметил, наверное, тот остался снаружи. Он сделал себе пометку потом проверить, а пока снова огляделся.

«Избушка на курьих ножках» оказалась обычным дачным домиком — даже маленький холодильник в углу тарактел. Стол с клетчатой клеенкой, кровать за ширмой с пестрыми и довольно безвкусными тиграми на зеленой лужайке. Еще одна шторка — удобства. «Биотуалет, да? И вода тут есть, нормальная вода...»

Айнар подошел к тронутому ржавчиной жестяному крану. Потекла холодная.

— Грунтовая, говорю же, — пояснила новая знакомая, а он ткнул пальцем в электрическую плиту:

— Откуда это? Вы...

— Как и ты.

Айнар развернулся. Она была тесхенкой, как он, лет сорока или больше, худая, костлявая, седина в черных волосах вплеталась толстыми нитями. Немного морщин вокруг глаз и сухих губ, но в целом, по-своему привлекательная. Она носила настоящие джинсы и футболку с Микки-Маусом.

— Прекрати делать такое лицо. Ты же меня искал, тебе наши разве поручение не дали?

— Гарат Ашшала?

— Или доктор медицины Гулджан Тахирова, — вздохнула женщина. — Они стараются направлять сюда специалистов. Ты младше других. Студент?

— Нет, — возмутился Айнар... или Рави Иванов? У этой женщины хотя бы имя-фамилия не звучит, как дурацкий анекдот. — Почти десять лет стажа, инженер.

— Ясно, — перебила она.

— Госпожа Тахирова...

— Нет, — она перебила, лицо исказилось, как от резкой боли. — Не нужно так

называть. Иначе можно повредить подселенцу или... ну, в общем, тому, кто был до того. Гарат Ашшала.

— Хорошо, госпожа Ашшала.

Айнар так и стоял на пороге, а новая знакомая привычными движениями заваривала чай, достала из холодильника красное варенье с плодами, похожими на вишню, но крупнее и синеватыми. Добавила хлеб, масло, фаянсовую вазочку самодельных конфет, по виду похожих на цукаты из апельсиновой корки.

— Садись. Еды у меня немного, но голодным не останешься.

К сладкому добавилось вяленое мясо и сыр, крупные оранжевые фрукты или овощи — на помидоры похоже. Айнар откусил один, вспомнил, их называли «яблоками». Суккуленты, ближе к плодам кактусов, как и остальные растения, возделываемые в Глеоре. В Тесхене не всегда приживались и они. На вкус яблоко действительно больше напоминало помидор.

— Спасибо, — сказал Айнар.

Кружка с чаем была жестяная, он обжегся, схватив ее. Гарат Ашшала села напротив, трехногих табуреток оказалось три, последняя стояла, задвинутая под клеенку, словно ожидала еще гостей.

— Технар, значит. Технаря мы давно искали. Врач есть, математик... — она поморщилась, морщины поджатых губ сложились в фигуру «утиной попки», как выражалась Ленка. — Не будем о нем. А ты, значит, технар.

Он жевал бутерброд и кивал. Успел даже проглотить огромный кусок — вкуснейшая еда, ничего лучше не пробовал, а все потому что побегать надо от полуреальных волков, тогда хлеб с солониной за амброзию сойдет.

Гарат Ашшала стукнула по столу. Из ее кружки выплеснулась лужица черного чая.

— Говори, кто ты.

— Айнар... Айнар Венегас.

— Быстрее. Без пауз.

— Родился в деревне Кривошейки. Отец Джерайя Венегас, торговец. Мать — Дакоти Ашор из Иммираха, что в Тесхене. Умерла, когда мне было... двенадцать.

Отец бил ее.

Он ударил по груди однажды, пьяный, потому что остальные поносили: зачем на чужачке женился. Он любил ее сначала, Айнар всегда так думал, и он пытался любить отца, но, когда от Джерайи Венегаса пахло кислым пивом, Дакоти пряталась, и не всегда удачно.

«Я всегда жил в этом мире».

«Кто это думает?»

— Ты, — ответила Гарат Ашшала. — Это все ты. Про подселенцев тебе объясняли?

— Нет, — покачал головой Айнар.

— Ясно. О квантовой теории множественности миров что-нибудь слышал.

— Обижаете, госпожа Ашшала. Я все-таки физик.

— Ну да, — фыркнула она. — И сколько лет на адронном коллайдере проработал?

Айнар плотнул чая и запихнул в рот еще один кусок «яблока», а потом полил вареньем бутерброд. У него были своеобразные вкусы.

— В общем, раз уж ты Технар, то что-то соображать должен. Для подселения выбирают тебя же, только здесь. В этом мире. Другое имя, а судьба... обычно немного похожа.

— Но кто? И зачем? Почему меня вообще сюда отправили и вас тоже?

Вот это про «отражения» и «квантовых двойников» звучало фантастично, но в меру. Айнар был практичен. Основной его вопрос сейчас сводился к: какого, собственно, хрена?

Гарат Ашшала достала сигареты — термоядерные какие-то, «Кент восьмерка», что ли, закурила от квадратной бензиновой зажигалки. Курина она в сторону, стараясь не мешать гостю, не перебивать аппетит.

— Видимо, очень торопились, раз не объяснили. Ну слушай.

Она говорила долго, Айнар кивал, потом достал из успевшего за недолгую прогулку стать помятым саквояжа журнал и карандаш. «Помедленнее, я записываю», — так и вертелось на языке, но Гарат Ашшала давно здесь, и скорее всего, не узнала бы цитату.

Выходило, что каждый человек имеет своего двойника в нескольких мирах — «может, их тысячи». Айнар, когда еще не был Айнаром, читал книжки про всяких там «попаданцев», радостно ухватился за эту идею, но Гарат его только смерила презрительным взглядом:

— Какие еще попаданцы? В кого, Сталина, Ленина? В короля эльфов? А в той своей реальности ты был королем?

— Нет, — признал Айнар.

— Ну так чего же ты хочешь?

Ничего он не хотел, молча слушал дальше. Про «дублей», как их обозвал в записях Айнар, закончилось быстро, а потом пошло главное.

Почему и зачем.

В этом мире правит магия. Она есть в том или ином проявлении везде — «колдуй баба, колдуй дед», черные кошки с числом «13» под хвостом, соль через плечо. Не на пустом месте это появилось.

— Магия, — изрекала Гарат Ашшала тоном учительницы в средней школе, даже не препода в универе. — Определенный этап развития мира. Как первичный бульон с булькающей протоплазмой. Со временем протоплазма собирается в простейших, простейшие делятся друг с другом таланты и кооперируются в клетку с рибосомами, комплексом Гольджи и синтезом АТФ. Магия отмирает за ненужностью...

Тут она прищурилась, Айнар попытался мысленно изобразить клетку, вытянутую и похожую на авокадо, внутри большая косточка-ядро, вокруг мелкие органеллы, но уроки биологии подзабыл. Органическая химия представлялась в виде полимерных материалов. Углеводороды, спирты, масла. И так далее. «Это другое».

«Сейчас двойку влепит», — мелькнула мысль.

Не влепила.

— В тысяче миров магия на девяносто девять процентов отмирала до эпохи динозавров. Дальше эволюция говорила «я сама», породила сначала чудовищных ящеров, потом тварей поменьше и так далее до безволосых двуногих обезьян с даром речи и невероятным по этому поводу самомнением. Но здесь что-то пошло не так. Магия не вымерла, она осталась единственной движущей силой.

— Понимаю, — сказал тут Айнар, и он правда думал, что понимал.

Это как если бы огромные доисторические твари — все эти ракообразные размером с дом, — ползали по улицам или попадались в сети рыбаков, а в лесах вместо медведей ревели тираннозавры. В фильме «Парк Юрского периода» ничем хорошим не закончилось, а ведь там всего лишь пытались воссоздать динозавров.

— Нет, не понимаешь. Здесь не произошло ничего в развитии цивилизации. Люди перешли от первобытнообщинного строя к рабовладельческому, а потом перемешались все эпохи. Они изобрели колесо и еще что-то по мелочи, но даже до водяных или ветряных мельниц не додумались. Зачем, если есть магия? Зачем, если можно взять Искру? Между прочим, — Гарат Ашшала докурила сигарету и тут же схватила новую. — Некоторые

технологии соответствуют Новому времени, в городах даже печатные станки недавно появились. Конечно, они все работают на магии. На Искрах.

— Вот на той слизи?

— Именно. Хотя прирученные Искры ведут себя более прилично. Если только допустимо сказать такое о творении Светочей...

— Светочей?

— Маги. Местная элита. Заменяют все и сразу, от жречества до высшей аристократии. Культурные особенности всюду разные, в Глеоре это целый институт инквизиции, в Тесхене — матриархат с шаманизмом, ну и так далее. Суть одна, никто из народов не ушел от магии.

Айнар почесал карандашом затылок.

— А это плохо? То есть, вот нас берут из...

«Питера. С серым дождем, разводными мостами и крафтовым лагером из Финки».

«Я это помню или уже нет?»

— ...оттуда. И зачем-то сюда засовывают? Ну и зачем?

Гарат Ашшала вздохнула.

— Наши ученые считают, что этот мир опасен, Айнар Венегас. Опасен для других. Это как ядерный реактор, который все нагревается и нагревается чертовыми Искрами, людей становится больше, Светочей тоже, они создают все новые. Бум! — с окурка сорвались оранжевые огоньки.

«Искорки, ага».

— Зацепит и нас, и еще много кого. Мало не покажется.

— А мы, значит, должны эту магию уничтожить? Ну и где тут вулкан? Когда мне колечко выдадут? Сразу хочу предупредить, с шерстью на ногах неважно, — после третьего бутерброда язвить у Айнара получалось куда как лучше.

— Дурак, — беззлобно отозвалась Гарат Ашшала. — Никаких вулканов и колечек. Магия так просто никуда не уйдет. Но вот людей... людей изменить можно.

Она очень тяжело вздохнула.

Настолько, что Айнар — или не совсем он, — спросил:

— Почему я? Когда вернусь домой? И можно, ну, отказаться?

«До похода к вулкану».

— Ты — потому что тебя определили. Резюме отправлял? — пришлось кивнуть, Гарат Ашшала блеснула желтыми от табака зубами, напоминая в этот момент единственную в мире зубастую ворону. — Ну так не жалуйся. Работа вахтовая. Вахта длится... да сколько бы ни продлилась, вернешься с разницей в часа два-три.

— Из шкафа, — снова проявил познания классики фэнтези Айнар. А вот собеседница не поняла — «не читала, что ли?»

Или... забыла?

— Из какого еще шкафа?

Объяснять почему-то стало стыдно. Просто же очередная шутка.

— Неважно. Так что, вернусь, заплатят денег и все, миры спасены, всем спасибо, все свободны?

Гарат Ашшала сделала глоток остывшего чая. Окурок притаился в пепельнице, ею служила довольно безвкусная вазочка в виде полого пенька, рядом с которым спала глянцевиная оранжевая лиса.

— Я тут уже лет десять по местному времени. Я врач, должна научить их медицине.

Думаешь, продвинулась особо? В прошлый раз меня едва не закидали камнями. Спасибо, вот такие сверхконцентраты магии, как лес Цатхан, натыканы: сюда местные не суются. Вполне разумно с их стороны: дикую Искру ты видел.

— Даже слишком близко, — поерзал на табуретке Айнар.

— Мне доставляют необходимое, чтобы могла тут жить, пока суть да дело. Но работы все еще, — она подняла руку, и Айнар ждал характерного жеста на шее «по горло» или на лбу, вместо этого странно щелкнула указательным пальцем о ноготь среднего. — Надеюсь, с Техником пойдет лучше... Ах да. Отказаться — можешь. Отыщут нового Техника, ты не единственный. Еще десять лет.

— Что, прямо десять лет меня искали?

— Ты чем слушал? Вроде близорукий, а не глухой! Подселенец. «Копия» в этом мире. Человек с талантами в физике и инженерии. Одним словом, был нужен гений, который способен изменить все. Это тело — то есть, ты, — умрешь, если откажешься. Будет ли другой Техник? Когда? Я не знаю. Может, никогда.

Она резко встала, слишком шумно для худой и хрупкой женщины, табуретка загромычала, будто молнией в дерево ударила.

— Ну, думай. От меня как раз можно вернуться. Час тебе на размышления, Айнар Венегас.

Он взял у Гарат сигарету и зажигалку. Вышел на улицу, спустился-сполз по лестнице. Темнота вокруг заповедной поляны с инородным телом-«избушкой на курьих ножках» стала еще гуще, плотнее, словно оборачивали слой за слоем в черную вату, аж дышать тяжело.

Айнар затаился и закашлялся. Табак оказался ядреным, никакой не «кент», самосад без фильтра. Полянку тесно обступали деревья, тропинка за час или два заросла дерном, а поверх прострочило золотой лозой. Где-то еще дальше, среди сплетенных друг с другом деревьев, перетекала в самую себя вековая мгла.

Он сел на ступеньке и снова затаился, игнорируя боль в бронхах от ядреного горлодера. Выдержал целых секунд пять, только потом снова изобразил туберкулезника в неизлечимой стадии.

— Итак. Черт подери.

Он мог вернуться.

Прямо сейчас, как сказала Гарат Ашшала. Никаких приключений, никаких загадочных миров с магией и прочей не менее стремной чущью. Берешь, значит, свои пожитки... хотя нет, инструменты выдали «оттуда», так что изволь налегке.

«Я — Айнар Венегас».

«Айнар Венегас умрет, если я вернусь».

Передернуло, брр. «Гусь по могиле прошел», — есть такое выражение, вот оно и пришло на ум.

Наверное, это можно спокойно... кхм, пережить? В смысле, в своем мире? В Питере. Че-ерт.

«Ядерный реактор».

«Чернобыль миров».

«Тупые местные маги или кто они там швыряют уголь в топку, которая и без того готова взорваться».

На все был готов один универсальный ответ из тех, что никогда не приходит в голову героям из сказок, легенд или даже всесильным нагибаторам из книжек про смелых

попаданцев: «Почему я»?

Может, подойдет кто-то другой... нет, Ашшала сказала, что нужен конкретный — местный «гений», ему не повезло родиться рабом, но это...

«Это я — гений?»

Рави Иванов не был гением. Ни вторым Теслой, ни Эйнштейном, ни Ньютоном. Даже на завалющую премию не тянул, о Нобелевке не заикался — так, мелкотравчатый технарь, каких миллионы.

Здесь, под именем Айнара Венегаса, он был Эйнштейном, да Винчи, Архимедом или кем-то еще. Местные люди, избалованные Искрами и Светочами, не вырастили собственных ньютонов и архимедов.

«Тут все просто. Плюхнись в ванну всей своей тушей, и поверят в вытеснение жидкости. Законы физики не надуришь, универсальны».

Он спустился еще на ступеньку, поднял и бросил камень. Тот послушно упал, в воздухе не завис, на лету в лягушку не превратился. Работаем, порядок.

«Я не хочу...»

«Чего?»

Дома безопасно. Родное государство меня бережет. Голосуй за правильную партию, не высывайся, не пости на страничке в соцсети подозрительный материал — клипы немецких рокеров Rammstein тоже не стоит. Мило и прилично. Другую работу найдешь, может, придется, спустить планку, ты же «грязный чурка»...

Вдох-выдох. Сигарета крепкая, но уже не настолько. А чай был какой-то «левый», будто водки выпил.

«Я не хочу».

Правда? Не хочет? Остаться единственной надеждой нескольких миров — ладно, Айнар-Рави, сбавь градус пафоса, ты не один такой, Гарат Ашшала, вон, живет себе бабой-ягой посреди колдовского леса, курит паршивые сигареты и угощает «ахмадом».

«Да мне плевать на...»

Не плевать. Он сделал глубокий вдох — Айнар тосковал о своей рано погибшей матери, о друзьях из деревни, ненавидел болезненной, как заноза под ногтем, злостью, отца.

«Здесь опасно и меня могут убить».

— Но я уничтожил дикую Искру. Обычной поваренной солью, как слизняка. Этот, мать его, сгусток доисторической протоплазмы, первичного бульона.

Окурок упал в дерн, зашипел и погас в нем. Снова пробрал кашель.

Он поднялся.

Гарат Ашшала ждала на кухне

— Я это...

Он вздохнул.

— Не буду никуда уходить. Раз надо, так надо. Надеюсь, заплатят они мне по всем счетам, когда вернусь.

Гарат Ашшала засмеялась ведьмой из мультфильмов, а потом вернулась к яичнице:

— Отдохни, а потом пойдем вместе. Доктор и Технарь, может, у нас правда, будет шанс. Да, спальня во-он там, постелила тебе на полу, но ты парень здоровый, выспишься.

Айнар пожал плечами. Его все устраивало: представлял, какую огромную петарду из настоящего пороха можно засунуть в зад Светочам, и он улыбался. Зажигалку выложил на стол.

— А ты? — спросил он, внезапно перейдя на фамильярное обращение, но Гарат Ашшала не обратила внимания.

— Что?

— Прямо так согласилась?

— Меня вытащили из-под власти Туркменбаши. Все, что угодно, лучше этого, — фыркнула она. — Я только хочу, чтобы двигалось дело побыстрее, наши говорят — скоро может рвануть, если не вмешаемся и не уменьшим тягу. Достаточно...

— Создать клапан. Как на паровом механизме: чтобы излишек энергии выходил в виде пара.

Айнар сам удивился своим же словам. Гарат Ашшала прищурилась.

— Вероятно. Я не настолько хорошо понимаю в физике, но — да.

— И много тут таких... — он фыркнул. — Попаданцев?

— Нет. Очень мало. Трое в данный момент — третий это ты. Объяснение довольно сложное, что-то на уровне антивещества; большинство подселенцев умирает при попытке перехода. Не делай такие глаза, тестируют на старте, если не подходит кандидатура — отправляют домой с «мы вам позвоним».

— Так я еще и избранный, выходит?

— В том же самом смысле, в каком человек с полидактилией. Или фатальной семейной бессонницей, — Гарат Ашшала сохранила непроницаемое лицо. Возмутиться не получилось, Айнар только кивнул.

В воздухе все еще пахло едой. Он понял, что голоден снова, и вообще способен целого барана сожрать с минимумом специй и соли. Айнар Венегас слишком много лет в своей жизни голодал.

Избранный, действительно. Герой вне времени. Можно придумать кучу титулов, а толку? Как в старом анекдоте: чего тут думать, трясти надо.

— Похоже, есть пара идей по поводу этих Искр и Светочей. Мы пойдем к местным людям вместе? Что ж, тем лучше.

«Прямо сейчас» они не отправились никуда. Гарат показала Айнару «биотуалет» и душ, который представлял собой скорее умывальник со шлангом — можно было ополоснуть любые части тела, но вода оставалась спартански-прохладной. После битвы с Искрой он порадовался и такому, а потом плюхнулся на спальный мешок и заснул.

Снилось прошлое: шахты и Ленка, темная бездна с запахом свежей нефти — как бензин, только маслянистей и гуще, а потом Владислав Низинный, преподаватель сопромата, который валил девятерых из десяти. Айнар... нет, Рави — прошел, благо Владислав Константинович расистом не был, «чуркой» смуглого парня не считал, зато признавал его способности.

У Айнара была наставницей Урса Каор, большая женщина из далеких земель — еще более далеких, чем Тесхен. Острова Кьенингар, так называлась ее родина, и там она была Светочем, клялась на плохом глеорском, вот самым настоящим Светочем, но наша сила жива только на островах, умирает за пределами, а однажды мужчины пошли ловить рыбу, просили благословение. Обычной женщине, говорила Урса, нельзя идти за мужчиной, но Светоч не обделит Искрой свой народ. Огромная волна слизала ее с берега, и хотя плавать научилась Урса едва ли не раньше, чем ходить, утонула — почти утонула. Глеорский корабль подобрал ее, а потом...

«А потом я тут».

Глеора не любила чужаков. Тесхенцы торговали, с заморским соседом-Воосой велась изнурительная война. Мелкие острова обитали отдельно, а людей оттуда обращали в рабство.

Снилась кровь на руках — своя или чужая. Чужая. Айнар убил человека, который хотел его...

«Принести в жертву?»

Да. Вроде того, отдать Светочу, чтобы тот извлек из тела...

«Искру?»

Это так магия создается?

В голове заискрило до ломоты в переносице. Он проснулся, чихнул, потер нос. На кровати заворочалась Гарат:

— Ты чего? Спи еще, рано.

— А это... такое бывает, чтобы из тел живых людей Искры добывали?

Гарат шумно зевнула.

— Я такого не слышала, — призналась она. — Хотя, может всякое случиться. Тебе-то какая разница? Ты не понял? У тебя магии нет. Нуль. Зеро. Антивещество. Бум. Спи давай, — она сверилась по настенным часам, включив маленький светодиодный фонарик — массивная «кукушка» отсчитывала ходиками-шишками время. — Нам через два часа встать.

Через два часа — это в семь утра.

Обычно Айнара будили гораздо раньше, смена в шахте заступала в полшестого. Он полежал-поворочался, понял, что снова голоден и отправился подьедать запасы Гарат, надеясь, что она не рассердится. Это тело было большим, даже массивным. Правда, худощавым — словно медведь ранней весной, кожа да кости, но все равно медведь. Оно требовало немало энергии.

Он сожрал пару бутербродов, доел все варенье, отыскал кусок какой-то черствой булки и тоже сгрыз. На последнем куске появилась, щурясь от фонаря, Гарат:

— Ясно, — сказала она. — Доедай уж что найдешь. Мне оставь чай и сахар, все равно с утра аппетита нет.

Айнару было стыдно. Он дождался, пока Гарат появится из «душа».

— Извините, я...

— Ты голодал всю свою жизнь. Понимаю.

Она отмахнулась.

— Собирайся, сейчас пойдем в город. До столицы отсюда далеко, но как раз выйдем к торговому узлу Орону. Тебе этот Орон понравится. Я надеюсь.

Лес Цатхан, сказочный лес, зараженный золотыми лозами, деревьями-хищниками, отравленными травами, кислотной влагой — и, конечно, дикими Искрами, — уступал дорогу Гарат Ашшале. Он принимал ее власть, словно был маленькой уютной оранжереей. Или садом, который она выращивала с женской скрупулезностью и заботой все десять лет, что прожила здесь. Это было не так; Гарат объясняла Айнару — лес Цатхан хорош, чтобы спрятаться, переждать. Здесь все опорные точки, сюда передают ресурсы: могут-то хоть на вершину Пылающего Шпиля, цитадели Светочей Глеоры, но «сам понимаешь».

Айнар понимал. Они выбрались к дороге, вроде той, где он очнулся, часа через два. Увеселительная прогулка, ни дать, ни взять.

Лес Цатхан ограничивал себя. Айнар заподозрил: рукотворный, не иначе, спросил у

Гарат, но та покачала головой: нет, естественный, да и люди постепенно отвоевывают гектар за гектаром под высадку местных культур. Лес, конечно, все еще занимает большую часть глеорской земли, перетекает на тесхенскую, и никто не суется в зачарованные чащи, но и этот ресурс истощается.

«Большой бум».

Айнара передернула.

— Успокойся, это вопрос пары веков, не меньше. Впрочем, запомни: если придется спасаться бегством, беги в лес Цатхан. Здесь тебя даже Светочи не решатся преследовать, они порой ловят дикие Искры, но предпочитают, что неудивительно, не рисковать собственной шкурой лишний раз.

Дорога легла между лесом и пашней. Красная пшеница только начинала поспевать, но уже превратились в рекламу МакДональдса. Алые посевы и желтое — сухая трава, там, где суккулент уже вытянул всю поверхностную влагу. Копнешь чуть глубже: соли, отравы. Над местными жителями постоянно висел дамоклов меч «поля станут солончаком». Спасались орошением. Так или иначе, Искры работали, с магией-то хоть к каждому колоску-кактусу подведешь воду и подкормку.

Удобно они тут устроились.

Впрочем, Айнар вспоминал волка, и переставал завидовать.

Дорога оказалась пыльной, серебром поблескивала выступающая соль. Ртутная, предположил Айнар: характерные серые с блеском кристаллики.

— Лошадидохнут? — спросил он у Гарат. Та тащила огромный рюкзак на спине, он предложил помощь, но получил только «отстань».

— Чего?

Она прикрыла рот платком, чтобы не дышать пылью. Хорошая идея, несмотря на прохладу раннего утра, Айнар поступил так же. Он объяснил про ртуть. Гарат кивнула:

— Дохнут, конечно. Ну тут же как: проклятый лесЦатхан, отвоевывай у него каждый акр земли. Искры разрушают яд, но по всей дороге «столпы чистоты» не поставишь.

— Ага.

Айнар уже придумывал, как бы так нейтрализовать опасность. Грунтовые воды, солончаки. Смесь азотной, серной кислоты, перманганат калия, старый способ. Зато проверенный, недорогой, никаких Искр не нужно.

Собственно...

— Искры не нужны, — сказал Айнар, и, когда Гарат быстро на него глянула, изложил свою идею.

Та улыбнулась.

— Давно надо было Техника найти. Ну да ничего, как раз хорошо попал, Светочи в Пылающем Шпиле власть делят, под шумок можно поработать нашими методами. Ты совершенно прав: законы физики и химии здесь работают. В точности, как в нашем мире. И это — важно.

Она собиралась добавить что-то еще, но далекое пятно, которое близорукий Айнар вовсе не заметил, приобрело физическое воплощение вполне реальной телеги, запряженной тощей клячей. Полосатая, похожая на зебру, лошадь понуро брела, под копытами искрилась ядовитая пыль. На козлах сидел костлявый мужичок. Айнар с любопытством уставился на местного: дешевая одежда из грубого некрашеного сукна, из-под обтрепанной кепки торчат рыжие космы.

«Мои хозяева одевались получше. Иногда в красные рубахи и камзолы, расшитые золотом».

Он вздрогнул, потер переносицу. Вселенцы-поселенцы. Подселенцы. Да хватит уже, когда это прекратится, дайте одну память. Надоели эти множественные умы Билли Миллигана, туда их в качель.

Гарат словно услышала его:

— Тише, тише. Постарайся стать незаметней, — она смерила здоровяка взглядом. —

Ладно, очки сними. У них такой шулки нет.

— А как же...

Искры, конечно. Только на рабов в шахтах Искры не тратят.

Гарат выбралась на середину дороги и замахала руками.

— Тпррр, — «зебра» остановилась бы и сама, она никуда не торопилась, но мужичок все равно натянул поводья. — Эй, ты чо на дорогу вылезла? Тьфу, Светоча на вас, темнорожих, нету!

«Ого, знакомая песня», — Айнар едва не скривился. Мужик был бледнокожий, с веснушками, трехдневная щетина — рыжеватой, как и немые волосы.

Добро пожаловать в другой мир.

— Довезешь до Орона — золотой дам, — блеснула монетой Гарат.

Мужичок мигом сменил тон:

— Прости, госпожа. Так бы сразу сказала, что ты из знатных! Небось, еще и Светоч! А он — твой...

— Просто довези нас до Орона, — оборвала Гарат.

Айнар запрыгнул в телегу, словно всю жизнь этим и занимался. Помог Гарат, они вдвоем устроились среди мешков с посевами: красная пшеница напоминала мелкие плоды кактусов, такие еще растут в жарких странах. Внутри много семечек, они-то и становятся мукой.

Он таскал такие мешки. Однажды его перепродали, потому что в шахте заболел и харкал кровью, но хозяину удалось скрыть болезнь, так что сделка вышла выгодной. Айнар умирал, таская мешки. Красная пшеница на пару тонов ярче крови. Он точно знает.

— Айнар?

Гарат положила руку ему на ладонь.

— Я... просто как будто помню все, но не совсем, и вспоминаю по ходу...

— Это нормально.

Она понизила голос, хотя мужик на козлах даже не думал оборачиваться.

— Защитная реакция психики. Травматичные воспоминания этой твоей... версии скрыты. Но это не амнезия, у тебя будут еще такие...

— Вьетнамские флешбеки, — несмешно пошутил Айнар.

— Вроде того. У этого человека... у тебя была непростая судьба. Как и полагается настоящему «избранному».

— Ты говорила про фатальную полидактилию или что-то в этом роде.

— Фатальную семейную бессонницу. Прионное заболевание, около семи-десяти случаев во всей популяции. Я имею в виду не здесь, а...

— Понял.

Они оба замолчали. Темная зелень леса Цатхан по одну руку, красное зарево посевов — по другую. Айнар думал что-то о схожести и контрасте, инь и ян, а потом задремал.

— Просыпайся, соня.

«Еще пять минуточек, я будильник поставил пораньше, и вообще первым уроком физра, потом нормативы сдам...»

«Поднимай зад, ленивая скотина. Опоздаешь к раздаче жратвы — до ночи голодать придется»

Айнар вскинулся, дико оглядываясь по сторонам. Рыжий мужик меланхолично жевал травинку возле телеги, его зебра-лошадь фыркала. Наверное, ждала, пока распрягут, дадут

воды и овса. Или что они здесь ели, если уж пшеница похожа на помесь кактуса с клубникой.

Гарат Ашшала потрепала его по плечу. Айнар сжался, воображая удар плетью, и тут же расслабился.

— Я это... — он зевнул.

— Правильно, выпался. Мы на месте.

Ноги отчаянно затекли. Он потер лодыжку, коснулся старого и давно заросшего шрама, как будто от зубов.

«От оков-капканов. Склонных к побегам рабов не убивают, зато отрезают пятки: ходить можно, но медленно».

Тогда в последний момент передумал хозяин, раб был нужен прямо сейчас: мешки таскать. Как раз трясухая напала на десятерых мужчин, а проклятого тесхенца никакая хворь не брала.

«Уймись, Билли».

Он довольно неуклюже спрыгнул с телеги, зато Гарат помог со всей галантностью, на какую был способен. Рыжий хмыкнул и отвернулся, Айнар разглядел священный жест: три пальца вместе. Символ Светочей, только возница перевернул и сплюнул. Местное проклятье, хотя и не особенно действенное: на уровне стандартного «чтоб тебе провалиться». Магией владел не каждый.

— И тебе спасибо, добрый человек, — насмешливо сказала Гарат, от которой тоже не укрылся характерный жест. — Возьми вот, — она протянула монету. — Зовут-то тебя как?

— Не ваше дело, — монета, впрочем, исчезла в толстом кожаном кошельке-«мошне». — Ступайте-ка подобиру-поздорову.

Айнар считал, что идея очень даже хорошая. Он снова осмотрелся: город Орон вызывал ассоциации с понятием «замкадье», хотя ни в Москве, ни в пригородах квартиры снимать не доводилось. Добротные дома из камня, красная черепица крыш. Улицы покрыты блестящей пылью, не мощеные, но все аккуратные и ухоженные, а рядом с каждым домиком палисадник. Растения смотрелись узнаваемо-незнакомыми, словно кто-то перепутал приметы, вывел невероятное ГМО, вроде помидоров-алоэ. Синее небо придавило пыльный городок, как яркая крышка. Леса отсюда видно уже не было. Айнар предположил, что проспал границу «концентрированной магии», и если придется спешно возвращаться, то дороги к «избушке на курьих ножках» точно не найдет.

Безумный мир. Сельская местность без времени и эпохи, подумалось Айнару. Откуда-то он знал, что город небольшой, но важный. Сюда съезжались крестьяне из окрестных деревень, а на главной площади Орона проводились торжища. Их благодетель тоже не просто так «зэбру» гнал: пшеницу озимую продавать.

Сейчас, весной, торговля оживлялась перед летними страдами. Потом крупные праздники только на Урожайную, до нее больше пяти месяцев.

Гарат уже шла к вывеске «Ведро и карась», — и при мысли о карасях представились белесые глубоководные рыбы из грунтовых вод. Они скорее походили на угрей.

«Да хватит меня путать».

— Спасибо, господин, — Айнар поклонился зыркавшему из-под своей шапки крестьянину.

— Катись-катись.

Рыжий отвернулся. Айнар помялся, но счел за лучшее догнать Гарат. Худая и легкая, та

двигалась чрезвычайно быстро, как перо по ветру. Она стояла на ступенях «Ведро и карасях» метрах в пятистах от телеги, когда Айнар догнал.

— Не бросайте меня, — ему пришлось бежать. — Я тут никого не знаю, и...

— Угу. За мной иди. В таверне помалкивай, понял?

— А мы собираемся...

— Пока — не знаю, что мы собираемся. Вернее, тут базарный день будет, — Айнар знал и кивнул, Гарат помедлила и продолжила. — Попробую свои услуги предложить. Зубы рвать, нарывы вскрывать. С таким люди иногда и без Искр справлялись, не бежать же с каждым чирьем к Светочу, ну и заодно можно чуть дальше удочку закинуть...

Он осеклась и покачала головой. Айнар помедлил, галантно открыл тяжелую дверь и пропустил даму вперед.

Внутри царила та тишина, за которой приходят до обеда, чтобы сделать передышку после ранних утренних торгов и набраться сил до вечера. На стенах горели светильники, похожие на масляные, но без фитиля и жижи. Мелкие Искры, неполноценные, отработавшие свое. Светочи отдавали такие «огрызки» за бесценок. Некоторые храбрецы из уличного воря даже рисковали залезть в Пылающий Шпиль и нагрести кристаллов-стекляшек бесплатно, Айнар где-то слышал о пройдохах, наверное, на корабле. Работа гребца скучная, монотонная, вот и пытаешься ее сделать проще.

Рассказывал ему глеорец, Джебел или Джейме его звали. Он все говорил, что сначала Светочи создают большую, огромную, как дом, Искру. Затем ее дробят на помельче, продают богатым людям. Искры гаснут, богатеи возвращают их Светочам, те плохо-хорошо пересаживают в кристаллы помельче и так до бесконечности, пока не останутся вместо Искры угольки. Айнар тогда спросил: а после угольков что?

Джебел-Джейме не ответил. Он был вором, воровал «мелкие» Искры из Пылающего Шпиля, так и попал в рабство.

И еще Айнар думал, что вот плывут они на корабле «Циана Тар-Оронен», в честь первой королевы-Светоча Глеоры, а на веслах все равно рабы. Боль в мышцах соврать не даст: никаких Искр. Ну и какой получается прок?..

— ...а тебе чего, особое приглашение надо?

Здоровяк с красным лицом и руками помахал кулаком перед носом.

— На свечку засмотрелся, — признался Айнар.

— Он немного с придурью у меня, — повздыхала Гарат, снова потащила за собой, пока не толкнула за отдельно стоящий в дальнем углу закопченный стол. Лавка оказалась низковата рослому Айнару, колени уперлись в стол.

— Не тупи.

«Билли Миллиган вынырнул».

«То есть, настоящий Айнар... нет, не «настоящий». Я — настоящий, а это...».

Он открыл рот, Гарат отмахнулась.

— Знаю, знаю. Акклиматизация. Не рассказывай, все через такое проходили, вспомни из своей физики что-нибудь про наложение света и эффект абберации.

— Не знаю насчет абберации, — неуверенно начал Айнар. Перед ним поставили миску с мясом и желтой то ли кашей, то ли картошкой. Здоровяк зыркнул на них с Гарат мрачновато, да и вообще Айнар предпочел бы симпатичную блондинку в роли официантки, но выбора ему давали еще меньше, чем времени на «абберацию».

К вареву из картошки с мясом полагалась еще и кисловатая жижа, похожая на квас, пиво

и малиновый морс одновременно. Из айвы варят, пояснила Гарат. Ей явно хотелось курить.

— План ты понял?

— Чего тут не понять? — Айнар пожал плечами. — Будет ярмарка, мы там фокусы показываем. Только не магические, а самые что ни на есть...

— Стоп.

Гарат ткнула ложкой в варево.

— Фокусы показываю я. Ты пока смотришь и... не знаю, давай будешь изображать слабоумного, что ли.

Айнар открыл рот, чтобы обидеться вслух, сам почему-то засмеялся.

— А ты моя мамочка?

Попало в цель. Тонкие брови на худощавом лице взмыли вверх:

— Чего-о, какая я тебе мамочка? Я, что, на старуху похожа?

— Прости, прости, — не заржать получилось только потому что Айнар в принципе редко прежде смеялся. — Сестра. Хорошо? Можно даже младшая.

Тут, конечно, он льстил. Айнар выглядел молодо — лет на двадцать пять, на самом деле, наверное, был еще младше. Сам он не помнил, сколько ему; невольничьи годы — один за десять.

— Мы чужаки, тесхенцы. У тебя одежда совсем «не местная», — Гарат если и сердилась, то уже не на него. — Ладно, для фокусников как раз сойдет. Светочи такого не любят, однако терпят: даже они понимают, что при каждом короле должны быть шуты.

— А ты когда-нибудь видела Светоча? — Айнар спросил для поддержания разговора, совсем не ожидая, что лицо Гарат опять превратился в коричневый гранит.

— Да, — проговорила она. — Не хочу это обсуждать.

«Почему...»

«Билли Миллиган» тоже не знал, но передернуло аж до холодка по спине и мерзопакостных мурашек. Айнар боялся Светочей, и похоже, все их боялись — даже те, кто молился об Искрах на урожай, на механизмы, на кузнечные меха или подобие гончарного круга: неподвижный столб с грязью, где из света и магии рождаются обычные кувшины, кружки, тарелки, а то и ночные горшки.

«Прикладная, мать ее, магия».

Огрызки-Искры, маленькие свечи на стенах, горели ровно, как электрические лампочки. Гарат буркнула «жди здесь» и отправилась к стойке, где хозяйничал уже знакомый здоровяк — он как раз поставил кружку местного пива перед женщиной в довольно грязной одежде. Можно было пойти за спутницей, но Айнар поозирался по сторонам, улучил момент и цапнул «свечку» со стены. Крепилась она не очень надежно, а руки у него были сильные — поддалась.

И осталась гореть на ладони, словно люминесцент-фонарик. Айнар быстро спрятал добычу в карман. Хозяин заметит пропажу — подымет шум, позовет стражу, в каталажку их упрячут или еще что-нибудь в этом роде.

Воры, мол.

Никакие не воры. Для науки надо.

Орон — в честь Цианы Тар-Оронен, первой королевы-Светоча, одной из основательниц Глеоры. Айнар что-то слышал, но мало, рабов не учат истории. Гарат набросала схему города с парой пояснений, упомянула Циану Тар-Оронен, потому что все торжество-ярмарка

собиралось вокруг ее статуи. Статуя считалась священной.

— С Искрами? — поинтересовался Айнар.

— Нет, просто статуя. Обычный камень. В общем, трактирщик мне подсказал, где будет место для фокусов, но лучше его занять прямо сейчас, а то потом не протолкнемся.

Айнар сунул в рот последнюю ложку рагу и допил пиво. В кармане пряталась «свечка», пропажу никто не заметил: очень удачно рядом висела еще и связка бурого лука, пришлось ее немного сдвинуть, чтобы прикрыть пустой крюк. Хотелось рассмотреть добычу поближе, подробнее. Пока нельзя.

Людей в трактире прибавилось, на улице тоже. Рыжий крестьянин ушел, но появилось десяток телег с такими же рыжеволосыми и бледными, как мокрый сыр-моцарелла, лицами.

— УФ-индекс невысокий, да? — жарило-то прилично, Айнару пришлось вытирать пот со лба рукавом.

— Да. Причем, в Тесхене — тоже. Откуда темный оттенок кожи — понятия не имею, генетического анализа, сам понимаешь, не особо тут проведешь.

Айнар кивнул. Информация казалась бесполезной, а потом он решил — пригодится, мало ли.

Городок казался тихим, несмотря на «базарный день», люди на улицах провожали их равнодушными взглядами, большинство возилось в своих палисадниках, напоминающих обычные дачи с помидорами, огурцами, непременно колючей малиной и необходимостью вкалывать все недолгое питерское лето ради пригоршни бледной ягоды или половины мешка водянистой белесой картошки. Кое-где Айнар замечал «свечки» — поярче трактирных. Не самые хорошие, но рабочие Искры: качали воду из грунтовых колодцев, помогали отгонять вредителей. Квадратные дома с плоскими крышами подсказали еще одну догадку:

— И дожди тут редкость.

— Бинго, — отозвалась Гарат. Мимо процокала очередная зебра, а возница прищурился, услышав незнакомое слово. На телеге у него лежали крупные плоды, похожие то ли на дыни, то ли на кокосы.

— Хлебное дерево, — пояснила Гарат. — Так, и старайся говорить без незнакомых им терминов.

— Это ты сказала «бинго», а не я, — не удержался Айнар.

— Ну и нечего за мной повторять, студент.

Айнар фыркнул.

— Но насчет дождей прав. Сухая засоленная земля, только подземные течения хороши, вода чистая, свежая. Из подкормки растений — навоз и пепел, а пепел из леса...

— Постапокалипсис какой-то, — внезапно сказал Айнар, прикусил язык: опять сейчас зебра проскачет мимо, крестьянин перекрестится (или что они тут делают), призовет на головы чужаков неведомые колдовские кары. Ему повезло. В очередной телеге сидели визгливые твари, вроде мелких свиней или огромных лысых хомяков, так что хозяин ничего не расслышал.

— Свиньи вон какие.

Свиньи. Да.

— Генетически они ближе всего к капибарам. Но да, свиньи. Так, все. Готовься показывать фокусы.

Площадь была круглой, почему-то Айнар такой ее представлял. В центре — статуя на постаменте: грозная фигура женщины в развевающемся платье или накидке, с каменным

огнем на ладони. Хотелось подойти ближе, проверить, засижена ли гранитная дева голубями. Должны же здесь водиться голуби. Эти крылатые крысы везде есть. Впрочем, так просто протолкаться не получилось бы, площадь уже забили телеги с курами, свиньями-капибарами, продавали полосатых жеребят и абсолютно обычных на вид коров. Гарат пояснила, что их пасут на лугах возле леса — «там трава еще держится».

Телеги теснились друг к другу порой так близко, что пришлось пробираться с извините-простите. Повсюду шныряли мальчишки-торгаши, продавали сладкую холодную воду, цукаты и пирожки. Парочка явно подрезала кошельки, рожи у них были самые что ни на есть вокзальные. Воздух раскалился от тепла и криков — «а вот лучшие яблоки» — «...свежие корни таума» — «почем свиней отдаешь? Десять гхэ за поросенка? Да ты с дубу рухнул, в Могро на золото цены ниже!».

Пахло лошадиным и человеческим потом, кислым молоком, навозом, травами. Статуя возвышалась посреди копошения снисходительным стражем. Айнар прищурился сквозь очки, глядя на Циану Тар-Оронен снизу вверх. Подойди бы поближе, да и... нарисовать известный символ. Фаллический. Идея на уровне третьего класса школы для умственно отсталых, конечно.

Он устыдился и вновь заторопился за юркой проворной Гарат, которая темной тенью мелькала между телегами, людьми, лошадьми и облезлыми собаками. После очередного «куды прешь, дылда тесхенская» извиняться расхотелось. Вежливость в Ороне — примерно, как на улице Дыбенко.

Айнару наступили на ногу, а он с удовольствием двинул обидчика локтем. Вот, так лучше. Он теперь не раб, а свободный человек, к тому же... гений, как там его Гарат обозвала.

«Ай, иди к черту, Миллиган».

Гарат подлезла под телегой. Айнару пришлось протискиваться между тряпичником с яркими платками, платьями, «китайско-рыночного» вида штанами, рубашками и уже знакомыми хлебными плодами. Босоногая девчонка подобралась к саквояжу, протянула тонкую лапку, чтобы сорвать замок.

— Кыш отсюда, — беззлобно шуганул девчонку Айнар. Она исчезла в толпе, как испуганная дворняга.

Гарат заняла прилавок из перевернутой на попа огромной бочки. Айнар постучал по дереву — или не дереву, что-то вроде плотной травянистой структуры.

— Ты чего тупишь, давай, помогай!

Гарат разворачивала вывеску. Она изображала плоску, руку, лист травы, похожей на коноплю — полынный, местное растение, помесь полыни и подорожника, символ лекарей. Подпись гласила «ЛЕКАРСКИЕ УСЛУГИ», и секунду Айнар еще «тупил», потому что надпись была на незнакомом языке, буквы чужие. «Крестьяне неграмотные, а я — да. Откуда? Кто обучил раба...»

«Билли Миллиган» молчал. Айнар ойкнул, пробурчал «извини» под мрачным взглядом Гарат и растянул, наспех прибывая гвоздями из своего саквояжа, вывеску на двух складных шестах. Их Гарат приготовила с собой. Теперь прилавок обрел почти законченный вид, а затем последовали инструменты то ли хирурга, то ли стоматолога, то ли средневекового коновала, если Айнар чего-то знал о средневековых коновалов.

Почти ничего. Здесь лечили, разумеется, Искрами. Искрами Жизни, вот как это называлось.

Люди проходили мимо. По соседству торговали сушеными фруктами, от них поднимался приторный густой аромат. Гарат ткнула Айнара:

— Ну, кричи.

— Что кричать?

— Да хоть что. Зубы, рвем зубы, удаляем чирьи, вычищаем раны! — нараспев у нее получилось почти мелодично. Айнар кашлянул и присоединился. Люди все равно проходили мимо, косились, изредка останавливались, даже шевелили губами. То ли картинки рассматривали, то ли знакомые буквы искали. Айнар заметил широкомордого тучного типа с огромным пламенеющим нарывом прямо над бровью, бледный и рыжеволосый, как остальные, он скреб покрасневшую складчатую лысину, но выбор сделать не решался. А ведь одет хорошо, наверняка, небедный.

Боялся. Искры — это понятно, а тут щипцы какие-то...

«Знаешь», — горло у Айнара уже побаливало, но он послушно рекламировал услуги, пытаюсь переорать остальных торгашей.

«Знаешь, Гарат», — складывал он в голове, не решаясь высказаться. — «А зачем им твои скальпели и зубодерные инструменты, если можно все решить магией? Пуф — и готово. Как там в «Гарри Поттере» было? Авада Кедавра... стоп, плохой пример».

Толстяк ушел, никто больше не задерживал взгляда дольше, чем на пару боязливых секунд. У соседа фрукты раскупили до трети, солнце медленно перетекало из желтого к красноватому. Хотелось пить.

На языке теперь вертелось ехидное: ну да, мы, конечно, прямо-таки непримиримую войну магии объявили. Наука одерживает победу за победой. Сводки с фронта самые воодушевляющие.

— ...удаляем зубы, чистим раны, — заунывно выводил Айнар. У него получалось с особым распевом, тесхенское наследие сказалось. Гарат вторила глуховатым прокуренным голосом.

Рынок понемногу редел, люди расходились кто по домам, кто запрягал полосатых лошадей. Приехавшие издалека, наверняка, торопились занять хорошие места в таверне, чтобы не ночевать под открытым небом или в амбаре, другие предпочитали подождать «до последнего клиента». Фигура Цианы Тар-Оронен взирала на неудачливых прогрессоров-попаданцев свысока, высокомерно, как должно быть, при жизни Светоч и смотрела на простых смертных.

Айнара перестал орать.

«Пойдем отсюда», — он собирался сказать именно это, только стоило оформить фразу в надлежащие аккуратные «скобки». Что-нибудь типа: в другой раз повезет больше. Может, завтра, если еще будет базарный день. Или город выберем получше, вот например...

— На помощь! — крик повис в холодеющем вечернем воздухе. Сосед с фруктами выронил хлебный плод, и тот упал на мостовую, разбрызгав темно-оранжевую, пахнущую дыней, мякоть. Двое зевак с леденцами оглянулись с растерянной неторопливостью. — На помощь! Помогите! Мой сын! Умирает! Помогите!

Гарат перепрыгнула за прилавок. Позже Айнар осознал, что так и не понял — как ей удалось за мгновение собрать все свои щипцы-скальпели и зубодерные инструменты, опередить на десяток шагов. Ему пришлось нагонять. Вывеска и прилавок остались позади.

— Умирает! — снова раздался крик. Первый голос был женский, второй мужской, потом снова женский.

Толпа собиралась метрах в ста от никому не нужной врачебной палатки. Зеваки бормотали об Искрах, мол, ни у кого нет с собой — хорошей такой. Искра Жизни нужна, заявила бабка с крючковатым носом. Молодая девушка, похожая на нее, дочь или внучка, пробормотала, мол, дома-то есть, но с собой не прихватили. «Э, да поздно уже. Помрет мелкий!» — вороной на заборе прокаркала бабка. Айнару снова пришлось проталкиваться, Гарат же двигалась с обычной своей легкостью, будто мелькала между людских спин, поясов, рубах, платьев.

— Мой сын! Он не дышит!

— Да отойдите, остолопы, ему воздух нужен!

— Не толпитесь!

— Мой сын, мой мальчик!..

Айнар протолкался еще дальше. Гарат уже склонилась над ребенком лет семи-восьми, он лежал на телеге, запрокинув голову. Светлокожий, рыжеволосый, как все местные — и с уже начавшими синеть губами.

— Отойдите, я помогаю.

Простоволосая женщина в цветастом платье повисла на локте:

— Помогите Гуннару! Умоляю вас, господин, помогите!..

Она была младше Ленки на вид, зареванная. Поодаль мял шляпу очередной мужик, судя по характерному растерянному виду — отец. «А че, а я че сделаю». Тупица, мысленно обозвал его Айнар.

— Конечно, — он кивнул матери ребенка.

— Давай, помогай, — Гарат быстро и ловко разворачивала инструменты. — Аллергическая реакция. Смотри, вот тут, — она показала на щеку мальчишки, где пылал налитый красным укус. — Пчела или оса. Отек Квинке, придется делать экстренную трахеостомию. Черт, надеялась обойтись простой интубацией, но отек слишком сильный...

— Эээ, а я...

Айнар боялся крови.

У него затряслись руки, едва не выронил хирургические инструменты, которые раньше видел только в фильмах — зажимы, наверное, еще что-то. Гарат окатила его резко пахнущей жидкостью, вроде спирта или более активного дезинфектора.

— Давай быстрее!

Он сглотнул.

«Лишь бы не грохнуть в обморок».

Вот хохоту-то будет. Хотя нет, мальчишка задыхался, совсем не дышал уже минутой-две, скоро для него все будет кончено.

— Просто делай, что говорю, — буркнула Гарат.

Саму операцию Айнар запомнил плохо. Гарат работала очень быстро, будто каждый день по сотне таких вот экстренных трахеостомий проводила: вскрыла отекающую разбухшую шею, казалось, что из нее сейчас брызнет гной, как из воспаленного налитого прыща, но раздутое горло просто поддалось. Гарат вставила трубку, приказала Айнару фиксировать по краям.

Крови было не так уж много. Разрез — жутковатый, замутило, мир окрасился в серо-зеленые оттенки, но Айнар удержался на ногах. Резкий запах дезинфекционного раствора помогал сохранять сознание, а еще плач женщины, матери мальчишки, и блеющий какой-то нерешительный голос отца. Мужчина оправдывался, мол, он вот все время был, продавали

пшеницу и яблоки, откуда ж знали, что такое случится.

Несколько секунд не происходило ничего. Мальчишка с раздутой до размера башмака шеей так и лежал, глаза открылись и остекленело таращились в пространство. Теперь из разведенной гортани торчала трубка, Гарат продолжала работать, вколола Гуннару что-то из закрытой банки. Шприц у нее был стальной, многоразовый. Айнар такие только в фильмах видел, надо же, остались они еще.

— Помер малец-то, — пробормотал какой-то зевака.

— Ну дык, — подтвердил другой. — Ежели вот тебе горло-то разрезать, сам долго ли проживешь?

— Все тесхенцы, — третьей вклинилась женщина, дородная баба в зеленом с желтыми пятнами аляповатых цветов платье. — Убивцы!

«Сейчас начнется».

Айнар похолодел. Он поискал глазами скальпель — оставила ли Гарат его поблизости. Того гляди, придется отбиваться от обезумевшей толпы. Тесхенцы — чужаки, враги, они ведь убивают детей. И никаких Искр в лечении не использовали...

— Дышит, дышит уже, — крикнула Гарат.

Пара женщин притиснулись поближе. Кто-то потрогал руку и ногу мальчишки.

— Живой, — провозгласила стоящая рядом с Айнаром, тощая, лохматая, похожая на лошадь, только местных полосок не хватало. — Живой, дышит!

— Не лезьте, дуры, — их оттащила пара мужиков. Зеваки наседали, но отец ребенка вдруг как будто проснулся и понял: может пригодиться, может помочь сыну, наверняка, первенцу — и отчаянно, с испуганием человека, который больше ничего поделать не может, прогонял любопытных. Толпа не редела, но отступили шага на два.

Гарат невозмутимо проверяла пульс и дыхание.

— Уже лучше.

Она повысила голос.

— Живой, живой! Пчел пусть остерегается.

— Дык... — отец поскреб лохматую макушку, после чего вернул шляпу на место. — Пчелы да пчелы, че с них взять.

— Ну хоть не за лицо пусть кусают, — отмахнулась Гарат.

Еще спустя минут пять отек спал. Мальчик дышал самостоятельно.

— А че, он так и будет... — снова высунулся папаша и ткнул грязным пальцем с черной каймой под ногтями в сторону трубки.

— Сейчас уберем. Айнар!

Убирать оказалось легче. Гарат вытаскивала трубку, он аккуратно отцеплял зажимы. Живая человеческая плоть оказалась упругой и совсем не податливой, Айнар все сравнивал ее со свежей резиной для покрышек, хоть заливай в форму для отливки. Он помогал откачивать лишнюю кровь и жидкость, пока Гарат зашивала рану.

— Лекарства у меня местные, — объяснила она. — Действуют небыстро, мальчишка бы успел того. Ну да ничего, шрам на шее останется, мелочь.

Ранка оказалась маленькой и аккуратной. Почти незаметной, если бы какая-нибудь местная курица клюнула, едва ли остался бы более заметный шрам. Словно ничего не произошло. Айнар таращился на эту "метку", думая: "Ну это же просто. Было. Или не очень?"

Гарат, тем временем, действовала без него. Она с деловитым видом сунула матери склянку.

— Будете смазывать дважды в день, пока не заживет.

Та сползла на землю, как показалось Айнару: в обмороке, но оказалось, что всего лишь рыдает в иступленной благодарности — руками она цеплялась за грубое платье Гарат, лбом прижималась к коленям. На бульжники падали слезы. Даже зеваки прониклись: кто-то зашмыгал носом. Отец растерянно улыбался, а потом подскочил к Айнару и обнял его.

— Хорошие вы. Вот ты. Хороший парень. И девка твоя... Умные! Надо ж придумать, такую штуку сделать! Трубку мальцу в глотку вставить, значит!

"Трубку".

Когда это говорила вслух, звучало жутковато.

Трубка лежала рядом на телеге — в крови, теперь еще и с налипшими комьями травы. Ее придется долго отмывать и дезинфицировать, подумалось Айнару, зато теперь он и сам дышал полной грудью, в ответ обнял гуннарова отца, и зеваки заорали, захлопали в ладоши, как все зеваки во всех мирах, если драматичная сцена заканчивалась хорошо.

Законы жанра, они такие. Спасать нужно невинных и слабых, а злодеи чтобы оказывались в самой глубокой... пещере. Ну или там, камере. Так оно правильно.

Спустя еще минут десять мальчик пришел в себя. Его напоили водой, посадили в прохладное место. Он озирался, не понимая, чего понадобилось всем этим людям, горло еще болело, говорить не пытался. Он напоминал самых обычных пацанов, какие гоняют футбол во дворе. Между детьми в разных мирах, похоже, не было никакой разницы. Наверняка, если ему дать футбольный мяч, то быстро сообразит, что с ним надо делать. Еще и своих друзей научит.

Какая-то ерунда лезла в голову. Должно быть, Айнар еще не до конца пришел в себя.

Гарат совала матери снадобья в глиняных и стеклянных резервуарах, объясняла, что делать, если опять возникнет отек.

— ...Корни таума с третьей частью полынного, поняла? Хорошее противоотечное и антигистаминное... то есть, хочу сказать — поможет.

Женщина моргала:

— Да у нас Искра Жизни есть. Вот недавно купили как раз. Только с собой не взяли, а то...

— Искра-искрой, а про корни таума с полынным не забывай. А еще можешь эту смесь вот для чего использовать.

Айнар чуть отошел: люди слушали. Расходиться они не торопились, поэтому ловили каждое слово Гарат.

«Вот, что она имела в виду».

Айнар даже улыбнулся. Конечно, вряд ли она рассчитывала, что им повезет эффектно спасти ребенка от аллергического отека, смертельного без экстренной операции, но и с чирьями-зубами бы сработало. Не настолько драматично и пафосно, но как говорится, сойдет для сельской местности. В которой, по сути, они и находятся.

Корень таума, полынный, какие-то еще местные травы. Люди не совсем забыли медицину помимо магии — просто использовали ее редко, да и зачем? Никто не прикладывает подорожник, если есть антибиотики...

Но Искры не антибиотики.

Айнар подошел к отцу ребенка.

— А хочешь, научу пчел окуривать, чтобы близко не подлетали?

Наверняка, полагал Айнар, он знает. Крестьяне, даже если не пасечники — они ж только и делают, что со всякой живностью работают. Неужели до дымаря не додумались, он — городской житель, и тот просто ради любопытства интересовался.

Мужик посмотрел на него прозрачными и непонимающими бараньими глазами.

— Дымарь, — сказал Айнар — Если будете пчел отгонять, вам нужен дымарь.

Он достал из саквояжа журнал и принялся зарисовывать будущий шедевр прогресса. Тем временем, к Гарат потянулись люди — среди них Айнар узнал и давешнего толстяка с чирьем.

Он улыбнулся. Дымарь тоже пригодится, а еще — его помощь доктору Ашшале, потому

что Искры-Искрами, а доступная медицина — вот она, прямо сейчас. Айнар подмигнул Гуннару: мальчишка очухался настолько, чтобы потихоньку встать и подойти к матери. Та отправила его обратно, отдыхать, но любопытный малец был рекламой куда лучшей, чем нарисованные аляповатые символы вместе с полыником.

Сработало же.

— Вот тебе чертеж дымара. Покажи кузнецу, ну или хочешь, я сделаю. За сходную цену.

Отец Гуннара смотрел на Айнара с открытым ртом.

— Я еще не то умею, — снисходительно добавил он, считая, что имеет полное право на свои пятнадцать минут славы.

Минут оказалось больше.

Они работали до глубокой ночи. Внезапно оказалось, что у людей из насквозь магического мира, где недуги от поноса до проказы лечатся наложением волшебных огоньков, полным-полно болезней. Это были «несрочные» или «среднесрочные» случаи: чирьи, нарывы, вросшие ногти, гнилые зубы. Одному тощему и пожелтевшему типу Гарат удалила тронутый уже зловещей синевой гангрены палец, отругала: чего ж вы, господин, тянули. Тот ворчал: работы много, некогда, Искры Жизни дома закончились. Смущаясь, подходили женщины, иногда даже беременные, тогда Гарат выгоняла Айнара «передохнуть», а сама принимала в наспех организованной «палате» из крытого навеса, телеги и некрашеной холстины-ширмы.

Айнару все хотелось осмотреть поближе позаимствованную в «Ведре и карасе» «свечку». Интересно, ее хватились? Почти погасшие Искры — все-таки Искры. Он никак не мог выбрать удобного момента, толпа собиралась все плотнее, его дергали за руку — спрашивали, не Светоч ли Гарат. Айнар огрызался: нет, разве не видели, инструментами работает и склянками. Полыником, корнем таума, выжимкой листьев ольховника и прочим в таком роде. Он говорил быстро и бегло, с опозданием прикусывал себе язык на каком-нибудь «иммунитете» или «аллергической реакции», ловил странные взгляды.

«Я чужак, мне можно».

Попутно он осматривал телеги. Конструкция стандартная: колесо, спицы. Додумались же, лошадей приручили. Может, Гарат преувеличивает? «У меня лапки» от магии не такие уж «лапки»? Ну да, технология направилась по альтернативному пути, и что?

В темноте слабо светились глаза статуи. Люди Орона кланялись и делали молитвенный жест. Айнар попытался разговориться с одной из клиенток, средних лет женщиной, которая притащила сразу двоих детей, и теперь причитала, что им обоим нужно к Светочам, насколько Айнар понял — бородавки выводить. Он спросил про полив, про пахоту, посевы. Искры, везде Искры.

«Ничего не понимаю».

Толпа разбредалась под луной и странными нездешними звездами — «Билли Миллиган» узнавал их, а имен у звезд не было, местные считали их недосягаемыми Искрами, символом власти Светочей над простыми смертными. Обычная религиозная чушь, решил Айнар.

Гарат тронула его за плечо.

— Двадцать шесть гхэ и семнадцать нитов.

Айнар открыл рот. За восемь гхэ можно купить хорошего поросенка. Двадцать шесть — целая корова или даже лошадь.

— Неплохо так!

— И это я половину бесплатно лечила, — невозмутимо добавила Гарат. — Советовала, как варить микстуры из обычных трав, как очищать раны, помогать при простуде. Хоть бы слово запомнили, и уже легче, уже не пойдут за Искрами!

На последней фразе она понизила голос до шепота, с неудовольствием покосилась почему-то на статую, как будто каменная Циана Тар-Оронен могла спрыгнуть с постамента и лично покарать за хулу.

— Все, идем отдыхать.

— В «Карася»?

— Какой там, поди битком набито. Тесхенцев уж точно не пустят, — Гарат отмахнулась. — Поищем где-нибудь амбар.

— А ужин?

— А вот ужин купить можно.

В амбар набилось еще полдесятка желающих, зато хозяин пытался урвать всю возможную выгоду «базарного дня», поэтому ужин приготовил тоже с запасом. За отдельную плату, конечно. Гарат ворчала: десять нитов за двоих содрал, скупердяй. Айнар заглывал хлебно-мясное на вкус варево с прожилками то ли лука, то ли капусты. Рагу было острым, соленым, от него хотелось пить, зато горячим и сытным, а выбирать ему не приходилось. Гарат ела медленно, а потом позвала Айнара — мол, поговорить надо. Соседи уже завалились спать, распространяя запах перегара, портянок и пота вместе с оглушительным храпом.

— Смотри, колодец, — показала Гарат Айнару.

Тот пожал плечами. Колодец как колодец.

— Грунтовые воды черпает. Вон Искра.

Желтый фонарик вспыхивал там, где журавль переходит в нить.

— Стандартная конструкция, которая ни черта бы не работала без Искры, — добавил Айнар и осекся. Темное лицо Гарат под светом из одной луны казалось едва различимо. Блеснули желтоватые зубы:

— Именно. Ты изучай-изучай. Технарь наш.

Айнару послышалась издевка.

— Если ты мне хочешь предъявить, что я ничего полезного не сделал, так это потому...

— Тихо, тихо. Медицина — проще. Искрами не каждую бородавку лечили. Простейшие отвары-повязки все равно умели накладывать, а вот заставить колодец качать грунтовую воду без магии — задача инженерная. Это тебе не чирей вскрывать. Смекаешь?

— Это здесь я должен сделать...

— Эх ты, Айнар Венегас.

Гарат вздохнула.

— Включай уже свои мозги, гений.

Уши запылали от обиды:

— Нет, ну я могу попробовать сделать чертеж, поработать и предложить завтра хозяину... — он широко зевнул. — Или послезавтра. Это не на один час задача.

— Вот именно. Прямо сейчас ничего трогать не стоит. Запоминай. Думай. А чертежи — лучше заранее готовь. Теперь яснее?

Айнар хмуро кивнул.

— Спать идем, — приказным тоном заявила Гарат, и он последовал за ней, но повертевшись в мягком пряно пахнущем сене, выбрался наружу. Если и заметят, можно что-

нибудь придумать.

Айнар вернулся к колодцу и достал «свечу». Холодный кристалл разгорелся в темноте куда ярче, чем среди других на стене «Ведро и карася». Искра перетекала из желтого в красноватый, потом почти до голубого и снова в лиловый; радужный спектр захватывала, понял Айнар. Он достал журнал и записал:

«Яркость. Мощностъ. Сила. Чистота. Проверить».

Он снова трогал кристалл, пытался понять его структуру: кварц? Дешевый плавленый алмаз, даже не фианит, а скорее технический? Вообще янтарь, застывшая древняя смола?

«Похоже, третье».

Тепло, холодно? У янтаря высокая способность к электризации. Айнар потер «свечу» о свои волосы, убедился: магнитит. Не так сильно, как если янтарную палочку познакомить с кошачьей шерстью, но сработало — несколько сухих травинок послушно поднялись с земли за «магией». Это не Искра даже, помнил он, так, огрызок. Последняя ступень перед забвением: висеть в захолустной таверне с названием вроде «Ведро и карась», дальше только остывшие углы и серый пепел.

Не тепло, не холодно.

Искра не ощущается «никак», потому что ты, Айнар Венегас, жалкий смерд, раб и безымянный чужак в спасаемой Светочами Глеоре, куда тебе понимать священное знание.

Он широко зевнул. День выдался куда как тяжелее, а Гарат, наверняка, разбудит завтра спозаранку. Айнар еще разок напоследок осветил лунную ночь слабой полузаглушенной свечой. Его взгляд упал на один из камней, Айнар поднял его, рассмотрел поближе: характерный блеск «фальшивого золота» намекал: пирит, «золото дураков» или просто дисульфит железа. Надо попробовать почикать кресалом, решил он, добыть огонь старым дедовским способом, почти что огнивом. Подойдет любая хорошая прочная сталь. Завтра заглянет к кузнецу.

А пока спрятал и ворованную свечу, и свою неприметную находку, словно она за единственный миг превратилась из никому не нужного камня в драгоценный артефакт.

В Гарат Ашшале Айнар точно не ошибся: та проснулась затемно и потрясла его за плечо:

— Вставай, вставай.

Остальные еще храпели — и это крестьяне-то, которые, очевидно, привыкли к ранним пробуждениям. Впрочем, Айнар тоже привык, на самом-то деле. В рабстве не подрыхнешь до полудня. Вот только он съезжился и будто пытался уползти от неумолимо надвигающегося дня: черная пыль на языке и в горле, от нее кашляешь так, что иногда накатывает рвота. Нужно не рвать: выйдет завтрак — до ужина голодным ходи. Нужно терпеть.

«Стойте-ка».

— Миллиган, отвали-ка.

— Какой еще Миллиган? — удивилась Гарат. Она, похоже, успела умыться, потому что выглядела чистой и аккуратной, словно не в груди сена спала, а на вполне приличной постели, да еще с удобствами в виде душа-туалета.

— Билли Миллиган. Это я айнаровы воспоминания так называю.

Очень сложно объяснять подобные вещи. Как будто притягиваешь чьи-то другие знания, а они упираются упрямыми лошадьми. Или там, сломанным жигулем, который попробуй завести без чужой искры.

Вот, опять.

Путано, непонятно.

— Ты и есть Айнар, — напомнила Гарат, поджала губы, но продолжать не стала. —

Потом ты перестанешь делить «себя» и «его».

Опять это вот. Попробуй пойми. Хотя, в принципе, почему бы и нет. Оно даже теоретически складывалось...

«Ну да, потому что то и другое — я. Квантовая, туда ее в качель, неопределенность».

Айнар зевнул. Размышлять о природе разделенной двойственности и квантовой запутанности в полпятого утра не хотелось. Он опять поплелся к колодцу, хотелось если не зубы почистить, то хоть рот прополоскать, умыться и все прочее. В кустики наведаться. Хоть лопухи они тут освоили, подтирались без всяких там Искр.

Завтрака дожидаться Гарат не стала, пришлось только выразительно повздыхать. «Потом перехватим», — заявила она, наводя на мысли о том, что «по жизни» питается чашкой отвара из корня иммар. Напиток получался горьким, по вкусу сродни зрелому пуэру, действовал похоже: бодрил. Кстати, от чашки иммарова отвара он бы тоже не отказался, но лучше яичница из трех яиц с беконом, сосисками, жареной картошкой, солеными огурцами и...

Он шел за Гарат, вздыхая о несбывшемся. Остановился возле кузни: это была она, открытая, защищенная только прочной каменной крышей. Хозяин еще не пришел, сновали два сопляка-подмастерья лет двенадцати-четырнадцати.

— Погоди, — попросил Айнар у Гарат. — Я сейчас, две минуты.

Хороший кусок стали нашелся всего за два нита, по ниту каждому из мальчишек. Оба засияли ярче начищенной тарелки. Айнар огляделся: они вполне традиционно раздували меха, накаляя огонь... ах нет. Вон очередной «светильник», вездесущая Иска, словно пятно поверх вполне обычных вещей. Хотелось отчистить это «пятно», пойти вытащить кузнеца из постели или из-за стола с наверняка сытным завтраком и ткнуть: вот видишь? Камень и железо. Щелк — огонек. Вот тут меха, поддув, отвод жара. Плавить сталь, охлаждаешь водой, добавки по вкусу. Никаких тебе Искр не надо, кроме тех, что летят от пирита с обточенной железкой.

Мальчишки попрятали монетки, видимо, боясь, что «дяденька» отберет плату, еще и уши надерет. Они украдкой перешептывались, тыкали в него пальцем; то ли тесхенец им казался диковинкой, то ли очки на носу.

Айнар вернулся к Гарат.

— Что ты там сделал? — хмурилась та.

— Ничего, — честно ответил он. — Пока — ничего. А мы куда идем вообще?

— К людям, — пожал плечами Гарат, но допрашивать дальше не стала, переключилась. — Вчера многие просили заглянуть. Орон — не самый большой город, обойдем желающих до обеда. Кого подлечу, кому пропишу мази, травы, составы разные. Искры Жизни всегда были самыми дорогими, догадаешься почему, гений?

— Потому что вопрос жизни и смерти, — в тон ей отвечал немного обиженный этим насмешливым «гений» Айнар.

— И это тоже, но главным образом, потому что все есть жизнь. От приплода свиней и коз до рождения первенцев. Экономить пытались и прежде. Я просто подскажу, как обойтись вообще без Искры Жизни. Или почти без нее.

Айнар подумал немного.

— Гарат, — сказал он. — Но Искра работает надежнее. Мне кажется, как раз в твоём деле лучше бы совмещать магию и науку. В чем фишка: если я соберу станок, и он заработает, он будет работать всегда. А организмы, ну... непостоянные. В нашем...

Он осекся, слово показалось неправильным.

— В другом мире антибиотики изобрели, электронику всякую, но на сто процентов только зубы рвать научились.

— На девяносто. Иногда оставляют корни, — нейтральным тоном ответила Гарат. — Да, именно так. Поэтому сказала: «почти». Поэтому меня десять лет плохо-хорошо знают, но не трогают. Я не предлагаю ничего революционного, не заставляю вовсе отказываться от Искр. Технический прогресс начинался не с медицины.

— А с военных технологий, — вырвалось у Айнара, и он прикусил язык, затряс головой. Он не соберет атомную бомбу в средневековье — ладно, Глеора не совсем средневековье, мелкий городок вообще не показатель «как оно тут».

«К тому же королей-министров нет. Только Светочи. Они религия, они правящая элита, все сразу. Довольно удобно, бунтовать некому — мир без революций, потому что слишком рискованно поднимать суковатую палку против Искры».

— Я хочу потом в большой город.

Гарат как будто знала.

— Могро, — сказала она. — Тебе нужна столица, Могро. Отсюда — дней шесть пути. Подумай сразу, чем будешь там жить и зарабатывать на кусок хлеба. В здешнем захолустье-то тебя не бросят, накормят, напоят, найдут в амбаре местечко на ночь. Денег не возьмут, максимум — отработаешь на поле. Другое дело — город.

— Я догадываюсь, — сказал Айнар, который никогда не видел ничего крупнее Орона. Или жил в столице на миллион жителей?

«Билли Миллиган, кто из них кто?»

Первый дом оказался совсем бедной лачугой. В ней на серых тряпках прямо на полу лежала девушка со сломанной ногой, мальчишка лет восемнадцати — то ли брат, то ли муж, объяснял, что на Искру денег не хватает. Магия срastит кость за часы и дни, шиной и фиксатором потребуются недели. Наблюдая, как Гарат фиксирует деревяшкой и заматывает в три слоя тряпками, Айнар сказал:

— Погодите-ка.

Гипсовых залежей поблизости не видел, но гончар-то в городе был. Айнар поймал за рукав грязной рубахи болтливого парня — тощего и рыжего, все они были такими здесь.

— Гончар? А, ну да, — он объяснил как пройти, всего три улицы и два дома, «а там здоровый карагач и яблоня за забор вывалилась». — Только, зачем тебе гончар? У него Искра только своя...

— Знаю.

Айнар кивнул Гарат, та — ему. Девушка пыталась шевелить ногой. Ее звали, как услышал Айнар из разговоров, Клара.

— Лучше не двигайся, пока не закончу.

Про глину он только слышал. Это не медицинский гипс, вообще-то даже близко не он, но вроде сойдет. Удивительно, что Гарат сразу же не отправила своего нового помощника за нужным ингредиентом. «Ждала, чтобы сам додумался? Но я не врач...»

«А тебе придется быть всем. Научить их пользоваться только что не камнями».

Он потрогал найденный накануне кремень. Бросил беглый взгляд на тлеющую свечу: и не думала гаснуть. Железо тоже на месте.

Кряжистый старик с длинной «соль с перцем» бородой работал раздетым до пояса, когда его окликнули — даже не обернулся. Глуховатый или просто чужаков не любит, Айнар выяснять не стал, показал монету в два нита: дороговато за ком свежей глины, но уж ладно. Старик только бросил вслед недоумевающий взгляд, попробовал монетку на зуб — сойдет.

Глина влажно хлюпала в мешке, когда Гарат обмазывала ей шину.

— Вот, — говорила она. — Высохнет — можешь ходить. Айнар сделает тебе костыли, сделаешь же? Вон там дерево торчит старое, сухое. Нож возьмешь у Кая.

Каем звали парня.

— Ходишь будешь так недельки две, не меньше. Лучше передержать. Потом глину разобьешь, повязки снимешь. Как новенькая нога не будет, ты уже перелом сместить успела, но хромота останется совсем незаметная.

Остроносая веснушчатая Клара внимала Гарат с благоговейно приоткрытым ртом. Зафиксированная нога больше не причиняла ей боли; похоже, девушка ждала, когда сможет подняться с кисло пахнущих тряпок, пройтись хоть на подпорках, выглянуть из дома. Айнар вырезал костыли; его руки умели работать по дереву. «Приходилось, весла для кораблей строгать. Не все магией же делается».

«Просто удивительно, Билли».

Они закончили с Каем и Кларой часа через два. Гарат милостиво разрешила заглянуть к торгашу — поблизости как раз притаилась маленькая лавка, купить хлеба, местного красновато-оранжевого сыра, фруктов и воды. После позднего завтрака отправились во второй дом.

Как и накануне, пациенты перепутались в айнаровой голове. Дом за домом, гниющие раны и утробный кашель, язвы, нарывы, вросшие ногти, плешь и лишай на неприличном месте, в лучшем случае — блюющие девки с явным токсикозом. Девка была незамужней, мать ее чуть не прибила, когда Гарат установила причину дурного самочувствия по утрам.

Айнар помогал Гарат, а хотелось большего: да хоть находку испытать, кремень с огнивом. Зря, что ли, целых два нита отдал?

Он был близок к тому, чтобы подергать Гарат за рукав грязноватой рубахи и спросить: а можно бы уже к чему-нибудь другому перейдем? перевязки и отвары вместо магии — это здорово и правильно, но не по моей части. Правда, пока помалкивал и лишь вздыхал.

— Все, кажется, последний, — сверилась с собственным журналом Гарат.

Домик стоял на окраине, но выглядел лучше прочих: двухэтажный, очень аккуратный, с декоративными цветами — маргаритками, ирисами, даже плохо завязавшимися и бледными, но настоящими тесхенскими розами. Айнар вздернул бровь:

— Здесь важная шишка живет?

— Ага, — сказала Гарат. — Двоюродный брат местного бургомистра. Сам понимаешь, нигде родственники власть имущих не бедствуют.

— Кто бы сомневался.

Айнар помедлил.

— Странно, что они тебя позвали. Я имею в виду, остальные-то беднота, ясное дело — экономят, лишнюю Искру не купят, но эти...

Гарат прищурилась:

— Соображаешь. Но как раз бургомистра я немного знаю, есть тут такой, Фран Кейпер. Он и прежде интересовался моим «искусством», просил научить его родичей. Вроде как раз у брата, Удо Кейпера, то ли дочь, то ли племянница учиться хотела.

— То есть, тебе девчонку в ученицы отдадут? Бургомистрову родственницу?

Айнар уставился на розу — крупная и яркая, единственная хорошо уродилась на фоне бледных и жухлых товарок, которым не хватало тепла.

Гарат пожала плечами.

— Нам нужно работать с местными людьми, и чем на более высокий уровень дотянемся, тем лучше.

— Понимаю, — согласился Айнар, и немного нахмурился, словно вступил в темноту: шахта или насквозь промокший корабль, его бьют тяжелой палкой с обивкой из древесины-«бочки», чтобы не сломать кости, не порвать кожу, а синяки — да заживут, тьманники с ними.

«Тьманники».

«Билли, что это такое?»

Страх и боль. Айнар передернул плечами, как будто стряхивая внезапный холод. Гарат снова его опередила, и он двинулся следом.

Тяжелую кованую дверь открыла тихая девушка — очень светлая, похожая на вылинявшую тряпку или на моль-альбиноса. Айнар заподозрил: рабыня с Кьенингарских островов, но для рабыни девушка была слишком хорошо одета, платье новое, вышитое

сложным узором. И все-таки она не решалась даже поднять на посетителей взгляд блеклых рыбьих глаз:

— Добро пожаловать, господа, папенька уж заждались. Просили вас к нему вести как придете, уж извольте послушаться.

Она поклонилась.

Гарат оглядела ее с головы до ног, ничего не ответила. Она поднялась почти сразу наверх по каменной лестнице, Айнар бегло успел оглядеться, отметив богатое убранство: большой очаг-печь с целыми двумя Искрами, широкий стол, шкафы, повсюду развешаны съедобные травы, и даже ваза с цветами на подоконнике. Умывальник и тот висел на почетном месте: мол, вот, какие мы аккуратные и чистоплотные.

Второй этаж не уступал: коридор со свечами-мелкими Искрами, несколько закрытых деревянных комнат. На видном месте висела медвежья голова — медведи Глеоры больше напоминали поджарых медоедов, только размером с хорошего бурого. От злобно ощеренных клыков хотелось держаться подальше.

«Моль» скользнула мимо них настоящей бабочкой и с новым поклоном открыла дверь. Айнар успел увидеть кабинет с письменным столом, шкафом, кресло с сидящим в нем дородным типом, но этот «тип», едва заметив сопровождающего, прикрикнул:

— Пусть баба одна входит, помощничек обождет!

Пришлось остаться на пороге: Гарат быстро шикнула: «я скоро». «Моль» тоже замерла рядом с Айнаром, косила на него, как загнанный заяц и явно боялась хоть слово вымолвить.

— Внизу подождать можно? — спросил Айнар.

«Моль» с облегчением вздохнула:

— Да, господин. Папенька поговорить-то любят, а хозяйку вашу давно поджидали...

«Хозяйку?»

Айнар напрягся:

— Я свободный человек.

Снова рыбьи глаза, как будто селедка соленая из банки уставилась:

— Конечно, господин. Извольте вашу хозя... иначе называть?

— Никак не нужно.

И он, не дожидаясь разрешения, пошел обратно по лестнице. Невежливо, но настроение испортилось в нуль.

Айнар хотел выйти на улицу, его схватили за рукав. Обернувшись, увидел девушку.

— Простите папеньку, господин.

Стало неловко.

— Это ты... э-э вы извините. Как вас зовут?

— Зоэ Кейпер, господин.

— Айнар. Айнар Венегас, можно просто Айнар, и пожалуйста, не называй меня господином, хорошо?

«Моль» моргнула красноватыми веками с бесцветными ресницами.

— Как скажете, гос... Айнар.

Он скрежетнул зубами.

— Я тут посижу, хорошо?

— Конечно. Хотите воды? Иммарова отвара?

— Давай, — бросил Айнар, просто чтобы занять время и чем-то заполнить неизбежные паузы, которые растянутся на мили, если без чашки черного отвара. — Буду премного

благодарен.

Он проследил, как она наклонилась над очагом и прикоснулась к кристаллу Искры.

— А знаешь, — Айнар подошел ближе. Зоэ вздрогнула, едва не выронила похожую на подсвеченный изнутри кварц безделушку. — Я могу тебя научить разводить огонь без вот этой штуки.

— Господин... Айнар изволит шутить, — Зоэ закрыла своим маленьким худощавым телом очаг.

— Не-а.

Он достал огниво и кремь.

— Тут, правда, понадобится солома... о, вон есть сухая трава. Невидадь. Сколько стоит пучок соломы, Зоэ?

Айнар положил хрупкую желтую охапку прямо в очаг. Он отметил, что растопку использовали, несмотря на Искры, и едва не фыркнул: грош цена в базарный день такой магии, для которой еще условия создавай. Вот разжигать топку на мокром дубе посреди болота — это бы смысл имел. Да и то — керосин справится лучше...

— Смотри.

Он не знал, получится или нет. Айнар Венегас, раб, сын Джерайи Венегаса и Дакоти Ашор, никогда не пользовался такими штуковинами. Человек из другого мира, который осознал, что плохо помнит то, иное имя, — и отмахнулся, ну не сейчас же, — тоже. Газовые зажигалки лучше. Или индукционные плиты. Индезит думает о вас. Кремь с огнивом — нет.

Щелк.

Мелкие огоньки разлетелись, солома не взялась. Зоэ помялась:

— Господин Айнар, — она словно бы нашла компромисс между пожеланиями и воспитанием своего деспотичного «папеньки». — Позвольте...

— Да я сейчас!

Он раздраженно зашипел.

Второй раз огонь взялся так послушно и ярко, словно всю жизнь только об этом и мечтал: выйти на сцену, рожденным из обычного камня и железа, никакой магии, никаких дешевых чудес, уцелевших со времен четвертичного кайнозоя.

Зоэ молчала. Айнару хотелось потрясти ее за руку: ну? Тебе понравилось? Что скажешь?

Она молчала, в прозрачных глазах отражалось пламя. Зрачки расширились и поглотили радужку.

— Это... так...

— Попробуй сама.

Айнар плюнул на пальцы и, поморщившись, погасил огонь.

— Щелкни во-от так. Бей, не стесняйся. Это не про силу, а про навык, но освоить нетрудно. Покупать зато ничего не придется, никаких Светочей, сами обойдетесь, железок полно, камни на дороге валяются, бесплатные. Они только смотри, слоистые должны быть, с во-от такими золотыми прожилками.

Зоэ приняла оба предмета, заторможенно опустила на колени и чиркнула. Сухая трава послушно загорелась снова.

— Видишь! — торжествующе объявил Айнар. — А я чего говорил!

— А можно... еще раз...

— Сколько угодно. Смотри, — Айнар убрал Искру, затем вторую. Зоэ вздрагивала,

словно он замахивался для удара. Солома разгорелась хорошо, пришлось залить водой из стоящей на столе с накрахмаленной скатертью чашки, а потом положить свежую. — Пробуй.

Огонь вновь расцвел на сухостое.

— Видишь? Никакой магии. И вообще, «искры» — это не только волшебные штуковины, а вон то, оранжевое. Разлетается и бдыщ!

— Бдыщ, — повторила Зоэ, словно древнее заклятие на незнакомом языке.

Она тушила и снова зажигала. Три, пять, семь, раз. Трава послушно бралась от самых немагических «искр» на свете. Айнар стоял рядом и торжествуя ухмылялся, в этот момент ему хотелось погрозить кулаком — кому, точно не понимал, вероятно, статуи Цианы Тар-Оронен, покровительнице города Орона. Посмотри, мол, твоя магия ничего не стоит по сравнению со старой доброй физикой — силой трения, нагревания. Пещерные люди додумались до палочек тысячи лет назад, но у вас всегда хватало шаманов-Светочей, богов-Светочей.

Боги не нужны. Светочи — тем более.

— Это так красиво, — сказала Зоэ, а потом раздался тот самый грохот, какой можно услышать, когда пинком выбивают тяжелую кованую дверь. Почти одновременно со второго этажа послышались крики: проклятия, ругательства на тесхенском. Непереводимая игра слов. Что-то вроде «лживый сын оскверненной верблюдицы», — Айнар не поставил бы на правильность перевода. Тесхенцем он все-таки был скорее по крови, чем по сути.

— Они! — вывалился Удо Кейпер, сжимая за руку Гарат. Она сопротивлялась и пыталась то пнуть его в пах, то укусить, но грузный мужик без труда удерживал маленькую тощую женщину. — Они преступники! Зоэ! Дура-девка, вали отсюда!

Она испарилась.

Айнар успел броситься на Удо Кейпера и даже врезал ему. Чужая челюсть поддалась с мерзким хлопанием жира и мяса, хрустом кости. Секунду спустя его скручивали — руки за спину, носом в пол. Холодный каменный пол пах грязью и нагретым металлом.

— Воры и преступники, — говорил кто-то позади, разглядеть его Айнар не мог. — Общайте этих двоих!

Тяжелая подошва наступила на затылок Айнара. Чьи-то руки ощупывали и оглядывали его, он не мог пошевелиться, поднять взгляд, даже закричать.

— Ага, вот и оно!

«Свеча».

— Засвидетельствуйте, господа, — надтреснутый старческий голос. Фран Кейпер, предположил Айнар. Бургомистр старше своего родича, дряхл, но из ума, к несчастью, не выжил.

«Зачем они...»

— В каталажку их! — заключил старик.

Айнара силой подняли за скованные за спиной руки. Стража Орона не походила на профи, скорее — какие-то местные добровольцы, дружинники или вроде того: тронутая ржавчиной кольчуга, такие же мечи, невзрачные круглые физиономии землепашцев и скотоводов.

Раны легли поверх старых шрамов, он не удержался и гортанно застонал. По пальцам потекли струйки крови. Зато он разглядел Франа Кейпера — тот действительно оказался худошавым стариком, седым и плешивым одновременно, зато в расшитой золотом одежде.

— Я думала... мы договорились, — прошипела Гарат. Ее тоже удерживали оковами за

спиной, на губе наливалась свежая ссадина.

— Мы? Именем закона, бургомистр благословенного Орона неустанно и неусыпно выискивает преступников, — ответил старикашка.

Гарат плюнула в него. Фран Кейпер сладко улыбнулся.

— В каталажку их. Скоро прибудет Светоч, пусть он и решает, что с преступниками делать дальше. Мы люди маленькие, нам бы благословение на урожай получить, да новых Искр вдосталь.

Эту речь поддержали дружным согласным гулом. Айнар сглотнул пересохшим горлом. Гарат снова плюнула, но потом с какой-то усталостью, делавшей ее похожей на больную птицу, прикрыла веки.

Светоч.

«Все кончено, да?»

Их погнали пинками прочь.

Просьпаться от головной боли приходилось и раньше. От боли во всем теле, в каждой мышце — словно выкрутили и вкрутили криво суставы, — тоже. От привкуса крови во рту — не раз. От всего вместе...

Айнар сел на затхлоу соломе. В полумраке мелькнула крупная тень, похожая на мышь или крысу.

— Что...

— Не ожидала от тебя, — голос Гарат раздался справа и чуть выше. Она устроилась на каменном выступе; каталажка оказалась каменным мешком. Ни окон, ни дверей: только далекий лоскут света на высоте метров трех. Айнар мог ошибаться. Шевелить головой, руками и ногами чересчур больно, он предпочел замереть.

Гарат продолжила:

— Они бы тебя не кидали в дыру, если бы не начал драться.

— Драться?

Попытка подскочить оказалась лишней. Лучше привалиться к отсыревшей стене, ощущая затылком скользкий налет. Не шевелиться. Сотрясение мозга, синяки, но не перелом черепа, без разрыва селезенки вроде тоже обошлось. Айнар на всякий случай потрогал живот. Ребра издали тонкий хрустящий звук, словно раздавили сапогом ракушку. Перед глазами взорвалось.

— Драться, — Гарат подседа к нему. — Ты попытался отбить нас у стражников. Очень решительно и благородно, но глуповато. Парень, конечно, ты крепкий, но против четверых вооруженных людей...

Айнар скрежетнул зубами, когда она дотронулась до «ракушек» торса, откуда-то достала спрятанный фонарик — местные приняли бы его за Искру, ослепила на долю мгновения.

— Зрачковый рефлекс почти в норме. Сотрясение есть, небольшое. В ребрах трещины. Уйма синяков, кровоподтеков и ссадин, можно не считать. Жить будешь.

Айнар попытался кивнуть. Его затошнило: не из желудка, а от шеи и горла шибануло кислотой желудочного сока.

— Если тебя утешит, стражникам тоже досталось.

— Я не помню...

«...убил надзирателя. Точно знаю: сделал. Как? Что произошло? Как я сбежал?»

Мысли катились камнями. Голубое пятно неба растягивалось в спираль и снов сжималось линялой тряпкой. Гарат поднесла к губам пахнувший плесенью жестяной стакан, вода оказалась неожиданно свежей и вкусной, даром что с характерным привкусом гипса.

«А мы за глину платили».

— Не помню, — повторил Айнар. Гарат потрепала его по волосам — легким, почти материнским жестом.

— Неважно. Жаль, что тебе досталось, конечно, но нас все равно убьют через пару дней. Сам Светоч прибудет на казнь.

— Све...

Айнар слышал. Светоч решит, что делать с преступниками. У Гарат сомнений по поводу правосудия Орона не нашлось. Айнар догадывался: она права.

— Что делать?

Гарат села на солому рядом.

— Ничего.

Айнар поморщился.

— Инстру... менты.

— Забрали. Конфисковали как вещественное доказательство нашей вины. Неважно, что будут на них смотреть, будто еж на анатомический атлас. Главное — все отнять...

— И поделить.

Гарат фыркнула.

— Делить вряд ли станут. Просто не поймут ценности.

Айнар задохнулся от красного с оранжевой кромкой прилива из центра черепа.

— У меня там... много всего.

— Догадываюсь. У меня тоже. Антибиотики, между прочим. Где их тут еще достанешь? Плесени, конечно, хватает прямо вот на стене, — ее взгляд скользнул по осклизлым сводам. — Только все ж не то.

«Плесень... стены».

Оранжевый вспыхнул рубином. Айнар сформулирует мысль позже.

— Тебе лучше не двигаться и лежать.

— Какая разница. Если Светоч...

— Пока живы — живы.

Гарат вдохнула.

— И дернул же тебя черт стырить эту «свечку». Хотя, конечно, мелкая Искра только предлог. Я виновата, доверяла плешивому говнюку и его толстопузому братцу. Они-де хотели настоящую больницу в Ороне организовать, все лили мне мед в уши: без Искр только лучше. Да-да, мы видели, на что ты способна. Впечатляет, впечатляет... Я поверила, знаешь: разум-не разум, но жадность должна была взять верх.

«Не вышло».

Айнар попытался пожать плечами, но получилось только застонать. Гарат проворчала: «Не шевелись ты», а потом осторожно подсунула под спину немного соломы посуше. Сырой холод все равно доставал до костей, но он улыбнулся ей с благодарностью. Это получилось.

Он попытался заснуть, но желтое и оранжевое сменяли друг друга, редко добавляя обморочной зелени. Когда становилось муторнее, Айнар цеплялся кончиками пальцев за стену, и под слоем слизи она оказалась мягкой: песчаник или скорее гипс, пористый и податливый.

— Мы могли бы... проколупать путь наружу, — засмеялся Айнар.

— Что?

— Как этот. Узник замка Иф.

Гарат потрогала его лоб, проверяя не началась ли лихорадка.

— Граф Монте-Кристо, — слова зажигали вспышки в голове, хрустели ракушечной хрупкостью на ребрах, катили волны мутори. — Ложкой. Наружу.

— Какая ложка, какой граф. Нас завтра-послезавтра казнят. По-твоему Светоч через десять лет приедет? Если только бурильный аппарат достанешь. Из штанов, не иначе.

Айнар фыркнул сомнительной шутке, несмотря на месть мозга-безе и ребер. Гарат была права: времени им не хватало. Жаль, идея оставалась хорошей. Правда жаль.

Гарат взяла его руку и гладила пальцы, и он почти физически ощущал ее бессилие.

Словно кто-то шептал на ухо — и ему, и ей: вот, на что вы способны. Гнить в плесневелом колодце, беспомощные, как перевернутые на спину навозные жуки, и вся ваша не-магия без инструментов, вакцин, чудодейственных таблеток превращается в ничто. Гарат смогла бы вправить вывих, но не вылечить по мановению Искры сотрясение мозга или сломанные ребра. Айнар просто валялся грудой бесполезного мяса и костей.

Он задремал.

Ему снилась женщина, сотканная из невероятных, ярких цветов. Оттенки зашкаливали за грань человеческого восприятия, когда проснется, Айнар не вспомнит и не назовет, потому что даже художники со способностью отличить травяной от вердепомового, ниагару от барвинкового, а фуксию от орхидеи, не дали бы имени тому, что не способен воспринять человеческий глаз. Женщина подошла к нему и склонилась, покачав головой.

«Айнар Венегас, беглый раб, убийца торговца Эрика Камерра».

«Я не помню никакого Эрика Камерра».

Она ухмыльнулась, зубы текли радугой, и все же Айнар разглядел подробности: острые клыки, словно у вампира.

«Отлично помнишь, просто не хочешь вспоминать. Каково это, схватить камень и бить по костям черепа, пока они хрустят, словно яичная скорлупа? Каково это, прятать тело, принося кровавую жертву диким Искрам...»

«Отвали».

«Конечно, теперь ты не сочтешь деяние ужасным. Раб восстал против рабства. Раб освободился».

Женщина заполыхала ярче, фигура размылась до белизны: все цвета и оттенки, видимые-невидимые, сливаются воедино рано или поздно.

«Оставь меня в покое».

«Айнар Венегас. Хочешь знать свою судьбу?»

Он хмыкнул:

«Что, помру через день? Или этот приезжий Светоч превратит меня в живой факел со своими Искрами?»

Хохот звенел в ушах и глотке. В нем смешивались инфра- и ультразвук вместе со слышимым диапазоном. Девушка-радуга играла не по правилам, зато оставалась верна себе.

«Возможно, так. Или же тебя назовут Гасителем — и ты уничтожишь этот мир».

Белое стало ярким.

Как сверхновая.

Как смерть звезды.

Как атомный взрыв.

— Прекрати орать.

Гарат Ашшала сидела в позе, которую едва можно было распознать как медитативную: ноги скрещены, спина прямая. Айнар посмотрел наверх: голубой клок сменился молочно-белым. Ночь выдалась лунная.

— Долго я спал?

— Часов семь. Если тебе нужно...

— Спасибо, разберусь.

Еще он хотел есть и пить, и осведомился об этом, на что Гарат фыркнула:

— Воду можешь слизывать со стен, авось — не отравишься. В любом случае, какая разница, правда? И нет, кормить не будут, никому мы не нужны. Светоч достанет из

колодца-тюрьмы своей магией, а потом нас просто сожгут.

«Инквизиция», — Айнара передернуло. Он со стоном принял прежнее положение.

— Никакой надежды?

Гарат пожал плечами.

— Возможно, нас вернут в другие тела, если понимаешь, о чем я. Для мира? Для задания? Пожалуй, нет. Прости, Айнар Венегас, — внезапно ее вороний каркающий голос дрогнул. — Я виновата в том, что случилось. Не стоило доверять ублюдкам-Кейперам...

Айнар хотел что-то ответить. Его опередил голос издалека.

— А вот и нет. Среди Кейперов есть те, кто хочет вам помочь.

Они с Гарат одновременно подняли головы; Айнар глухо застонал, а потом широко улыбнулся.

— Да, это я, — сказала Зоэ Кейпер, ее освещал факел, огонь отражался в бледных глазах. — Мне понравились твои штуки. Я весь день высекала огоньки из камней, а потом решила прийти к вам...

Зоэ Кейпер пожал плечами.

— Кто бы вы ни были, а Светоч обойдется. Штука с кремнием и железом хороша... Айнар Венегас.

Веревка с тяжелым грузом свалилась без предупреждения: просто мелькнуло рыжее зарево факела вместе с тощенькой фигуркой, и рухнула изрядная тяжесть. Айнар не рисковал шевелиться, зато наблюдал, как Гарат отвязывает его саквояж и собственный рюкзак — пальцы со сломанными ногтями, видно даже в темноте, что грязные до черноты. Руки дрожат.

Груз плюхнулся на солому.

— Извините, больше ничего не придумала. Украла у папеньки ваше. Он, знаете ли, на самом деле никакой мне не папенька и любит шарить у меня под юбкой, мерзкий старый козел, так что я бы не обиделась, если бы Светочи его забрали в Пылающий Шпиль на допрос. На месяц-другой. Можно на полгода.

Айнар и Гарат переглянулись. Последняя пожал плечами.

— Мы...

— Да нет, ничего не надо обещать. Просто выберитесь отсюда, ну и подгадьте моим родственникам в кашу, большего от вас и не нужно. Айнар, а ты милый, хотя и тесхенец.

Зоэ Кейпер приложила ладонь к губам в почти неуместном посреди Глеоры жесте воздушного поцелуя, а затем исчезла вместе с факелом. Веревка, впрочем, осталась висеть.

— Так, — сказал Айнар. — У меня есть пара идей, как отсюда выбраться. Гарат, ты не могла бы проверить веревку?

— Ты что-то придумал?

Он кивнул.

— В саквояже кое-что есть. Правда, нужно будет сделать расчеты и потом убежать куда быстрее, чем если бы мы копали заостренной ложкой. Нет-нет, не беспокойся за меня. Мне паршиво, но не слишком, я просчитаю все что нужно. И идти тоже сумею.

— Точно?

Гарат раскрыла рюкзак.

— У меня есть анальгетики. Но они не вылечат тебя от сотрясения мозга и переломов ребер, знаешь ли. А у тебя клиническая картина во всей красе — от рефлексов Бабинского до нистагмов.

— Отлежусь и буду как новенький. Я живучий. Итак.

Айнар сделал глубокий вдох. Красное и желтое мелькнули, а потом он коротко ойкнул, потому что Гарат воткнула шприц в ляжку. Боль отступила почти сразу.

— Отлично. Поехали.

Он уснул вновь, почти желая вновь увидеть Красочную Леди, как мысленно обозвал видение. Спросить, кто такой Эрик Камерр, и что еще может рассказать о прошлом «Билли Миллигана»; раба-Айнара Венегаса. Вместо того провалился в гулкий сумрак, колодезь внутри колодца, клетку в клетке.

Гарат вернется.

Или нет, но тогда и надеяться не на что, а беспокоиться и тревожиться — точно ровным счетом никакого смысла.

Подземный ход, проверила она перед тем, как уйти, вел наверх. Показалось, что в подвал какого-то дома. Гарат взяла большой скальпель — оружие. Фонарик оставила Айнару. Тот погасил блеклый синеватый свет: экономить нужно, батарейка не вечная.

В каком-то смысле Искры лучше, бросающая, погасшая и почти уже лишенная всякой магии «свечка» прохладно сияла себе, даже не собираясь разряжаться. Пылающий Шпиль вечен.

Пылающий Шпиль воздвигся до времени и, подобно оси мира, держал на себя континенты, моря, самую планету.

«Откуда я это...»

Айнар проснулся, задремал снова. Гарат вколола ему обезболивающего и дала мятных конфет от тошноты. В животе урчало: конфеты жгли пищевод, сотрясение или нет, сейчас бы тарелку рагу. Яичницу из четырех яиц с куском сала и жгучими, до слез из глаз, приправами.

Интересно, палачи выполняют последнюю волю осужденных? Сытный ужин, свидание с родственниками, визит симпатичной сговорчивой девочки...

Очередной мятный леденец напомнил: лучше не шевелиться. Он потратил многовато сил на импровизированную натриевую бомбу. "Замок Иф" оказался из мякины, и выбраться было бы несложно. Едва удалось убедить Гарат остаться. Но это имело смысл.

Или нет?

Вверху драный лоскут покрылся белесой молочной коркой. Небо светлело.

«Если Гарат не вернется» ...

«Вернется».

Молоко выцветало. Клочок мглы расплзался и линиял в голубое. Заснуть больше не получалось. Айнар старался не шевелиться — ребра царапались, как будто изнутри прорасти собирались. Время тянулось с той тоскливой медлительностью, когда ты ничего не можешь поделать; так сидят перед дверями операционной, пока по ту сторону врачи пытаются спасти близкого. Так ждут результатов экзаменов или приговора в суде.

Приговор-то Айнару и без того известен. Светоч не выбирают полумер, а Кейперы постараются вытрясти из них все полезное. Можно кинуть монетку: быстрая смерть или долгие пытки в Пылающем Шпиле.

Откуда знает про пытки?

«Слышал».

«Билли Миллиган» откликнулся бодрым утренним жаворонком. Рабы сплетничали,

если выпадала свободная минутка, об ужасах главного дворца-храма Светочей. Никто не возвращался из застенков Пылающего Шпиля. Оттого легенды о выжженных до сухой корки языках, пророщенных сквозь черепа пленниках собственных зубах — кости протыкают десны, щеки, все лицо покрывается наростами, — звучали реалистичнее. Каждый новый рассказчик прибавлял от себя подробности.

«Зубы и ногти потрясающие части человеческого тела, Айнар Венегас. Кость и рог, клыки и копыта. Ногти можно подстригать — ничуть не больно, да и зубы сами по себе, если не считать содержимого внутри нерва, не ощущают никакой боли. Иронично, что лучшие пытки — это»...

Блеск щипцов. На них прозрачное с красным пульсирующим фрагментом. Потом белое — тоже с багровым навершием и розовой вязкой нитью.

Айнар проснулся.

Гарат легонько хлопала его по щекам.

— Ты чего орешь? — осведомилась она.

— Кошмар приснился, — честно сообщил Айнар, спросил у «Миллигана»: это было с тобой? Тебе вырывали зубы и ногти, — и украдкой проверил, да нет, вроде все на месте, руки тоже целые.

— Ну так к черту кошмары, там уже рассвело, — фыркнула Гарат. — Прежде, чем спросишь: да, все получилось. В наилучшем виде. Скоро за нами придут, а тебе еще подготовиться... вообще-то я сама могу, ну это ты у нас Техник. Обрати внимание, я сделала все, как ты сказал.

— Это даже не совсем техника.

Он сел поудобнее. Голову слегка отпустило: тяжелая и залитая чем-то вроде морской воды вместо мозга, но боль ушла, мятлые конфетки не требовались. Очень кстати, пакетик из-под леденцов показывал дно.

— Впрочем, ладно. Когда за нами должны прийти?

— Скоро, — предрекла Гарат настоящим вороньим карканьем, сходство с хмурой птицей у нее порой было невероятное. — Торопись давай.

— ...так вот они, господин, вот они. Преступники-с, да-с.

Синий клочок заполнился кругом головы: сначала поменьше и желтоватый, близорукий Айнар скорее догадался, чем узнал Франа Кейпера, потом — массивный, с толстой шеей — Удо воздвигся, попыхтел, и исчез.

Гарат было задремала, свернувшись калачиком, как тощая уличная кошка, но быстро открыла глаза.

— Светоч с ними, — проговорила она скорее губами, чем голосом.

— Мда? И как он доставать нас бу...

Айнар не договорил. Его рвануло вперед. Невидимая веревка врезалась под и без того сломанные ребра, и он задохнулся, рот наполнился кислотой со слабым запахом мяты. Слюна потекла по подбородку, а сам Айнар забился в воздушном потоке, сам себе напоминая зажатую между двумя слоями стекла муху.

Такой же жестокий лифт подхватил Гарат. Она обреченно замерла.

Вещи остались внизу, заботливо спрятанные за дырой, так что оба предстали перед судьями только что не обнаженными; грязная одежда, куски соломы в волосах, кровоподтеки.

Айнара швырнуло на землю.

— Это они? — третий голос звучал издалека, незнакомый и глубокий. Как шторм на Кривом море. Холодные соленые брызги и неожиданно жестокие удары воды.

— Да-с, господин-с.

Кожаные с золотым шитьем башмаки Франа Кейпера мельтешили перед носом. Айнар пытался поднять взгляд, он никогда не видел прежде Светоча, любопытство брало верх даже над болью и тошнотворной муторью резкого подъема.

— Вот они, вор, значит, и эта... смутьянка. Ходила по домам, предлагала свои услуги-с, да-с...

— Даже ко мне сунуться осмелилась, но я-то верну службу, уж поверьте, — присоединился Удо, выкатывая каждое слово, как многотонный валун.

Айнару удалось вывернуться. Поднять взгляд.

Он едва не ослеп.

Светоч, конечно, как еще они могли назвать этого человека.

Это был юноша с чеканными чертами лица, широкоплечий, с тонкой талией. Он возвышался над Кейперами, как молодое сильное дерево над двумя старыми пнями.

Его волосы сияли серебром — собственным живым светом, текучим и подвижным; Айнар подумал о платине, о жидком металле-галлии, а то и сразу о радиации. День выдался пасмурным, и волосы сверкали изнутри куда ярче замороженного чахлого солнца.

Юноша устремил на пленников равнодушный взгляд таких же серебряных глаз: как монеты на веках покойника, только с подсветкой изнутри.

Его присутствие неуловимо меняло пространство, рябью от сильного жара. Окраина города с чахлыми бесхозными деревьями, кустарником и жесткой травой, дома где-то на линии горизонта — все померкло и выцвело до старой фотографии, даже не кинохроники. Остановилось.

«Свет».

«Свет движется... быстрее».

Айнар почти сформулировал свою полуобморочную «эврику», но Удо Кейпер пнул его слоновьей ножищей под многострадальные ребра. Айнар взвыл.

Светоч брезгливо поморщился:

— Интересные экземпляры. Прикажите отволочь их на площадь, суд состоится там.

Кейперы захихикали.

— Извольте пригласить людей? — Фран недаром выбился в бургомистры, соображал плешивый старик лучше своего брата.

— Да, — ответил Светоч. — Всех до последнего. Пусть все видят.

Под каменным взором Цианы тар-Оронен собрался весь город. Народу было даже больше, чем в рыночный день. Айнар все замечал знакомые лица, люди отводили взгляд, если он таращился в упор, но помогать им никто не собирался.

«Это вроде про коронацию было: та же толпа, что приветствует тебя, соберется и вокруг твоей гильотины. Но мы не короли, мы же им помогали, Гарат лечила, а теперь...»

Он увидел даже мальчишку с забинтованной шеей — и его мать, которая всхлипнула, когда Гарат со связанными за спиной руками прошла метрах в десяти от нее.

«Они правда пригнали весь город».

Айнар сглотнул. У него чесался нос, а почесать было нельзя. Ребра нудно болели, особенно когда не в меру ретивые стражники пихали в спину. Солнце еще не добралось до зенита: линияые тучи закрывали его, хмурая пасмурная погода сделала мир вылинявшим, без теней и бликов.

Циана тар-Оронен ухмылялась — очень знакомо, словно копируя образы во снах. Она никакая не каменная, не статуя. Они не умирают, не уходят в прошлое — Светочи вообще не совсем люди...

Подумаешь, откровение.

Конечно, Светочи не люди, а живые боги, богоподобные короли, хранители мира, без них нет самого бытия.

Кто-то швырнул комок грязи. Он ударил в костлявую спину Гарат и растекся коричневым пятном по линиялой неопределенного цвета куртке. Она только охнула и передернулась.

— Сукины дети, — проговорила Гарат так тихо, что услышал только Айнар, а стражники выдали очередного тычка, чтобы «шевелили копытами» побыстрее.

Эшафот выстроили наспех: перевернутая бочка из дерева-бочки, два воткнутых столба. Без петли виселицы — не повод радоваться, у Светочей фантазия получше, чем обычная пеньковая веревка.

— Не дрыгайся, дура, — стражник схватил Гарат за шею. Она попыталась плюнуть, но красная мозолистая рука только сжала губы, заставляя захлебнуться собственной слюной.

Айнар быстро глянул на нее: не нужно.

Стусток грязи полетел снова, на сей раз угодил в него и расшиб грудь чуть ниже ключицы. В грязи прятался небольшой, но острый камень, Айнар вскрикнул. Вид свежей крови заставил людей из первых рядов немного попятиться, как будто смешаться, сомневаясь в праведности своих деяний, но уже спустя минуту полетел гнилой овощ, мягкий и вонючий, плюхнулся под ноги, окатив зловонным коричневым соком. Пахло канализацией и протухшими огурцами.

— Не забудь про микстуру от кашля, Кит Улфор, — крикнула Гарат. — А ты, Магда Коггин, зря пришла на площадь, у тебя нога опухла втрое, нужно лежать и не беспокоить рану. Промывай тем составом, что я тебе дала, и все будет хорошо.

Она назвала еще несколько имен. Люди переглядывались и отступали от названных, те мялись, норовили нырнуть за чужие спины. Один из стражников замахнулся на Гарат.

— А, Доуи Йоккен, как твоя дочь? Ей рожать скоро, надеюсь, она не притащилась сюда и не увидит то, чем ты занят. Ребенок будет здоровым, только пусть не перетруждается и не

таскает тяжести.

Стражник отодвинулся и принял неловкую позу побитой собаки. На площади воцарилась тишина, в которой Айнар услышал, как плюхнулся кому-то под ноги очередной грязевой ком или гнилой помидор.

Айнара и Гарат привязали к столбам, но стражники мялись, толпа замолкла характерной тишиной, после которой все может измениться. Достаточно затаить дыхание, загадать желание, посчитать до десяти... ах, нет. Маловато.

И все же Айнар ждал робкого: а может, отпустим их?

Потом другого: они ничего же дурного не сделали. Третьего — да, вон баба моей дочке помогла — и моей невестке — и мне чирей на пузе вскрыла, а я уж думал, что кишки сгниют. Капля станет ручьем, ручей рекой, река морем. Айнар даже перестал дышать, прислушиваясь к шепоткам в толпе.

Он расслышал — «Светоч идет!» — и понял: все.

Теперь их мимолетная смелость растворится без следа.

Гарат вздохнула, попыталась улыбнуться Айнару, словно подбадривая. Люди склоняли головы, кто-то неуклюже плюхался на колени, и каждый старался убраться подальше от Светоча — юноша с серебряными волосами, подвижными, как водоросли на дне моря, будто парил над смердами, человеческое недо-море расступилось. Айнар заметил мать вчерашнего мальчика, которая дернула чадо за руку, оттаскивая подальше от неземного воплощения красоты, могущества и магии. Светоч даже не удостоил никого взглядом.

Он был одет в очень простую холщовую рубаху и штаны. Айнар цокнул языком: неплохой эффект. Интересно, накормил ли кто-то из Светочей толпу людей парой рыбешек и булок хлеба? Наверняка, такие вещи всегда нравятся фанатам и будущим последователям. Круче только повисеть на кресте, а потом взмыть к небу.

— Это преступники, — мягким голосом сказал Светоч, обращаясь к толпе.

В ней прошелестело согласие.

— Они совершили кражу Искры.

Откуда-то вынырнул Удо Кейпер, заслоняя своей тушей владельца «Карася и ведра». Трактирщик поглядывал на Искру-свечку в руках Удо, чесал затылок так, что едва не падала большая широкополая шляпа.

— Да вроде ничего и такого... мелочь же, — расслышал Айнар, и вздохнул.

Люди не так уж плохи.

Серьезно, Гарат права: в людей стоит верить, вот тебе главный урок. Трактирщик не заявлял о пропаже, а если заявил — точно не хотел, чтобы все закончилось так.

Он даже подошел ближе и проговорил свое «мелочь же» почти в зоне досягаемости Светоча, но быстро ретировался от холодного серебряного взгляда. Нельзя требовать от каждого становиться героями.

— Но это еще не все. Эти люди покушались на заведенный порядок, осмелились возвести хулу на Искры.

Толпа замерла. Над ухом Айнара жужжала то ли муха, то ли гнус.

— Женщина по имени Гарат Ашшала даровала вам тьманниковы миазмы, оскверняющие тело и душу. Вместо жизни вы выбрали смерть.

В толпе раздалось: а вот и нет, отлично боль в спине снимает.

Снова повисла пауза. Светоч улыбнулся.

— Боль уйдет, чтобы вернуться снова. Отрава и смерть — подобие Искры Жизни.

ничтожное и жалкое. Я милосерден и не стану призывать к ответу выбравших отрыжку тьманников, но каждый, кто причастился зла, изведает его на собственной вые.

«Че?»

Айнар аж заморгал. Сквозь тучи проглянуло солнце, грело затылок. Голова закружилась. На лбу проступил холодный пот, перед глазами повисла на долгие несколько секунд темная пелена. Сотрясение мозга, голод, травмы — плохие спутники.

— Держись. Пожалуйста, — прошептала Гарат. Айнар сглотнул кислую слюну и кивнул.

Теперь оставалось выговорить несколько слов.

Он набрал воздуха в легкие, и сначала издал то ли шипение выгорающего на плите чайника, то ли комариный писк. Со второго раза получилось:

— Ты владеешь магией... но и я тоже. Давай сравним, чья сильнее. Я вызываю тебя на дуэль, Светоч.

Под конец фразы голос почти грохотал из-за повисшей тишины. Айнару удалось ухмыльнуться.

— Ты, простой смертный, бросаешь мне вызов?

Светоч почему-то не выглядел удивленным — или же его изумление описало полный оборот вокруг Вселенной, пропутешествовало миллиарды световых лет, вернулось к исходной точки сквозь вереницу черных дыр.

— Да.

Айнар вздернул подбородок, стараясь игнорировать мучительную боль в затылке. Гарат тяжело дышала, краем глаза он отметил, что у той сжаты зубы, зато ноздри расширены, как у загнанной лошади.

— Вы повелеваете Искрами, так? Искры — это огонь. Я смогу создать магию огня. И ничего. Конечно, для этого мне должны развязать руки, но могущественный Светоч ведь не испугается «простого смертного», не правда ли?

Айнар широко ухмылялся прямо в бледное лицо. Серебряные глаза напоминали рыбью чешую — столько же выразительности.

«Он похож на свежего утопленника: еще не успел раздуться от водрослей, но в животе и под языком уже снуют мелкие рачки».

Толпа присоединилась к «утопленнику»: не дышала. Космическая тишина. Вакуум. Писк комара стал бы грохотом цунами, рухнувшего на город из кирпича и гранита. Сплошные контрасты, думал Айнар, и его сердце стало этим самым цунами, только билось в ушах, в больной голове, пульсом перед глазами. Вряд ли его кто-то еще слышал.

Светоч, впрочем, мог. Наверняка.

— Развяжите его, — приказал он. Стражники замялись, поглядывали больше на Франа и Удо Кейпера, будто прекрасно сознавая: Светоч-то приехал и уехал, а им здесь жить, а командует ими вовсе даже бургомистр.

Кейперы кланялись своему хозяину. Айнар отметил, что грузный Удо покраснелся до краснопшеничного оттенка: переспел уже, того гляди — лопнет, посыплется перезревшие семечки.

— Позвольте, господин, — юлил и Фран, подбирая слова, старик медлил, никакого подходящего кролика из рукава достать не получалось. Его брат торопился:

— Но господин, — гудел Удо. — У нечестивца могут быть еще ворованные Искры...

— То есть, — сказал Светоч. — Ты считаешь, что смертный может быть мне угрозой? С

созданной нами же Искрой? — он медленно моргнул. — Не говоря уж о том, что вам следовало обыскать их обоих до последней нити, дабы вернуть ворованное славному городу Орону. Что именно из этого вы хотели мне сказать?

Фран побледнел: восковая кукла из музея, даже борода застыла в полупоклоне, как будто редкие седые волосья не решался шелохнуть ветер. Удо покраснел еще сильнее.

— Удар хватит, — пробормотал Айнар. Гарат прошептала:

— Кровопускание бы ему помогло...

— Развяжите, — Светочу явно надоело. Айнар предположил, что он злится или раздражен. Хотя нет, не стоило себе льстить: скорее испытывает любопытство естествоиспытательского толка, словно к говорящей собаке или занятому танцу муравьев.

Стражники освободили руки. Айнар застонал, прикасаясь затекшими пальцами одной к запястью другой, выругался полупшепотом. Гарат шикнула: тихо ты.

— Руки, — пояснил Айнар. — Чертовски больно, когда пережимают кровотечение.

«Интересно, а если тебя связать, будешь ли таким же надменным и полным магии?»

Айнар догадывался: да. Светочи не размахивают волшебными палочками, посохами или хотя бы пальцами, не выкрикивают «абракадабра», не вырывают волосы из бровей или шевелюры. Магия первична, как бульон с преджизнью, зачем ей такие сложности.

— Я собираюсь тратить на тебя слишком много времени, — предупредил Светоч, его серебряные волосы засияли ярче; солнце так и не выглянуло, один были единственным полноценным источником света. — Итак, ты заявил о своем владении Искрами?

— Примерно, — сказал Айнар. — Только еще более мощными, чем твои.

Он засунул обе руки за пазуху. Толпа замерла; а он сам зажмурился, словно перед прыжком с обрыва. Все могло пойти не так. Он медлил, совершая последние манипуляции. Время. Тратить. Это надо же рассчитать, чтобы...

— Это бессмысленно, — вообразил Светоч. — В твоих словах и действиях утрачена нить разума. Полагаю, ты должен поблагодарить меня за то, что публичная казнь вернет тебя к Вековечному Пламени...

Айнар уставился на него в упор.

Все могло пойти не так. Все. Абсолютно.

— Неа. У меня тоже есть огонь.

«Нет, не могло».

Некоторые вещи не слабее первомолекул протоплазмы-бульона.

Он выпростал руку: с кончиков пальцев сорвался огненный шар, пламя лопнуло у лица Светоча — пронзительно-рыжее, яркое, оно не успело опалить кожу Айнара, зато охотно уцепилось за волосы и брови. Серебряные или нет, они взялись с вонью паленой шерсти. Светоч отшатнулся, замахал руками. Он оступися и рухнул с самодельного бочкового эшафота прямо в толпу.

Айнар запомнил вот что: никто его не пытался ловить.

Никто. Люди прыснули врассыпную, как мальки от брошенного якоря.

Светоч замер сантиметрах в десяти от камней и вспыхнул раскаленным белым заревом, словно магний подожгли. На мгновение Айнару померещилось: один порошок, пепел останется, как от вампира, которого крестом приложили. Или чесноком? Неважно.

Светоч поднялся: повис в воздухе, ступни не касались ни земли, ни эшафота. Его кожа стала текучей ртутью, одежда растворилась, глаза слились оттенком со всем остальным — теперь он был статуей или металлической фигурой человека, пахло почему-то скипидаром.

— Что ты сделал? — спросил Светоч. Голос звучал неестественно, прогнанным через вокодер, имитацией. «Привет, Сири». «Привет, Алиса». Умная колонка, а не живой человек. «Ну, он и не человек».

Айнар попытался сглотнуть, горло занемело, и он только мотнул головой.

«Он похож на Стойкого, мать его, Оловянного солдата», — неуместное сравнение отозвалось смешком, о котором Айнар пожалел в ту же секунду: Светоч сократил расстояние до пары сантиметров, от лица веяло жаром костра, если не доменной печи.

— Что ты сделал?

Он схватил Айнара за руку. Метал текуче обвил кожу. Запахло паленой тканью, кожей и мясом.

— Н-не... отпу...

— Что ты сделал?! — в третий раз повторил Светоч, во рту у него тоже блеснуло серебро, зубы, язык, гортань с маленьким «язычком» — все из текучего металла, детализация до пор кожи, до удивительно-несовершенной щербинки на переднем зубе.

Айнар выл от боли. Мир сжался до горящей руки. Он пытался выдернуть ее, но пульсация только пробиралась глубже — сейчас осыплются трухой кости. Где-то за тысячи километров отсюда орала «Отпусти его!» Гарат, толпа хранила молчание; людское море в несколько тысяч цветных голов — бесконечный калейдоскоп агонии.

— Я знаю! — женский голос зазвенел в паре шагов. Боль прервалась, Айнар рухнул на колени, держа раненую руку на расстоянии от себя, будто пытаешься избавиться от источника агонии.

— Я знаю, — повторила Зоэ Кейпер. Она щелкнула искрой — именно так, с прописной буквы, щелкнула огнем, подожгла пучок сухой травы, подбросила его в воздух. — Он хозяин огня и не только. Он лучше тебя.

— Дура, — выговорила Гарат. — Самоубийца. Дура.

Светоч развернулся и полетел на нее — маленькую, белесую, одинокую на фоне расступившихся людей.

Как лист бумаги.

Как тряпица из хлопка.

Именно, из хлопка. Он снова засунул руку за шиворот, повторяя манипуляцию — «только не рвани раньше времени», — и швырнул платок в Светоча. На сей раз не поспешил.

Рвануло так, что огонь поглотил Стойкого Оловянного Солдата от босых, одежда сгорела или просто исчезла, ступней до искусной выделки металлических волос.

«Чтоб ты расплавился», — думал Айнар. Именно так ведь заканчивалась та сказка, правда?

— Вставай.

Реагировать не получилось.

— Да вставай ты уже, и не держи руку, как будто у тебя там кулья. Он даже ожога не оставил, ерунда. Вставай, и...

Айнар решил открыть глаза: людское море по-прежнему отхлынуло так далеко, что лица сделались почти неразличимы. Он все равно пожалел, что перестал жмуриться.

Рядом с эшафотом поблескивала металлическая лужа. Она напоминала плохое зеркало или заготовку для металлопроизводства, почему-то остановили доменную печь и вот это

выплеснулось наружу.

— Вставай, — в очередной раз повторила Гарат, дернула на себя. Айнар не шевелился, зато поправил очки — «больной» рукой, которая оказалась вполне здоровой. Очки чудом не свалились с носа и вообще чудом пережили все кризисы, даже на дне колодца не разбились. Как это назвать, если не благословение...

«Точно не Светочей».

— Это, — Айнар снова сглотнул, горло стало еще суше. Пустыни и песок, бесплодный камень, умершее от засухи дерево с каменисто-твердой потрескавшейся корой.

— Ага, — Зоэ Кейпер с удивительным спокойствием подошла к луже. На миг Айнару показалось, что потычет расплавленный «металл» носком громоздкого кожаного сапога. Удо Кейпер рванулся из толпы вместе с парой стражников. Фран Кейпер остановил брата, что-то быстро зашептал, трясая редкой бородой, на ухо.

Справа из толпы высунулся рыжий тип, в котором Айнар узнал возницу, «подкинувшего» их с Гарат до Орона.

— Вот же дела! Это ж я их привез! — сообщил он. А потом озвучил то, что не решался подумать Айнар, так и не сказала Гарат, даже Зоэ с ее независимым уверенным видом:

— А они нате — и Светоча прикончили!

Он сплюнул себе под ноги, покачал головой и повторил:

— Во дела...

Айнар плохо помнил, как они выбрались из города. Рыжий мужик согласился «подбросить, куды скажете». Лишних вопросов не задавал. Хороший тип оказался.

Сам он едва держался на ногах, тошнило сильнее прежнего, причем, не только и не столько от сотрясения, сколько от осознания «мы убили Светоча».

«Я убил», — вот так точнее. Гарат только помогла раздобыть ингредиенты, которых не хватало в изначальном рецепте, а именно: чистый хлопок хорошего качества.

Классический прием с нитроцеллюлозой мог сработать или не сработать. Айнар рисковал сам, Гарат — тоже. Они могли сгореть заживо, потому что смеси серной и азотной кислоты не объяснишь, мол, вон того плохого парня надо поджигать или взрываться, а у меня за пазухой — нет.

Искры, стоило признать, наверное, в чем-то лучше. Более управляемые — определенно. Светоч тоже был уверен в себе, своей магии, никакого «рванет? Не должно».

Гарат согласилась на этот план только лишь потому что «с твоей идеей у нас только девяносто шансов из ста сгореть заживо, а без него — даже за сотню».

«Сработало».

Айнар сидел на соломе. Рядом скалила чуть неровные и желтоватые зубы Зоэ Кейпер, страшно довольная путешествием. Она прихватила большую сумку, в ушах и на шее поблескивали крупные изумруды. Айнар подозревал: ворованные, но ни Кейперы-старшие, ни стражники не успели достаточно очухаться после того, как божество превратилось в серебристую лужу, так что их никто не останавливал.

Наверное, не останавливал.

А может, пытались, и тогда Айнар лез за шиворот, где больше не было никакой нитроцеллюлозы, но жеста хватало, чтобы разбегались прочь.

Гарат помогла ему вскарабкаться на телегу.

Когда они уезжали, выглянуло солнце. Айнар закрылся от него рукавом, и Зоэ Кейпер протянула свой платок — ярко-синий, покрытый ужасными на вид желтыми цветами,

похожими на кляксы. Айнар принял подарок, пробормотал смущенное «спасибо», а потом уснул прямо с платком вместо «сонной маски».

Ему снилась Красочная Леди.

Циана тар-Оронен — теперь он узнавал ожившие черты статуи, — явилась во плоти. У нее была розовая кожа, зеленые глаза, даже волосы почти нормального цвета, покрашенные в технике то ли мелирования, то ли колорирования, в общем, радужные пряди. В любой парикмахерской сделают, ничего примечательного. Цветным, аляпистым, увеличенным платком Зоэ Кейпер, стало ее платье. Циана смеялась:

— Ты убил Светоча, Гаситель.

«Я не...»

— О, теперь еще начнешь отрицать. Ты — Гаситель. Зло во плоти, гибель миров. В твоём прежнем сказали бы... — она задумалась, глядя в упор, словно надеясь прочесть на дне дыр зрачков. — Антихристом? Непонятное звучит, но пускай так. Ты — начало конца. Гаситель.

«Отстань».

Циана фыркнула и девчачьим жестом поправила короткую юбку. Из-под нее торчали худые ноги с острыми коленками подростка. Айнар не дал бы ей больше семнадцати, а то и вовсе четырнадцать-пятнадцать, только ведет себя «по-взрослому».

— Эрик Камерр догадывался о том, на что ты способен. Единственный из твоих хозяев, поэтому и купил после кораблекрушения, хотя от тебя остались кожа да кости. Он поил тебя отваром корня таума, а потом...

Она замолчала.

«Продолжай!» — попросил Айнар.

— Ты убил его, — Циана тар-Оронен, Красочная Леди, пожала плечами.

«Это не ответ».

— Еще какой. Он отлично описывает все, что ты творишь, Гаситель.

«Я убил Светоча», — Айнар сжал кулаки до боли в костяшках суставов. — «Потому что он собирался убить нас. Это несправедливо. Мы не делали ничего дурного. И мы хотим освободить этот мир от вашей «магии». Да, я его убил — и знаешь чем? Смесью пары кислот и обычного хлопка. Серную кислоту можно добыть из пирита, здесь этого минерала полным-полно. А потом полить ею натриевую или калийную селитру, чтобы получить азотную. Работы на полчаса, стоимость ингредиентов — да нулевая, дороже всего хлопок. И — бум! Светоч на том свете».

Айнар засмеялся. Во сне у него голова не болела, чувствовал себя превосходно. Огляделся: они находились в застывшем сером «нигде», но это не внушало опасений. Для сна — нормально.

Всего лишь сон, и он прекрасно это знает, а в образе Цианы тар-Оронен воплотилась собственная нечистая совесть. Прямо по Фрейду. Или нет, тот про другое говорил. Про... коленки, например.

«Ваши Искры и ваша магия не нужны. Люди больше не будут рабами Светочей!»

Последнее прозвучало как-то чересчур пафосно, только что кулаком в грудь себя не ударил. Циана тар-Оронен сидела в пустоте, выставив из-под юбки свои колючие колени.

Она смеялась.

— Ты говоришь именно так, как и должен Гаситель. Но мне нравишься. Посмотрим, что будет дальше.

Он проснулся злым и мокрым от пота, но чувствовал себя куда лучше. Голова не болела. Хотелось есть.

На козлах сидела Гарат, и прежде, чем Айнар открыл рот, задать вопрос: «а где», Зоэ пояснила:

— Я купила нам эту телегу. Ну и лошадей. Не бойся за того человека, он получил хороший камень, сможет купить пять телег и десять хороших лошадей, если захочет.

Айнар кивнул. Зоэ сунула ему хлеб и кусок зеленоватого сыра, который выглядел пропавшим, но оказался неожиданно вкусным. Вода во фляге — еще лучше.

— Куда мы теперь?

Гарат обернулась.

— Зоэ я заберу себе. Обещала сделать ее ученицей.

— Всегда мечтала стать Светочем, — серьезно сказала девушка. — А это даже лучше.

«Но...»

Образ Цианы тар-Оронен маячил перед глазами, и прогнать его никак не выходило. «Гаситель». «Разрушитель миров».

— А мне куда?

— Тебе — лучше всего в столицу. Могро огромный город, там затеряешься, — предложила Гарат.

Зоэ захихикала.

— Прямо под носом у Светочей! Прямо рядом с Пылающим Шпилем!

Айнар сглотнул.

— Я убил Светоча. Они меня заживо освежают.

— Даже не сомневайся, вот только кто знает, что это сделал ты? Кто видел тебя?

— Весь город, — фыркнул Айнар.

Гарат опять обернулась, легонько шлепнула вожжой по полосатой спине. Кляча сделала вид, будто трусит быстрее.

— Он не понимает, — предупредила Гарат. — Он был рабом. Ничего толком не видел, кроме шахты и нижней палубы, где в придачу к Искрам, запихивают гребцов, как куски мяса.

Зоэ покивала. Она тоже жевала зеленый сыр, зачерпнула из маленького кулька пригоршню орехов, протянула остатки Айнару. Орехи назывались «урт», по вкусу — фисташка с сахаром...

«Что такое «фисташка?»»

«Ой, да иди ты, Билли Миллиган».

Айнар застонал. Снова. Вроде примирился с собой-не собой, ан нет.

«Может, все дело в том, что никакой я не Билли. И даже не Айнар Венегас, а...»

— Кейперы не рискнут заявить, что Светоча убили. Они предупредят всех и каждого, чтобы помалкивали, иначе из Пылающей Башни пришлют уже за ними, ну и за всем Ороном. Светочи не милуют тех, кто нарушает их законы, а уж собственных убийц...

Зоэ осеклась и довольно ухмыльнулась.

— Так что Гарат права, тебе лучше всего в Могро.

Айнар вздохнул. Могро так Могро.

— Верхом я ездить не умею. Телегой управлять тоже... ну то есть, не телегой, а этими, полосатыми.

— Придется научиться. Не бойся, никто тебя не бросает. Довезем до... какой тут поблизости город?

— Никакого, — Зоэ проглотила последний кусок своего сыра. — Одни деревни. А я уже говорила, что лучше вкруговую в столицу.

Айнар поморщился. У него все еще болела голова, между прочим, сотрясение и сломанные ребра.

— Я согласен, только бы в кровать и отлежаться пару дней. Дурацкие ребра. И череп.

— Конечно. Мы тебе поможем, — согласилась Гарат.

Айнар замялся. Он все еще не понимал, собираются ли его бросить на произвол судьбы или Гарат поедет с ним. А если она, то и Зоэ тоже? Нет, вроде говорила — учить собирается.

Значит, разделятся. Ладно, только бы договориться, как и где будут встречаться для обсуждения совместных коварных планов.

Снова потянуло в сон. Бороться оказалось бессмысленно; он задремал. На сей раз — никаких снов, только спокойное ощущение дороги, мерной лошадиной рыси. Пахло орехами и свежесозревшей пшеницей, слабо — солью и металлом.

Глеора взирала на него без пиетета, но Айнар Венегас уже доказал свое право находиться здесь: убил Све... нет, не то, чем стоит гордиться. А вот, что показал людям — есть и другие силы, кроме магии Искр, совсем иная история.

«Я на своем месте».

«Смогу продолжить».

Иногда он просыпался от пощелкивания: Зоэ Кейпер добывала огоньки из своей новой игрушки и ухмылялась.

Айнар улыбался в ответ.

Он проснулся засветло и умывался в ручье, поэтому не заметил этих людей. Когда обернулся, уставившись на два завернутых в тряпье лица, было уже поздно.

Закричать не получилось: боль вошла сразу во все тело. Люди со спрятанными лицами выполняли свою работу спокойно, без эмоций. Они не добились его, перекинулись парой слов: «Оставим тут?» — «Да, он уже труп».

Айнар почему-то хотел кричать, но не получалось. Он смотрел в пустоту.

Потом он умер, наверное, но прежде кто-то шептал на ухо: «Забудь. Забудь, кто ты есть».

«Айнар Венегас».

«Рави...»

«Нет».

«Рави».

«Айнар».

«Я не умру. И слушать тебя не собираюсь».

Люди с лицами-лохмотьями ушли. Лошадь они не забрали: профессионалы. Стоило удивиться, почему не завершили работу, почему не проверили пульс. Позже Айнар вспомнил: проверили.

В том и дело.

«Ты уже мертв, Рави Иванов».

«Ты мертв, Айнар Венегас».

Он подобрался к лошади. Надо хотя бы вещи бросить, слишком тяжелый саквояж... нет, там важные вещи. Кровь была теплой, но очень быстро остывала на поверхности ран.

Шепот смеялся: «Забудь все». Шепот пах кровью. Смерть была яркой, как лозы в лесу Цатхан. Смерть шелестела крыльями могильных мотыльков:

«Убийцы сделали свое дело. Рави и Айнар мертвы. У тебя есть иное имя: Гаситель».

Интерлюдия: «Ручей под землей»

Искра заглохла в колодце часа в четыре пополудни; темно-розовое солнце уже клонилось к закату, когда сила в упроченной бычьей кишке пошла на убыль, закашлялась, словно чахоточный без помощи Светоча Жизни, и так же быстро иссякла.

Конрад Грун выругался не сразу. Сначала он подергал кишку, потом сходил к колодцу, заглянул в прохладную, чуть пахнущую тиной, глубину, покричал даже; говорили — Искра слушается человеческого голоса, иногда вот так затихает, а потом ничего, снова трепещется.

Не помогло.

Поле с рдеющей красной пшеницей просило воды. Деревня Малые Ручейки только так называлась, на самом деле, ручейки здесь все остались в почти неприступном лесу Цатхан. Люди боролись с лесом за каждый акр, и лес, вроде бы, уступал, да только уходила и вода, земля становилась сухой и соленой, словно кожа умирающего от лихорадки.

— Тьфу ты, — сплюнул под конец своей длинной тирады Конрад Грун, а потом почесал затылок: делать-то чего? А ничего: езжай теперь в столицу, в славный Могро, кланяйся в ножки Светочам, проси новой Искры. А это корову продавай, не меньше. Можно, конечно, у соседей занять, не бесплатно, но дешевле, только такая Искра долго не протянет — хорошо если до конца лета, а коль раньше потухнет?

Глубинная вода в колодце дразнилась. Была она прохладной и чистой, как звон колокольчиков, как молитва Светочей, но попробуй — дотянись! Суп сварить еще можно, если вниз ведро на крепкой веревке опустишь, но для полива мало, мало этого!

Поле лежало перед Конрадом плясками огня. Он снова сплюнул под ноги — не в колодец, даже мертвую Искру обижать не следовало, — и пошел к соседу, Гунтраму. Совета просить.

До соседа Конрад не дошел.

Выскочила на него дочка Иванка. Девчонка посла двух груновых коров на лугу, что лежал очень близко к кромке леса Цатхан, и потому трава там была хорошая, зеленая и сочная, старые деревья ее хранили. Лес не любил взрослых и мужчин, а вот девицы до первой крови нравились древним деревьям, Конраду говорили — тамошняя Искра сама девица.

— Папка! — выпалила Иванка, словно не видя, что отец тянется уже к поясной бечеве: выпороть за то, что корову и телку оставила. — Там человек! Ранен или мертв! Не нашенький!

Она потянула отца за рукав рубахи, и тот, сплюнув еще раз, пошел за дочерью.

Та повела к кромке, куда не решился бы идти один. Иванку он простил: корова Белянка и телка Незабудка шли за ней двумя грузными белыми в черное пятно фигурами. Солнце тянулось к закату, от леса поднималась глухая взвесь диких Искр и Светочи еще ведают чего, когда Иванка снова потянула Конрада за рукав:

— Вот же он!

Конрад увидел.

Человек был чужаком. Смуглый и черноволосый, совсем не такой, как люди Глеоры. Возраст его трудно было определить, то ли двадцать, то ли сорок — боль выпила его до дна, а вокруг довольно крупной фигуры расплзалось уже заветренное темное пятно. Над ним роились крупные мухи, и уже начали подлетать черные мотыльки-жемчужницы — те, что

живут в лесу. Они откладывают в мертвецах личинки, отчего тела превращаются в перламутр, в гигантские сияющие жемчужины, но к ним лучше не приближаться даже на полет стрелы: твари вырвутся из коконов крылатыми теньями и набросятся на тебя, чтобы забить пылью горло и ноздри, и снова исполнить свой жуткий танец.

— Тесхенец, — только и сказал Конрад. Иванка блестела голубыми глазами.

— Не буду я его выгаскивать, чужака-то!

— Ну пап!

Она права была, конечно. Нельзя бросать живого — Искры такого не любят, прирученные или дикие. Светочи тоже не одобрили бы, они твердят ведь: люби, значит, себе подобного, как брата. А чего вот — брата? Вон, у Конрада есть брат, Томас, но как его любить, когда тот богатый мельник, скупает пшеницу по пять монет, а муку продает по двадцать?

— Пап!

Конрад пробурчал невнятное: «да вижу-вижу», и склонился над раненым. Человек застонал, кровь вытекала у него из подреберья; долго не протянет, но и бросать — грех.

— Белянку с Незабудкой домой веди, а я этого... — Конрад наклонился, пытаясь закинуть на себя руку чужака. — Ишь, тяжелый, тьманники его побери.

Тесхенец был неплохо одет, а еще рядом валялась сумка, большая, вместительная, из прочного холста. Она тоже оказалась тяжелой, и Конрад приказал тащить ее Иванке. Долго так идти не пришлось, сплетни пролетели по Малым Ручейкам, показался и Гунтрам, и длинный рыжий Калле, и даже вечно пьяный Урд соизволил явиться. Они помогли дотащить чужака до дома Конрада, где уже ждала злая, как осиное гнездо, Райна, жена Конрада. Выглядывали Олле и Виктор, а маленькая Томмека сосредоточено ковыряла в носу, и первая объявила:

— Папа дядю несет!

Райна собиралась, наверное, выгнать мужа вместе с чужаком, но плотная ткань дорогого, едва не как у Светочей, костюма открылась, заголяя заветренную рану — черную по краям, с неприятной багровой сердцевиной. Райна была доброй женщиной. Почти двадцать лет назад потому и женился Конрад Грун на ней, что не только плясала на деревенских праздниках, но и умела приласкать, обогреть, потом выяснилось — лечить тоже, не как Светочи Жизни, конечно, но для человека без Искры — неплохо. И сейчас она осталась верна себе, заохала:

— Да кто ж так раненых волочет, балда!

И потащила здоровяка тесхенца, словно тот был не тяжелее ягненка. Иванка метнулась следом.

— Вся в мать, — прочувствованно произнес Конрад. Гунтрам похлопал его по плечу.

— Хорошая примета, — сказал он. — Может, и Искра твоя в колодце оживет, раз уж ты помог чужаку!

Конрад кивнул. Совсем стемнело, над деревней повис дым от очагов и слабое зарево чужих мелких Искр. Далеко над лесным горизонтом повис вечный туман, обещающий горькую воду и легкую смерть.

Чужак провалялся три дня в горячечном бреде. Райна, Иванка, а иногда и Олле с Виктором, сопляки, которым едва доверяли кормить цыплят да чистить двор, нет-нет и совались помочь. Конрад держался поодаль, даже ворчал, мол, жена про мужа забыла, а дочь

про отца — и, что еще важнее, про Белянку с Незабудкой. Возьтятся с этим полудохлым тесхенцем, будто тот им горшок золота обещал!

Тесхенца кто-то пытался убить: не зверь и не отравленная лесная плеть с иголками. Рана была от стрелы или кинжала, глубокая и длинная, прямо в левом подреберье. Жена говорила, что чуть выше — и не прожил бы чужак и часа, сердце бы пробило, а так лишь кровил и пах, словно освежеванная туша.

Он был чуть выше среднего роста, кожа оттенка древесной коры, курчавые темные волосы. Глаза, наверное, тоже темные — Конраду прежде доводилось видеть на рынках Могро тесхенцев, тучных торгашей в пестрых длинных одеяниях, похожих то ли на саван, то ли на женское платье, с бородами до пуза; тесхенцы носили золотые перстни, золотые цепи купцов, вешали золото даже в уши и нос. Женщины заматывались, одни глаза видны, и Конрад слышал, что на родине, в раскаленной докрасна пустыне, они правят своими мужчинами, но потому и скрываются от взглядов, подобно тому, как матка пчел никогда не показывается из улья.

Этот тесхенец отличался — был не особенно жирным, а болезнь и вовсе сделала его вроде истощавшего быка, одни крупные мослы торчат; почти безбородым, хотя жесткая щетина и начала пробиваться на бескровном лице. Необычной всего казалась его одежда: никаких долгополых «халатов». Он носил сорочку из тонкой ткани и странную безрукавку на пуговицах, и штаны, вроде тех, что выбирают некоторые Светочи низкого ранга — в основном, посыльные или воины, из ткани более тонкой, чем сырмятная кожа или дерюга, но дешевле шелка.

Дел было много и без тесхенца: Искра Силы в колодец так и не вернулась, а значит, нужно ехать в Могро — покупать новую, но денег до продажи урожая тоже нет. Приходилось брать в долг воду из чужих колодцев — у Гунтрама, у рыжего Калле, даже у ненавистного Томаса — даром, что кровный брат, а заломил двойную цену. Правда — «потом отдашь», но все равно ж заломил!

Так и думал Конрад: помрет тесхенец — ну и Искры Небытия с ним. Но Райна и Иванка заботились, промывали раны, поили горьким полынным отваром, зарезали курицу даже, чтобы кормить бульоном и свежим белым мясом. Конраду было жаль несущку, пускай и старая, и яйца уже несла раз в седмицу, а то и реже, но зубами скрежетал молча.

А потом тесхенцу стало лучше. Он открыл глаза — темные, как камни в очаге, словно вовсе без зрачков. Он стал садиться и даже вставать, спросил о своей сумке на восьмой день, и Иванка, краснея, принесла пожитки. Тесхенец вытащил какие-то странные железные штуки, вроде оружия, но не совсем, и другие — стеклянные, и еще книгу.

На девятый день тесхенец вышел к завтраку, еще чуть пошатываясь, но уже точно живехонький, словно его Искрой Жизни напитали. Райна поставила перед ним тарелку с протертой кашей. Конрад глянул исподлобья.

— Ну как, легче тебе?

Райна налила мужчинам густой наваристый иммар — напиток из горького корня растения с таким же названием, что бодрит целый день. Тесхенец кивнул.

— Спасибо вам.

Он говорил странно, не как тесхенцы с рынков Могро, и Конраду снова сделалось не по себе.

— Звать тебя как? — рявкнул он резче, чем собирался.

— Э... я? То есть... Айнар. Айнар Венегас, — тесхенец заморгал. Темные глаза его

наводили жуть, и как будто того было мало, он достал какие-то стекла в обивке из желтого металла, нанизал на переносицу. — Простите, — добавил он. — Я близорук.

— Это что, твоя Искра Зрения? — Конрад ткнул в стекляшки.

Тесхенец задумался.

— Не думаю. Это просто очки.

Оба уставились друг на друга.

— Ладно, — пробурчал Конрад. — Вот что, раз ты жив-здоров теперь, то Светочи с тобой, и...

«Проваливай, куда твои жуткие стеклянные глаза глядят», — собирался он заявить, но Айнар Венегас перебил его:

— Да, конечно, за мной долг. Я чрезвычайно вам благодарен, а ваша дочь рассказала, что у вас проблемы с колодцем. Полагаю, я сумею сделать насос для полива.

Был бы тесхенец здоров, Конрад съездил бы тому по уху за самозванную наглость. Это ж додуматься надо — Светочем назваться! Ляпни такое где-нибудь в Могро — и двух дней не проживешь, хотя нет, прожить-то можешь куда дольше, в подвалах Пылающего Шпиля.

А так только пробурчал:

— Ведра, что ли, будешь таскать? Там же аккуратно надо, по трубочкам...

— Знаю, у вас зона рискованного земледелия, капельное орошение. Поверхностные грунтовые воды соленые, пресные залегают глубже, поэтому разводите суккуленты, называемые «красной пшеницей» ...

Конрад на эту тираду просто вытаращился. Райна охнула: никак, умом тесхенец повредился.

Вот только Конрад разобрал: не повредился. Слова странные, чужие, так даже Светочи не говорят, и понял Конрад с третьего на пятое, и все же.

— Ну... — промычал он коровой, — вроде того. Искра воду подымает с глубины, а потом по замороженным кишкам и по трубочкам. Искры — они весь мир создали, и каждую минуту создают, а владеют Искрами Светочи благословенные.

Райна благочестиво сложила руки пальцами вверх. Заглянувшие как раз на кухню дети повторили за ней. Тесхенец не шелохнулся, и это уже начинало злить: у них там, что, своих Светочей нет? Вроде были...

— В лесу существуют эндемики, способные вытягивать соль и «дышать ею», но эти территории токсичны, поэтому приходится вырубать. Так! Госпожа и господин, дайте мне неделю. Я знаю, что делать.

Олле с Виктором попрятались за мать. Иванка стояла, открыв рот. Тесхенец улыбнулся. По уху ему все равно хотелось врезать, просто чтобы говорил по-человечески, не влетал эти словечки на родном языке.

Ну, или Конрад решил, что Айнар Венегас просто говорит на наречии далекого жаркого Тесхена...

Правила гостеприимства гласили: выходить умирающего — угодный Светочам поступок и долг каждого, но и возиться с ним больше не хотелось. Поскорее бы оклемался да валил прочь, ворчал по вечерам Конрад, заглядывая к Олафу-пивовару. Трактира или таверны в деревушке отродясь не было, летом собирались под навесом, зимой — у кого-нибудь, чья жена позволяла.

Искра у Конрада Груна так и не ожила. Он одолжил у Гунтрама запасную; та видала

лучшие дни, напоминала полудохлую бабочку в своем полупрозрачном кристалле. Но работала, колодец снова качал, как надо — сама по себе, по трубочкам, шла вода и поила корни красной пшеницы — не слишком поверху, не слишком глубоко, чтобы не скапливалась лишняя соль. Соль все равно остается, понадобится еще одна Искра, и Конраду даже думать не хотелось, откуда ее брать.

Он мрачно осушил вторую кружку пива, когда подсел кузнец Клаус.

— А этот-то, ваш, тесхенец, чего-то задумал, — прошептал он так громко, что все обитатели Малых Ручейков обернулись. Кажется, даже те, кто не явился сегодня за пивом.

— Да и тьманник с ним, — буркнул Конрад.

— Принес какую-то картинку, просит чего-то там выковать. Я ничего не понял, так он попросил сам поработать в кузне.

— Да и тьманник...

— Говорил, колодец сделает, чтобы сам воду качал. Он, мол, туда сунулся, а там ручей. Только на самом дне. Твердил, мол, теперь-то точно все получится как нельзя лучше.

Конрад грохнул глиняной кружкой о стол.

— Блаженный он. Болтает всякое.

Еще и Иванка за ним шастала, «книжку» все просила посмотреть. Слыханное ли дело, книжку! Она бы еще Светочем назвалась!

Клаус заухмылялся в русую бороду и в свое пиво.

— Боишься, что Иванка с чужаком спугается?

— Не боюсь. Она девка хорошая, работающая. Зачем ей дурной тесхенец? С этими еще шуками в глазах...

Круглые блестяшки, похожие на очищенный резервуар для Искр, пугали не меньше странных речей и «книжек», и порой все-таки Конрад сомневался: а ну как правда тесхенец — Светоч? Но они другие, совсем другие, у них золотые и серебряные пальцы, а на кончиках ногтей сияющая пыльца.

— Он обещался скоро уйти, — пресек разговоры Конрад. — Так что и болтать не о чем.

Все по-прежнему слушали — и Олаф, и Гунтрам, и Калле, и даже Улле с пола приподнялся, разлепил глазенки, вытаращился, чего это все болтают, а потом снова захрапел под длинным столом.

Только настроение испортили, подумалось Конраду, и он ушел, злой на весь свет. Гнать чужака в шею, загостился, вот что.

От колодца тянулись зачарованные Искрами крепленные веревки и жилы, на земле валялись желтовато поблескивающие в лунном свете бронзовые трубы, а рядом, на дерюге, какие-то незнакомые штуки. Тесхенец прикручивал одну такую к трубе, и уже этого хватило бы Конраду, чтобы рявкнуть — «че за тьманниковы потроха еще», так еще и Иванка рядом крутилась. Ведро с молоком стояло чуть поодаль: она доила корову, а до дома не дошла. Подсела к чужаку, заглянула за плечи, он ей протянул одну из своих «штук» и что-то негромко объяснял.

«Ах ты ж...»

Конрад ускорил шаг. Кулаки сами собой сжались: ишь ты, раненый-больной! Помогли умирающему! Не зря, видно, ему дырку в пузе проковыряли! Заслужил! А Иванка — тоже хороша, так и липнет к тесхенцу, и он ее не гонит, вон белую ее ладошку в свою смуглую лапищу схватил.

— Эй ты! — Конрад воздвигся над дочерью и чужаком. С носа Айнара Венегаса чуть его стекляшки в железной проволоке не слетели. Иванка ойкнула, вскочила — в пальцах у нее блеснула та самая штука.

— Значит, помогаешь, да?

— Да, господин.

Айнар Венегас поправил «стекляшки» (Конрад некстати вспомнил, что слышал название: «очки») указательным пальцем:

— Я собираюсь создать систему, которая будет качать воду. Повезло, что тут не просто колодец, а настоящий подводный ручей, но ведь и не зря же деревня Малые Ручейки называется, правда?

Болтал. Зубы заговаривал. Иванка мяла коричневую юбку из некрашеной холстины. Штука у нее между пальцами так и поблескивала.

— Дай сюды, — приказал Конрад.

Дочь покосилась на Айнара. Тот кивнул. Иванка протянула «штуку» отцу.

Конрад отродясь ничего похожего не видел. Вроде двойного куска трубы или огромного неуклюжего перстня, но внутри неровности, завораживающий повторяющийся узор.

— Это еще что такое?

— Деталь для насоса. Внутри резьба, — опять завел свою тесхенскую заумь чужак.

Конрад засопел.

— Система называется водяной таран. Вот это, — он еще и какую-то флягу, тоже из бронзы, показал, — будущий резервуар. Вода подается по трубе, как раз есть небольшой наклон, его хватит. Когда вода поступает в корпус насоса, закрывает клапан. Образуется давление. Часть воды выталкивается наверх, вот сюда, — он повертел эту «флягу». — Потом воздушный колпак опускается обратно, и вода идет наверх... простая конструкция. Прослужит много лет. А это заглушка. Чтобы перекрывать воду, когда она не нужна.

Конрад стоял и сопел.

Он понимал отдельные слова. «Вода», «наверх» и прочие. Остальное — трескотня, пропустить бы ее мимо ушей, но мать Конрада дураков не рожала, и он проговорил, роняя каждое слово, словно кусок этой бронзовой трубы:

— Вода будет качаться без Искры?

— Да, господин Конрад, — белые на фоне смуглой кожи зубы тесхенца блеснули. — Вам не понадобится приобретать эти... концентраты магии. Искры, да. Правильно.

Иванка попятилась, а потом кинулась между отцом и Айнаром, и только поэтому Конраду удалось сдержать удар. Он оттолкнул дочь и схватил чужака за шиворот.

— Ты никак против Светочей бунтовать собрался?

Брызги слюны летели в лицо тесхенца. «Очки» его снова по-дурацки сползали.

— Просто механизм, господин Конрад. Просто механизм, который...

— Заменит Искру.

Конрад все-таки ударил тесхенца в челюсть. Губа лопнула, из-под кожи брызнула кровь.

— Отец! — снова бросилась к нему Иванка, назойливая, как собачонка. Конрад вцепился в ее мочку уха:

— А ты, дура, знай себе хулу на Светочей слушаешь! Глазки-то растопырила, уши наострила! Кыш отсюда, девка безмозглая!

Искра колодца слабо светилась. Она была чужая, заемная, и Конрад прошептал молитву одними губами: «Светочи, помилуйте», а потом склонился. Целехонька. Не осквернила

Тьманникова ложь.

Айнар подошел к нему. Конрад снова сжал кулаки: драки хочешь, щенок? Так получишь! Во имя Светочей и Искр!

— Магия цела. Но если вы позволите...

— Вали к тьманнику, чужак. До утра даю срок. Чтоб завтра духу твоего здесь не было!

Конрад развернулся и зашагал к дому. В груди что-то клекотало, а руки тряслись.

Он проснулся от крика. Во сне привиделась какая-то чушь с самодвижущимися трубами, блестящими деталями, и все это гналось за Конрадом. Крик вплелся в дурной сон еще одним дурацким образом. Конрад поначалу даже обнял жену, собираясь перевернуться на другой бок — темно еще, рано, — но крик повторился.

— На помощь!

Звал тесхенец.

«Да чтоб он провалился», — но Конрад уже натягивал штаны с рубахой, ковылял во двор, сквозь сон шурился: прибьет все-таки чужака, вот заслужил.

На суховатой траве возле колодца лежал кристалл с Искрой. Искра трепетала, словно колотилось сердце.

— Ах ты ж тьманников выродок! — успел ругнуться Конрад, только потом сообразил: Искра-то цела, ее просто из колодца вытащили, а вот тесхенец и впрямь торчит возле темного провала, тянет на себя веревку. И зовет на помощь, а совсем рядом с каменным кругом лежат великоватые на пару размеров деревянные ботинки Иванки.

«Убью», — подумалось как-то прохладно, вроде даже без особой злости. «Убью гада».

— Она туда... решила установить... — разорвался Айнар, — конструкцию! Простите! Я объяснял, но не думал... Колодец узкий! Решила, что сумеет!..

«Убью», — снова подумал Конрад сквозь горечь во рту с привкусом желчи. Он уже достиг колодца и тоже потянул веревку.

Без толку.

Вытащить не получалось даже вдвоем.

Тошная и легкая Иванка на том конце стала тяжелой, как утопленник — или впрямь уже утонула. Вода внизу быстрая, унесет — чихнуть не успеешь.

Обрывок веревки болтался на воротах.

«Вода ее уносит», — вот почему Иванка тянула вниз. Они боролись с глубинным течением, сильнее которого только Искры.

— Я... успел. Ухватил, — губы Айнара побелели, но держал крепко. Конрад мог только рядом схватиться и ругаться, кляня всех родичей тесхенца до десятого колена.

Дочь-то внизу. В сырой глубокой тьме.

— Держите крепче, — раздался ее голос, и Конрад понял, что не дышал давным-давно, а теперь вдохнул полной грудью. — Скоро закончу!

— Ах ты ж дура-девка! — зашелся Конрад. Кто-то в глубине его головы спрашивал: а Райне чего скажешь? А мелким? А соседям? И как жить-то дальше будешь, и корову-то с телкой пасти надо, кто будет это делать без Иванки? На последнее он сам обозлился и велел этому, внутри головы, замолкнуть, вслух же клял тесхенца с его задумкой.

— Если бы... привязать на длинную палку... — бормотал тот. А потом громко: — Иванка? Все хорошо?

— Ага, держите-держите только. Совсем скоро!..

И они держали. Жесткие власяные волокна царапали ладони. Тесхенец торчал рядом, пыхтел, сопел, бормотал что-то о палках, о каких-то рычагах, и его хотелось избить до полусмерти, но выпустить веревку — выпустить Иванку.

Веревка скользила, Иванка внизу словно не понимала опасности, только изредка доносился глухой голос: «Я сейчас, я скоро», «Чуть-чуть осталось». Время ползло так медленно, что почти остановилось, лишь горели ладони и путались мысли про коров, соседей, проклятого тесхенца, и почему-то Светочей. Они помогали людям, даже когда не продавали Искры. Они были хранителями простых смертных.

Тогда где они сейчас?

Искра в своем кристалле мерно вспыхивала, отмеряя долгие секунды и минуты.

Словно очнувшись, Конрад заорал:

— На помощь!

Соседи повыскакивали почти сразу. В окнах соседних домов загорались огни, высывались сонные еще в предрассветном сумраке лица, где-то вторил воплям одуревший от раннего пробуждения петух. Но просить дважды не пришлось — Гунтрам, Калле, кузнец Клаус — все они толпились вокруг. Кузнец принес длинную кованую цепь, остальные прихватили веревки. На улицу выскочила Райна и завывла, упав на колени и размазывая по лицу слезы. Люди чесали головы, заглядывали в колодец, по очереди хватали веревку и повторяли:

— Нельзя тащить, гнилая. Потащишь — порвется.

Изнутри доносилось:

— Я почти все! Готово!

Гунтрам переглядывался с Калле. Клаус предложил кинуть цепь — да как же она ее поймает. Айнар хрипловато выдохнул:

— Моя... вина. Давайте сюда цепь, я спущусь и обвяжу Иванку. Ее достанете без труда.

— А ты?

Он пожал плечами, не глядя на Конрада.

— Стой. Если знаешь, как сделать, чтоб вас обоих вытащить — говори.

— Знаю. Цепь крепкая, наматаю на ворот. К вороту подвяжите длинную палку, а лучше железную оглоблю и крутите, как скажу.

Айнар будто дожидался, и Конраду снова захотелось его пристукнуть. Но не бросить на дне подземной реки.

— Ладно, делай, как знаешь. Мужики, девку-то держите! — заорал Клаус.

Айнар возился долго. Проверял колодезный ворот, спросил у кузнеца разрешения и как-то по-особому хитро прикрутил цепь к нему. Иванка уже жаловалась внизу, что устала и замерзла, и вообще «готово же, че не тянете!» Конрад принял очередную «вахту», крикнул:

— Ты не дрыгайся, дура! Терпи уж!

Длинный рычаг протянулся чуть не до забора, Айнар его тоже проверил, навалившись всем весом. Затем он обвязал цепь вокруг пояса и скрепил железной скобой.

— Простите, господин Конрад. Дочь вашу спасу. «В любом случае», — сказал он чуть дрожащим голосом.

На смуглых ладонях слегка кровили длинные полосы: от веревки или железа, или от всего вместе. Почему-то Конрад думал, что сумасшедший тесхенец так и сиганет в колодец, но тот спускался медленно и осторожно, стараясь не задевать веревку с Иванкой. Хотелось заглянуть — как он там, да только была очередь Конрада держать на пару с Клаусом, а

Гунтрам и Калле таращились вниз.

— По стенкам идет.

— Ловко он, ловко.

— Как паук какой.

— Дык они и есть, вроде запечных тараканов, тесхенцы-то.

Конрад рывкнул на обоих: «Заткнитесь», потому что Иванка снова крикнула снизу:

— Пап, ну чего там застряли?

Цепь дважды дернулась. Айнар подтвердил:

— Доставайте.

Ворот с длинной штукой — Конрад некстати вспомнил, что Айнар назвал ее «рычагом», — выглядел жутковато, ненадежно, вроде какой-то игрушки из тех, что он привозил мелким из города.

— Веревку-то отпускаяй! — рывкнул на него Томас — явился, братец, не запылится. Конрад дико зыркнул: тебе что за печаль, ты племянникам черствой булочки к именинам не дарил!

— Отпускаяй, — повторил Клаус-кузнец. — Тесхенец свою цепь ей отдал, сам так держится. Без привязи.

Конрад подумал о его порезанных до крови ладонях, а потом заставил себя разжать хватку, и понял, что собственные руки тоже содраны до розовой мякоти.

— Дави рычаг, — рывкнул он.

Навалились все сразу, едва не сбивая друг друга с ног. Ворот скрипел, старая рукоять колодца тоже. Цепь аккуратно наматывалась на дерево; медленно, словно во сне. Было что-то неправильное в том, как они работали — силы почти не прикладывали, и двое человек ощущались легче перышка. Положим, Иванка мелкая и тощая, если ее из течения освободили — дальше дело плевое, но парень — здоровяк, не может такого быть, чтобы не чувствовалось, когда тянешь...

— Я тут, — Иванка вывалилась из колодца — мокрая насквозь, зато с какой-то трубкой. — Пап, все получилось... ой.

С платья стекала вода, с волос стекала вода, она стучала зубами от холода, но сияла почище Искры. Пока не сообразила, что на нее все смотрят.

Томас как раз отдыхал от трудов, так что подзатыльник прилетел Иванке от него, отчего Конрад засопел: нечего чужих детей воспитывать, за своими приглядывай!

— Дура, — плюнул и Конрад. — Чего удумала?! Куда вот полезла!?

Райна кинулась к дочери. Она накинула на плечи мокрой Иванки толстое шерстяное одеяло, щедро одарила еще парой подзатыльников, обняла и зарыдала вдвое громче.

— Да прекрати, мам, я сама туда полезла! Айнар сказал... Ой, а где он?

Конрад толкнул рычаг: тесхенца нигде не было. Только теперь он заметил, что поясное крепление на Иванке, и цепь вся снаружи, внутри ничего не осталось.

Повисла пауза; тишина была неполной, потому что Райна еще всхлипывала, а Клаус-кузнец тихонько сплюнул: «болванище» Конрад уже подыскал какие-то слова, мол, ну раз Светочи так решили, так кто ж мы, маленькие люди, чтоб перечить, но Иванка опередила его протяжным воем:

— Айна-ар!

Мать удержала ее, а то снова сиганула бы в колодец.

— Веди ее в дом! — скомандовал Конрад.

«Его унесло течением. Ему уже не поможет»

— Киньте еще разок цепь, — проговорил он. — На всякий случай.

Мужчины смотрели на него с явной жалостью, как на умалишенного. Томас даже пробурчал: зачем тебе чужак, дочь-то жива-здоровая, вон ее мать поволокла домой, уши дерет, но в одеяло кутает.

Цепь скользнула вниз. Конрад выждал несколько биений сердца, потом снова решил повернуть «рычаг», боясь, что он станет совсем легким, и мокрое железо просто вывалится наружу.

Но пошло туго, тяжелее, чем прежде, и Конрад завопил:

— Навались!

Конрад не запомнил, что случилось дальше. Вроде кто-то кричал: «тяни его», потом снова выбежала мокрая и встрепанная Иванка: «Помогите Айнару!», Райна ее обратнс волокла, в дом, отогреваться. Выскочили Олле и Виктор, даже Томмека высунулась, но тут же получила от матери под зад, братьям досталось на сдачу — все вернулись домой. Кроме Иванки, так и плясала кикиморой болотной — вытащите, вытащите его.

А потом показалась мокрая голова, Айнар подтянулся, оставляя быстро размываемые водой потеки крови с ладоней, и рухнул на землю. Он был крупным парнем, но после колодца словно стал меньше вдвое, и Конрад подошел вместе с остальными, позвал жену — тащи настойку, да покрепче.

И вытянул тесхенец, кроме себя, кое-что еще. Тогда Конрад не понял, что.

На сей раз Айнар пришел в себя быстро. Уже через пару часов он отогрелся — настойка заставила даже смуглого тесхенца покраснеть. Он позвал Конрада и остальных во двор. Собрались все. Урд-пьяница, собака Урда, даже тетка Доротея из Дальнего угла.

Айнару было что показать:

— Вот эта трубка, — он продемонстрировал зачарованную давным-давно кишку, — будет подавать вам воду. Прочность у нее хорошая, а я прикрутил кран, — блеснула та самая штука от кузнеца.

Клаус довольно лыбился:

— Мы вместе работали! Почитай, всю неделю! Айнар объяснил, как там чего делать!

— Конструкция называется «водяной таран», — продолжал Айнар, поправляя свои стекляшки на лице. Удивительно, как только не потерял их в колодце. Или успел снять? Конрад не запомнил.

— Пап, это я сделала, — дернула отца за руку Иванка. Тот показал дочери кулак:

— Уши надеру.

Но звучало это не очень уверенно, потому что вода текла. «Водяной таран» работал, добывал капризную глубинную воду, которую ведром-то не всегда подцепишь, а тут она сама поднималась по закаленной когда-то давно чародейской Искрой трубке и по обычным, бронзовым. Можно было поливать все поле. Почва с красной пшеницей жадно пожирала воду.

— Иванка все сделала, — подтвердил Айнар. — Без нее я бы не справился, там внизу очень узко, с моей комплекцией не пролезть, — остальные заухмылялись.

Конрад фыркнул: вот почему парень решил лезть внутрь и отпустил цепь. Течение его не унесло бы.

Но все же...

Штука эта его работала, надраны иванкины уши или нет. Вода текла мерно и упорно, и Конрад уже, вслед за остальными, сунул голову в колодец, где оказалось прикреплено странное устройство. Айнар его называл клапаном, снова начинал объяснять эту свою заумь, Конрад только злился и отмахивался.

Работает. Главное — работает.

— Я оставлю чертежи и советы, — говорил Айнар. — Они будут у господина Клауса, кузнеца, вместе с инструкцией по созданию резьбы, но еще и у дочери господина Конрада, Иванки, потому что она помогала мне все это сделать.

— Вот же тьманник паршивый, — пробормотал Конрад.

— Но до начала самостоятельной жизни Иванки все доходы от механизма, если кто-то задумает его повторить, будут принадлежать господину Конраду. За вычетом услуг кузнеца.

Поднялись крики и свист. Урд, шатаясь, вывалился вперед.

— И-и-искры-то? Каа-ак там?

— Этого не понадобится, — твердо проговорил Айнар.

Солнце блеснуло в его стеклах поверх глаз. Конрад сглотнул и отвернулся: Искра, которую стоило все же вернуть Гунтраму, по-прежнему лежала на траве — брошенная и никому не нужная.

— А еще советую собрать в лесу побег лозы, она вытягивает соль из почвы, — продолжал Айнар, впрочем, менее уверенно. Он тряхнул головой. — Я пришлю к вам свою... хорошую подругу. Ее зовут Гарат, Гарат Ашшала, она тоже... — снова запнулся, так бывает, когда что-то придумал, а теперь вспоминаешь, лишь бы ладно соврать, — из Тесхена.

«Он говорит не как тесхенцы. И по повадкам не похож»

Конрад мысленно отмахнулся. Он подошел к источнику «вечной воды», промочил руки и омыл лицо.

— Благослови тебя Светочи, Айнар Венегас.

— Нет, — резко ответил тот. — Светочи творят магию, Искры. Это — не магия. Это то, что способен сделать любой, вы или Иванка, или...

— Что, и-ик, даж я? — вновь вылез Урд.

Айнар задумался.

— Даже вы. Только все-таки на трезвую голову.

Его фраза потонула в хохоте, но Конрад хмурился. Иванка вертелась рядом с тесхенцем (никакой он не тесхенец), в голову лезло всякое: а что, мол, хороший жених для девки, работающий, мозговитый. Да он же против Светочей? Или не против?

Айнар еще объяснял, но Конрад поднял Искру и пошел домой, к жене. Райна встретила его холодным киселем и мясным пудингом, а потом все разошлись по обычной дневной работе. И так запоздали. Коровы вон мычат, требуют выпустить.

Вернувшись вечером, Конрад обнаружил, что Айнар Венегас исчез. Иванка сидела на крыльце. Незабудка лизала ее большим розовым языком. Белянка осуждающе поглядывала, жуя жвачку поодаль.

— Пап, он ушел, — всхлипнула Иванка.

— Эх, ну что ж.

Конрад сел на ступеньку рядом и положил руку на плечо дочери.

— Может, и вернется. Ты вон его тайну знаешь, что не слабее Искр, так?

Иванка заплакала, но потом слезы ее высохли, и она кивнула.

— Айнар просил рассказать всем, что так можно. Он это назвал, — девчонка задумалась, — Про-гресс. Ци-ви-ли-за-ции.

«Опять тесхенское наречие», — чуть было не плюнул Конрад, да остановился в последний момент.

Одолженная Искра в своем кристальном коконе горела на столе, когда в дверь постучали. Иванка зашивала брату рубаху, но соскочила открыть, и попятилась.

— Ой...

Конрад замер с открытым ртом.

В дом вошла и сразу заполнила собой каждый уголок, не оставив ни единой тени, Светоч.

Она выглядела как юная девушка — чуть старше Иванки, только не тощая и плоская, а фигуристая; взгляд чуть не скользнул по едва прикрытой золотой полоской шелка груди и бедрам, и тут же Конрад потупился. Нельзя же оскорблять скабрёзными мыслями — ее!

Она была красива, но, не мог отделаться от мысли Конрад, ни один мужик бы не хотел такой жены: слишком уж прекрасна, ни единого изъяна, ни родинки, ни шрамика, аж жуть берет.

Волосы и глаза меняли цвет. Розовое перетекало в лазурь, вспыхивало оранжевым и затухало глубоким темно-синим. Индиго, зачем-то вспомнил услышанное на базаре слово Конрад.

Он упал ниц перед Светочем.

— Повелительница!

— Ты приютил Гасителя, Конрад Грун, — голос звучал отовсюду, заставляя поднять голову и раствориться в нем, словно коровье масло на раскаленной сковороде. — Где он? Где преступник, где осквернитель самой сути Света, где проклятый Гаситель?

— Я-а... э... не...

— Он называет себя Айнаром Венегасом. Где он?

Конрад заговорил.

Рассказал про лес Цатхан, про коров и колодец, только имя дочери старался не упоминать, и часть его протестовала: тесхенец не заслужил кары Светочей, даром, что отверг Искры... Хула? Осквернение? «Гаситель»...

Конрад рыдал, когда Светоч ласково гладила его по лицу, а потом снова заговорил, одним ртом, без мыслей, и чудилось — с каждым словом вытекает кровь.

— Значит, твоя дочь узрела тайны Гасителя...

Светоч огляделась. Конрад повторил ее жест, потому что не имел своей воли.

Иванка исчезла.

— Где твоя дочь?

— Н-не... зна-а...

— Неважно, — Светоч отпустила Конрада, и тот повалился на пол, из носа и рта хлестала кровь. — Глупо собирать искры, если горит дом. Ты рассказал мне достаточно, Конрад Грун. Теперь мы найдем Гасителя.

Его дом наполнился светом, и светом оставался до самого конца.

Утром грязная, вся в саже, Иванка стояла на пепелище. Она сжимала кристалл с потухшей Искрой и смотрела на угли, где среди уцелевших кусков дерева или глины отвратительно хрустели кости.

Светоч сказала отцу: вот что будет с теми, кто приютит Гасителя, но Иванка не верила.

Айнар Венегас помог им и сделал водяной таран. Этот таран мог напоить поле и коров, и никаких больше Искр не надо.

Айнар Венегас не сжигал ее дом, отца, мать, братьев, и... — Иванка едва не наступила на истонченный детский череп, — маленькую сестру. Деревенский люд пока не осмеливается высунуться, слыхано ли — сама Светоч покарала греховодников, но они придут, будут шарить и искать уцелевшие щепки и черепки, но никто не похоронит проклятые кости.

Иванка швырнула кристалл на пепелище.

Чертеж она держала при себе. Вытащила примятую бумагу, поозиралась — вся деревня казалась пустой, даже не хотелось проверять, выжил ли еще кто-то после визита Светоча, — и снова убрала за пазуху.

Руины Малых Ручейков молчали.

Иванка не плакала. Все стало еще проще, чем там, в темной шумной яме-колодце. Она найдет Айнара, и, раз он Гаситель, — тем лучше.

— Коль Свет должен погаснуть, пусть так и будет. Больше никаких Искр и никаких Светочей.

Кристалл расплавился среди тлеющих углей, но Иванка уже не видела того.

Часть вторая: «Во тьме и на свету»

Свежая рана открылась, на сероватой рубашке проступило розовое пятно. Не совсем кровь, скорее сукровица, выхаживали его честно, насколько вообще можно без Искр Жизни. Хорошо, что без Искр Жизни. Не хотелось оставаться в долгу у этих. Сам виноват: перенапрягся в последний день, надорвался.

Пришлось снять рубашку и достать зеркало. Хорошо, местность безлюдная — стоило спуститься чуть к оврагу от тракта, и ни единой телеги, ни единой лошади. Все равно, никто за целый день так и не предложил подвезти, гнали и кареты, и углые развалюхи телег, как будто по пятам преследовала стая волков. Звенящая цикадами контрастировала с грохотом телег, красноватой пылью, цокотом копыт. В овраге щекотала трава, пахло кислым — муравейником, недозрелыми ягодами дикого крыжовника.

— Ерунда, — заключил он после быстрого осмотра. Глубокая полостная рана в брюшине заросла, кровило поверху. Опасаться стоило в худшем случае заразы, так что остатки спирта на платок и довольно.

— Черт.

Обожгло до холодного пота и слез из глаз. Терпи, терпи. Все не страшнее головорезов на большой дороге. Те подкараулили его спящим под открытым небом, нанесли пару глубоких ударов и исчезли, не тронув ни полосатой лошади, ни вещей. Обычные грабители так себя не ведут. Наемники? Тогда какие-то косорукие. Хотели просто напугать, но не отправлять на тот свет? Но почти отправили же.

«Сложно».

Он смутно помнил, как вскарабкался на лошадь, еще и саквояж свой взгромоздил. Не бросать же самое ценное. Сколько времени прошло в болезненной кровавой скачке — понятия не имел. Красная пшеница и зелень обычной травы перемешались, растянулись в двухцветный ковер, перемежаясь черно-белыми полосками с запахом пота конской спины. Хорошо, кляча попала спокойная, не взбеленилась, даже вся залитая свежей кровью.

Он хотел добраться до леса Цатхан — до его сердцевины с дикими Искрами, с избушкой-куроножкой. Гарат Ашшала врач. Она могла его спасти.

Не добрался, похоже.

Зато нашли какие-то люди в маленькой деревне и теперь, на свежую голову, стало очевидно: повезло, что лошадь сбросила, а сама сбежала, испугалась леса. В прошлый раз чуть не сожрал прозрачный волк, воняющий, как недельный утопленник в болоте. Вряд ли повезло бы снова. С дырой в брюхе.

Добрые люди деревни Малые Ручейки — другое дело. Очень кстати саквояж свой не забыл, сделал водный таран, теперь им точно не нужны никакие Искры, чтобы качать свежую и чистую грунтовую воду. Точечное орошение популярно в Глеоре, бедной на дожди, просоленной — хорошо еще, если не соединениями тяжелых металлов. Но все можно решить и без магии. Мужик тот, Конрад Грун, конечно, так и остался ворчать в рыжеватую, типично глеорскую, бороду, зато дочь у него умнее отца.

Вот и отлично.

И рана зажила, подумаешь — немного сукровицы. Перетрутился с этим колодцем и девчонкой накануне, шел целый день пешком, вот и все.

Стоило передохнуть. Собрать костер, мстительно поджигая сухие палки обычным

кремниевым огнивом, «экологически чистые искры» — с прописной буквы. Хозяйка напихала в дорогу крепко засоленной ветчины, сыра и хлеба, в фляжке плюхалась вода.

«А ведь Гарат права. Я уже меняю этот мир».

Он начал насвистывать себе под нос, почему-то обрадованный этой мыслью. Как раз поджаривал хлеб с ветчиной и, не удержавшись, жевал кусок сыра отдельно, когда услышал окрик:

— Айнар! Айнар Венегас!

А потом, не успев даже обернуться:

— Это ты — Гаситель?

Он схватил первое, что попало под руку — нож, которым нарезал сыр, хлеб и ветчину. Остановился в последний момент.

— Ты?

Иванка, дочка Конрада Груна. Из-за нее, между прочим, открылась рана: если бы пигалица не сиганула в колодец, проверять теории своего нового знакомого на практике, то не пришлось бы ее спасать. Зато установила водяной таран на совесть. Голенастая и костлявая, она легко протиснулась в узкий желоб, где застрял бы не только широкоплечий здоровяк, вроде Айнара, но и большинство мужчин.

Только что она здесь делает?

— Я за тобой шла. Еле догнала, лошади тоже не выжили.

— Чего?

Айнар покосился на нож и убрал его. Рыжевато-русые волосы Иванки, всегда аккуратно уложенные, разметало, как стог сена ураганом. Лицо покрыто серой коркой, на щеках две дорожки: влага текла из глаз. Сама вся грязная, замызганная.

— Что с тобой случилось? — он спохватился и протянул Иванке флягу. — Вода. Садись, вон сыр, хлеб, ветчина...

— Гаситель, — повторила Иванка, заставляя Айнара вздрагивать. Перевязка елозила. Он осознал, что не оделся, так и остался по пояс голым. Иванка не обращала никакого внимания.

Зато твердила слово, которое Айнар слышал только во снах и в горячечном бреду.

«Гаситель».

— Садись и рассказывай, — он попытался неуклюже приобнять девушку за плечи. В прежнем его... или не-его мире, такое сочли бы «нарушением личного пространства». Иванка всхлипнула, зашмыгала грязным носом и вжалась лицом в грудь.

— Она всех убила. Отца, мамку, Олле с Виктором, даже Томмеку. Я едва не наступила на ее череп. Такой малюсенький, будто кошкн. Айнар, она сожгла всю деревню, и тебя называла Гасителем...

— Кто? — вырвалось у Айнара. Горло как будто обкололи анестетиком. «Билли, ты не знаешь, что такое анестетики, заткнись».

Зато ответ представлял. Даже слишком.

Иванка словно бы пыталась заплакать, но воспаленные красные глаза больше не могли родить ни единой слезы. Сделав большой глоток из фляги, она сипло проговорила:

— Светоч.

Айнар обнимал ее, пока девчонка рыдала. Слезы то утихали, то снова заполняли глаза, Иванка размазывала их вместе с грязью-копотью по щекам. Он не пытался утешать ее — ни единого слова не приходило на ум, и чего тут скажешь? «Не переживай, все хорошо?»

«Приободришься, жизнь продолжается?»

«Светоч».

Айнар закрывал глаза и представлял блестящую серебристую лужу — словно пролитая ядовитая ртуть, почему-то не собравшаяся в шарик. Светочи смертны. Когда Иванка чуть успокоилась, он проговорил:

— Это правда. Они называют меня Гасителем, потому что я убил Светоча.

Иванка замерла.

Айнар представил: набросится сейчас, в первую очередь сдерет самодельную кривоватую повязку и вцепится плоскими обломанными ноготками с черной каймой под ними в приоткрытую рану. Родных не вернешь, так хоть ублюдку, из-за которого все случилось, отомстить можно.

— Ты убил Светоча?

Не верила, похоже. Айнар почти силой впихнул ей здоровенный трехэтажный бутерброд, в такой же вцепился зубами сам, откусил огромный кусок. Прожевав его, запил глотком воды, проталкивая суховатый поджаренный хлеб и соленую ветчину, а потом добавил:

— Знаешь Орон?

Иванка смутилась.

— Вроде город такой. Я там не была, папаша ездил продавать пшеницу и кур один раз, а потом у нас куры передохли от какой-то заразы, даже Искра Жизни не помогла, и...

Она цапнула свой хлеб с остервенением, будто впивалась в чью-то глотку. Айнар поворошил угли в костре. Дым поднимался густой: не очень хорошо, могут заметить с дороги-тракта. Стоило притушить его на ночь, завалить камнями, чтобы можно было греться, но не дымить.

— Город, да. От вас неблизко, но и не слишком далеко.

Айнар потер щеку. Щетина отрастала быстро, а бриться приходилось ножом, вместо мыла — вода и травяной сок. В бытность рабом он вообще не брился, длинная черная и кудрявая борода торчала клочьями, которые срезал ножом, когда обрастала ниже подбородка.

— Я не хотел его убивать, так получилось.

И он рассказал о путешествии с Гарат Ашшалой, о лечении без Искр, о спасенном ребенке. О Кейперах-предателях, о Зоэ Кейпер. Потом, запинаясь, заговорил про колодец, подземный ход и единственный шанс, который у них был против Светоча.

— Эта штука могла и меня взорвать, — попытался оправдаться Айнар. — Называется нитроцеллюлоза, опасная смесь. Светочу просто не повезло.

Иванка блестела глазами. Костер отражался в зрачках. Она забыла про еду, изредка спохватывалась, быстро кусала бутерброд, наспех прожевывала и снова слушала.

— Откуда ты?

Айнар смешался.

«Из другого мира», — едва не ответил он, но смешался. Это неправда. Я отсюда — Айнар Венегас отсюда — подселенцы просто копии той версии себя, что существует где-то еще. Раб-тесхенец. Инженер. Гений. Человек, способный изменить ход времени и спасти мир, все миры, если верить сумасшедшим видениям-белкам и «бабе-яге» по имени Гарат Ашшала. Она забрала Зоэ Кейпер, чтобы сделать ту ученицей; наверняка, научит курить и материться по-русски.

«Я пришел издалека».

Во сне, может быть.

«Да ты совсем обнаглел, Билли. Ты еще про Эрика Камерра вспомни».

Эрик Камерр выхаживал его после губительного морского путешествия. Сам варил корень таума и повторял: этот парень сделает меня богачом.

«Я придумал якорь».

«У нас погасла Искра Защиты на той гадкой скорлупке, что они называют кораблями, и мы попали в шторм, но выжили; только все равно потонули бы, и тогда я придумал, как сделать из обломка весла якорь».

«Я, Айнар Венегас, и ты не назовешь меня никаким «Билли».

— Айнар?

Иванка потрепала его по плечу. Она с явным смущением прикасалась к голой коже, ладонь была белой до полупрозрачности на смугло-коричневом фоне.

— Я беглый раб, — признался он.

Иванка недоверчиво покачала головой:

— Не похож. Ты знаешь тайны, о каких даже Светочи ничего не слыхали. И носишь стеклянные глаза.

— Очки, — поправил Айнар. — Долгая история, но я правда был рабом в шахте, а потом мы плыли в Воосу — еще до войны. И... не помню, что случилось. Почти кораблекрушение. Я выжил, а потом оказался возле леса Цатхан, а еще уничтожил дикую Искру.

Недоеденный бутерброд упал на траву, спугнув ярко-оранжевого кузнечика. Иванка вскочила:

— Охотник на Искр!

— Она была похожа на волка. Прозрачного, битком набитого бликами, только воняла тухлятиной.

Иванка залепила ему неслабую пощечину девчонки, всю жизнь доившей коров. Голову отбросило назад. Айнар потер сначала шею — аж позвонки хрустнули, только после этого горящую щеку: «Надо же, только сейчас? Не за родичей, не за Светоча — за Искру?»

— Не ожидал, что тебя это так расстроит, — заметил он.

— Расстроит? Дикие Искры хранят все вокруг! Лес, небо, вообще все. Охотники на диких Искр прокляты!

— Я не хотел убивать это существо, — Айнар опустил голову, щека горела еще сильнее. — Как и Светоча. Прости. От меня сплошные неприятности, лучше бы те разбойники добились, а вам не следовало выхаживать...

— Заткнись, — буркнула Иванка и без всякого перехода снова обняла его, шмыгая носом и прижимаясь к груди. Он нерешительно погладил по взъерошенным рыжеватым волосам, невольно отмечая чуть неправильные, но милovidные черты лица, розовые губы «сердечком» и вполне оформившиеся грудки.

«Билли, она наверняка несовершеннолетняя, это статья».

«Что?»

Айнар все меньше понимал свой второй голос; досадный, как жужжание мухи. Тот был источником знаний, но порой твердил полную чушь. Еще и называл его отчего-то «Билли».

— Я иду в Могро. Хочу научить людей немагическому искусству, понимаешь? Чтобы не нужны Искры стали, как с тем колодцем. Это опасно, сама уже убедилась, да и Светочи на

меня охотятся теперь.

— В Могро? — Иванка покрутила у виска. — Там же Пылающий Шпиль.

— Прячь дерево в лесу, — возразил Айнар.

Иванка задумчиво пожевала губу.

— Ну ладно. А мне с тобой можно?

— Это я и хотел предложить. Мне понадобится помощница. Еда пополам, доход тоже, если выпрыгнет какая мигающая огоньками сволочь, так я ее тоже того, нитроцеллюлозой. Кстати, и тебя научу. Наука — не магия, любой, у кого есть мозги, может освоить, а мозги у тебя точно имеются.

Чего Айнар не ожидал, так это новых бурных объятий; чуть повязку не сорвала.

Во сне Иванка кричала: сначала поскуливала, как щенок с больной лапкой, а потом начала надрываться, стонать, метаться. Она скинула пиджак Айнара, в который, засыпая, заворачивалась, как в одеяло, и осталась на холодной траве. Айнар тоже проснулся.

— Эй? Эй?

Он потряс Иванку за плечо. Та враз открыла темные из-за глубокого безлунного сумрака и страха глаза.

— Просто кошмар приснился, — Айнар встряхнул свой мятый, порванный в десятке мест и заляпанный самыми невероятными пятнами пиджак, чтобы снова протянуть его девушке. — Бывает, мне вот тоже иногда...

Про Циану тар-Оронен, Красочную Леди, он решил умолчать. Иванка все-таки была обычной крестьянской девчонкой, хотя и смышленной, схватывала на лету.

— У меня твой чертеж, — сказала она и достала из-за пазухи замусоленную страницу из журнала. Айнар нарисовал крупно, подробно, подписывать ничего не стал: все равно чтецов в деревне вряд ли отыщешь, если и найдется какой-нибудь грамотный старейшина, так один на всех. Зато Иванка видела водяной таран на этапе рождения, помогала соединять трубы, сама установила подкачку на дне грунтовой реки.

— Это твой чертеж, — сказал ей Айнар. — Сможешь подобную же штуку сделать?

Иванка подула на лоб, прогоняя метелку дикой пшеницы, которая запуталась в волосах.

— Наверное, — неуверенно сказала она. — А ты мне поможешь?

— Конечно. Сказал же, будем вместе работать, как в Могро придем. Светочи ничего не поймут, а мы под шумок целую мануфактуру организуем, продавать всякие полезные штуковины станем. Разбогатеем.

Он снова ее обнимал, только теперь Иванка вспомнила о девичей чести, пихнула его остреньким локтем: чуть повыше раны, Айнар аж тихонько взвыл:

— Осто... рожней.

— А ты руки не распускай, умник! — фыркнула она, но уже в следующую секунду добавила. — Женишься на мне?

От такого перехода Айнар опешил.

— Папка потом сказал, что позволил бы, — она блеснула глазами с полудетским кокетством, а потом лицо закаменело. — То есть...

— Ложись спать. Пиджак себе забирай, он теплый, а ночи холодные. Здесь всегда так холодно? Ах да, в Глеоре постоянно похожий климат, сухая страна с водой среди камней.

— Айнар?

— Спать ложись, я сказал.

Он фыркнул себе под нос:

— Невеста, тоже мне.

Иванка показала язык, смутилась еще больше и нырнула в траву, поближе к остаткам костра, нагретым приятно-теплым камням. Сам же Айнар так и не сумел снова заснуть, достал свой журнал, при свете угольков, напрягая и без того близорукие глаза, царапал наугад грифелем по желтоватой бумаге. Писал он об Иванке, о своих наблюдениях, о планах в большом городе.

«Тот, кто все знает, называет меня Билли», — вывел Айнар, а потом рука будто сама добавила:

«Я это я. Гарат помнит свое имя в другом мире, но сама назвалась им только однажды и советовала вспоминать пореже. У меня священная миссия или что-то в таком роде, но пока я хочу добраться до Могро, города из бронзы, золота и света, устроить мануфактуру с курсами по физике, химии и инженерии прямо напротив Пылающего Шпиля. Эти мрази сжигают людей. Тот, серебряный, взорвался от нитроцеллюлозы, а теперь охотятся на меня, и убили родных Иванки, всю ее деревню. Клянусь, я сделаю достаточно нитроцеллюлозы, а может, и нитроглицерина, чтобы подорвать весь Пылающий Шпиль до последней Искры».

Он захлопнул журнал. Глаза горели, голову залило свинцовой тяжестью. На горизонте высилась и отражала первые солнечные лучи гигантская башня — Пылающий Шпиль Светочей.

Айнар прикинул: до нее осталось миль сорок, а то и меньше. Если повезет все-таки поймать попутную телегу, доберутся сегодня.

Иванка больше не кричала. Он же пошел искать не слишком глубокий грунтовый ручей — они порой выступали на землю, били из-под камней скважинами, — чтобы приготовить утренний отвар корня таума. Горькое пойло отлично бодрило, а свежая голова пригодится им с Иванкой не меньше уверенности в правильности всего, что делают.

«Главное — не забывать».

«У меня миссия».

«Я не Гаситель. Это Светочи меня так обозвали, трусливые сволочи, паразиты на атавизме начала времен».

«Я — Техник. Избранный, даже если Гарат называет это патологией, вроде расположенного справа сердца или крипторхизма. Я пришел спасти этот мир, а то и все миры».

Солнце не успело подняться, когда их подобрала-таки проезжая телега. На козлах сидела широколицая и широкоскулая дама, несмотря на выдавшее лучшие дни холщовое платье линияло-сиреневого оттенка назвать ее «бабой» не получалось даже мысленно. Дама вела себя немного чопорно, неодобрительно покосилась на щетину Айнара — он снова пропустил бритье, и уже покрылся мелкими черными пеньками волос, зато Иванку привечала с материнской заботой. Она везла в Могро масло и хлеб, позволила Иванке (а заодно и бесплатному к ней приложению) угоститься сдобной булочкой с жирным чуть солоноватым маслом. Айнару приходилось сдерживать себя, чтобы не утащить еще штук пять, а потом вспомнил: Гарат вообще-то ему деньги оставляла. Он достал из-за пазухи кошель: двадцать гхэ, пятнадцать нитов. Мелочь сгреб и протянул вознице.

— За булочки. И я бы еще хотел купить, и во-он тот маленький кувшин молока.

Дама свирепо сверкнула на него глазами.

— Пять нитов за все.

Айнар повернулся к Иванке. Рабы и чужаки мало понимают в экономике.

— Отлично, — быстро сказала она.

Молоко оказалось еще лучше еды.

Потом оба задремали. Дама ссадила их возле стен Могро:

— Все, слезайте. Здесь каждый свою пошину платит, мне еще не хватало за вас отдавать.

— Конечно, госпожа...

Она только фыркнула, щелкнула крупного полосатого мерина и тот, со всей возможной для флегматичного животного бодростью, поскакал к воротам. Айнар поднял голову, жмурясь и оглядывая издали знаменитую столицу Глеоры — славный город Могро.

Ворота из мореного дуба стояли вторую тысячу лет, укрепленные двадцать раз по двадцать Искрами Прочности и Защиты. Они сияли, словно золотые фонарики каждые несколько миль, однако располагались на неодинаковом расстоянии, и могли передвигаться: если бы напал неприятель, то кристаллы лопнули бы, обратив на врагов ярость магии — дикий огонь, плавленый свинец, пары ртути, и все это — внутри похожих на не самый чистый кварц резервуаров. Впрочем, до ворот глеорской столицы последний раз доходил лишь Тесхен, несколько сотен лет назад, с тех пор великая империя смуглокожих людей с матриархами-Светочами и отчаянными воинами-мужчинами погасла, словно сама уподобившись выработанной Искре. Тесхенцев-то, конечно, хватало — торговцы, циркачи, иногда ремесленники, если попадались воры-наемники-убийцы, то скорее бывшие рабы, вроде Айнара Венегаса, чем урожденные Песчаной Империи.

Пылающий Шпиль возносился в полинялые блекло-голубые небеса. Глаз воспринимал башню белой по всем законам преломления линзы: сколько ни попади цветов в капкан, перемешавшись, станут едины. Тем не менее, отовсюду торчали артефакты красного, синего, фуксии и других цветов, которым Айнар не знал названия, очень скоро зарябило и заболела голова.

— Как блестит, — заметила Иванка. Она приложила ладонь ко лбу козырьком, а волосы где-то успела расчесать, чумазое лицо — умыть, даже выдавшее лучшие дни платье привести в порядок. — Красиво, да?

— Пестро слишком.

Намного ниже Шпиля притулились дома Гильдий, богатых купцов, зажиточных горожан, а дальше Могро, как и все города, распадался на первосоставные грязных каналов и хижин. Айнар не проходил за священные глеорские ворота, но примерно догадывался, что внутри — от инкрустированных изнутри жемчугами и алмазами особняков до грязных хижин. Через столицу пролегла одноименная река, частично, как многие другие глеорские реки, погружаясь в грунтовое подземелье, но потом выныривая — похоже, за воротами, словно устыдившись Светочей.

Пылающий Шпиль был королевским дворцом — потому что других правителей не существовало, главным и единственным храмом, основной гильдией гильдий, а заодно и Башней Магов.

«Слишком большой кусок откусили», — подумалось Айнару.

Они отправились пешком — мелкая тощая девчонка и рослый широкоплечий парень с немилосердно отросшей и чешущейся щетиной. Стражники на воротах стояли самые обычные, даже Искр не держали: только алебарды и круглые щиты, в кожаны доспехах с пластинчатыми вставками они парились и потели с утра пораньше.

— Кто такие? — лениво спросил долговязый, выше Айнара, тощий тип. Шлем был ему велик и сползал на длинный сорочий нос.

— Работу ищем, — не растерялась Иванка.

— Рабо-оту, — лениво нудел стражник, ничего и никуда не записывая. — А кто? А зачем?

— Из деревни...

— Кривошейки, — вдруг сказал Айнар. Это была его родина; именно там жили Джерайя Венегас и Дакоти Ашор.

— У, далече отседова. Ну да видел, видел, телега вас подвезла. А чего хотите?

— Я кузнец. Хочу купить Искру и начать свое дело, — выпятил грудь и плоский тощий живот Айнар. — А это жена моя, Иванка.

Та быстро выдохнула сквозь щербатую щель промеж зубов, стрельнула взглядом, как будто белка укусила, но тоже подбоченилась. Подошел еще один стражник, пониже и коренастый, чего-то пробормотал сквозь зубы и махнул голой, без перчатки, рукой — проходите, мол.

Столица приняла их в себя.

Из-за ворот Могро смотрелся лучше, чем внутри. Стоило свернуть с большого, мощеного ровными белыми булыжниками, тракта, как очутились едва ли не по колено в грязи. Главная дорога, как подсказала Иванка, называлась «Серебряной». «Но нам туда не надо», — веско добавила она.

— Почему? — спросил Айнар.

— Потому что она ведет к Пылающему Шпилю. Или ты прям сразу Светочей собрался на бой вызывать, причем, сразу и всех?

Вот же вредная девчонка, подумалось Айнару. Он покачал головой, осматривался по сторонам. Довольно старые, хотя и добротные каменные дома прижимались друг к другу, подошвы хлюпали в грязи. На чьем-то заднем дворе глодала колышек забора большая и жирная свинья.

Но стоило повернуть еще за угол, как снова открылся вид на широкую улицу, пускай и

не такую красивую, как Серебряная. Вывески мелькали перед глазами, буквы и картинки, пестрый салат из деревянных штанов, правдоподобно намалеванных сапог. Айнар уперся в настоящую человеческую голову на пике: прямо так и торчала, уже порядком почерневшая, неузнаваемая — коричнево-черная кожа, покрытый зеленоватым налетом язык.

— Это еще что за...

Иванка схватила его за руку и подалась назад. Айнар поискал взглядом надпись, но не нашел ни единого знака. Иванка его оттащила подальше:

— Охотники. Торговцы, — сказала она. — Живым товаром.

Она уставилась в упор, хотя и снизу вверх. «Я знаю, кто ты. Знаю, что ты сделал», — на миг в совершенно обычной девушке мелькнули пугающие черты Красочной Леди. Айнар сглотнул.

— Ишь ты, а я не знал.

— Ну так давай держаться от этих подальше.

Спорить точно не хотелось. Возвращаться на ту чуть вытянутую овальную площадь, где столпились «товары и услуги» — тоже. Айнар хмурился, они сейчас шли по довольно широкой, но грязноватой улице, пару раз едва не сбили повозки — «С дор-роги», — вопили с козлов. Всякий раз это оказывалась карета из темного дерева с белой ковкой, с настоящими Искрами в колесах — на счастье. Приближенные Светочей, какие-нибудь важные типы из гильдий.

«Светочи, Гильдии... а кто ниже? Ну, все остальные».

Иванка всякий раз его тянула к себе и довольно юрко прижималась к серо-красноватым стенам домов. Могро весь был этого оттенка: как чуть зацветшая «розовой ряской» стоячая вода. Заборы ставили на заднем дворе, где горожане победнее выращивали картофель, свеклу и желтые плоды, которые здесь называли дынями, но на ум почему-то приходило «тыква». Порой наслаивалась путаница слов. Люди побогаче фасады упрямо красили в белый, желтый, но потом розовая рябь неизменно спускалась с крыши или поднималась из глубин земли. Айнар отмечал грунтовые колодцы с Искрами на воротах, такие же, как в Малых Ручейках. За городом ухаживали — нет-нет да и попадались дворники, часто — воосцы с красноватой же кожей, отчего рабы-добыча с последней глеорской военной кампании казались порождениями «ряски».

Пылающий Шпиль возвышался над Могро, словно ось целого мира. Ближе к нему Айнар мог разглядеть блестящие золотые крыши, но туда идти не хотелось, свернул было опять на Серебряную улицу в окружении лощеных фасадов с настоящими стеклами, Искрами фонарей и стражниками в новенькой униформе, да и вернулся в переулок. Иванка указывала: а вон там булочная, а тут нищие обычно сидят.

— Мы с папкой приезжали, — сказала она, когда Айнар поинтересовался, откуда познание. — Во-он там Собачий Рынок, самое бойкое место. Два гхэ уплотить надо, чтобы разрешили телегу поставить!

Айнара оттолкнули в сторону. «Куда прешь, деревенщина», — донеслось от высокого широкоплечего мужчины, одетого в добротный серый сюртук, галифе с высокие с щегольским блеском сапоги. Его спутник нес шерстяную куртку на плече — типичное глеорское неяркое солнце смилостивилось и подарило сотню лишних лучей, а заодно и тепло. Второй обернулся, ткнул пальцем в Айнара и в Иванку, оба загоготали.

Людей на узковатых улочках становилось все больше. Толпа циркулировала, словно кровь по венам: беспорядочно на первый взгляд, но даже у зевак, похоже, были конкретные

цели. Одна из них — Собачий Рынок.

«В Ороне не слишком-то повезло», — он почесал затылок. — «И Гарат поблизости нет...»

— С чего-то же надо начать, — ответил себе же, Иванка вздернула бровь, в очередной раз отпихнула его от сразу двух телег; на последней цеплялся мальчишка и все тыкал в Айнара пальцем — «тесхенец, тесхенец, у, черномазый!».

— Да отойди ты, дылда! — шикнула Иванка, заставив почти прижаться к очередной подернутой «ряской» стене.

— Я думаю, — Айнар посмотрел на дома, на уже бурлящую прохожими улицу, а потом в сторону Собачьего Рынка. — Нам нужно туда. Поищем работу, вот что. А где работа, там и возможности.

— Ага, возможности, — в тон ему ответила Иванка. — Аж десять нитов в день. Это грузчикам, например, столько платят. Комната в Рыбном переулке стоит семь, чтоб ты знал, а крыс и клопов в ней за год не переловишь.

— Откуда ты все это знаешь?

Иванка шмыгнула носом, отводя блестящие зеленоватые глаза.

— Ребята рассказывали. Ну, папка торговал, а я болтала с разными там... пока он не видел. Но ты не подумай, мы в Рыбном не ночевали, обычно домой возвращались, ну или в телеге уже снаружи. Папка не любил Могро. Говорил, здесь душно и каменно.

Айнар кивнул.

Душно и каменно, хорошие слова. Иванка снова шмыгнула носом, на этот раз с почти слезами на глазах. Она быстро взяла себя в руки; Айнар не успел промямлить неуклюжих слов утешения, которые все равно не сработают.

— Ну так?

— Все равно, работа — это работа. Главное, начать. Пошли на Собачий Рынок.

Айнар сразу понял, почему рынок называли Собачьим: в узких рядах между прилавками таскались облезлые и побитые жизнью шавки. Сходу насчитал штук пять, причем, люди на них не обращали никакого внимания. Мясник пнул рыжего кабысдоха заляпанным кровью сапогом, торговец жареными пирожками на разнос просто шикнул — «пши вон». Собаки были как на подбор некрупными, тощими, скучными, большинство — явно больными.

— В прошлый раз их было еще больше, — заметила Иванка. Серая и похожая на грязный половик тварь увязалась за ними, но быстро отстала. — Светочи запрещают убивать их, вроде они какое-то отношение к Искрам имеют.

Айнар нахмурился, вспомнив волка из пустоты и радуги.

— Да. В этом есть смысл, хотя... это просто шавки.

Иванка пожала плечами.

— По крайней мере, они не дают расплодиться крысам.

— Заметь, без участия Искр, — не удержался Айнар. Иванка попыталась сцапать с лотка зеленое яблоко, но хозяин замахнулся на нее, совершенно как на блохастую собачонку, она отдернулась.

В остальном, рынок как рынок — толпы людей, горы товаров и услуг. Толстый мужчина в лоснящемся полосатом костюме нанимал двух здоровяков, явно грузчиков. Пропахшая рыбой женщина протянула несколько монет мальчишкам, принесшим ведро соли. Когда закончились продуктовые ряды, начались ремесленные — здесь же тесали древесину под

вспышки Искр, выдeldывали кожу — может, и хорошо, что с Искрами, а не мочой и дерьмом. Айнар приметил большую кузницу: огонь вполне настоящий, кадка с водой для охлаждения тоже, хотя и здесь едва не каждый молот с вездесущей Искрой. Кузница была копией той, что видел в Ороне, только раза в три побольше.

— Пойдешь туда наниматься? — с сомнением произнесла Иванка. — Там все гильдейские. Тебя выгонят.

— А в гильдию как вступить?

— У вас в Тесхене и такого не знают?

— Понятия не имею, что в Тесхене. Я говорил тебе, я бывший...

Он осекся, упоминать свое рабство не стоило. Людей много, ушей тоже. Кто знает, вон тот парень с куском лепешки не соглядатай ли? А во-он та девица как будто легкого поведения, может, на самом деле, шпионка?

«Ага, лично Красочная Леди на тебя охотится. Билли, не впадай в паранойю. Хотя осторожность — дело нужное, наверняка, беглых ловят».

Опять это вот... Билли!

— Ты чего завис? — Иванка щелкнула пальцами. Айнайр моргнул.

— Да так, вспомнилось кое-чего. Ну, так что про гильдию?

— Платишь взнос, проходишь испытание. Если доказываешь, что достоин — возьмут, почему нет. Ну, а провалишь — сам виноват.

— Давай попробуем.

— Попробуем? — фыркнула Иванка. — А я-то тебе зачем? Ты у нас умелец, водяной колодец заставил на воде и работать. Дура-девка на кой сдалась?

В ее голосе звенела характерная обида: поперек всякой логики, хотя она явно и сама понимала, что по сути права. Снова пришлось отодвинуться, простучала копытами лошадь, на ней богато одетый всадник, потом женщина в грязной одежде и стайка детей, как мальки за крупной рыбой, облепили и исчезли в толпе.

— Я же обещал, что тебя не брошу! — заявил Айнар. — Будешь подмастерьем или как тут это называется. Да пойдём уже.

Иванка если и хотела, чтобы ее поугovarивали подольше, то мысленно махнула рукой и пошла за Айнаром. Тот же направился по лежащим прямо в грязи доскам к кузнецу. Его провожала тоскливым взором очередная шавка — когда-то белая, а сейчас серая. Она принялась чесаться.

В крытой сверху, но продуваемой всеми ветрами кузнице, работало человек пять, еще столько же сновало от печи для заготовок к наждачному станку, от верстака к баку с водой. Везде подмигивали Искры: закованные в кристаллы, словно привязанные на цепь псы. Они раздували огонь и поддерживали температуру, были углем и печью. От жара горела кожа, от магии покалывало пальцы и топорщились волоски — на голове, отросшая щетина на лице, даже на руках. Статическое электричество, подумал Айнар. Магический эффект похож на статическое электричество. Есть миры, привязанные к потоку электронов в сети, к квантам света, а есть...

— Чего надо? — кузнец был крупным и рыжим. Глеорский кузнец, одна штука. Разумеется, на тесхенца он смотрел с недоверием, хотя здесь, на рынке, Айнар уже успел приметить пару десятков сородичей.

— Купить? Продать?

— Хочу в гильдию, — Айнар сложил руки на груди. Гарат называла его

«недокормышем», имея в виду рабское голодное прошлое, но в детстве-то он не голодал, пока мать жива была, пока сам был свободным человеком. Так что размером кулаков точно мог поспорить с рыжим.

Кузнец посмотрел почему-то на Иванку.

— А это кто?

— Помогает мне.

Та засопела.

— В гильдию? Ну, условия сам знаешь. Десять гхэ. Испытание, — кузнец зевнул.

Айнар кивнул.

— Я готов. Прямо сейчас. У вас тут...

— Не, зачем у меня. Это ты в Гильдейский переулочок шагай, там с вами разбираются. А здесь, хочешь — заказ делай. Ковать тоже можешь, по своему железу ежели и своими инструментами. Пять гхэ.

— За что? — вырвалось у Айнара.

— Как за что? — в свою очередь удивился кузнец. — Искры-то убывают с каждым ударом молота!

— Действительно, — пробормотал Айнар и, не удержавшись, добавил. — Огонь с водой дешевле бы обошлись. Во-он там поменять конструкцию на самоподдув, а здесь отвод сделать, уголь копеечный, и...

Кузнец смотрел на него рыбьим взглядом.

— Спасибо, — Иванка вынырнула вперед, широко улыбнулась, пихнула своего не в меру болтливого спутника прочь. Еще и пнула по икре. Кузнец хмыкнул вслед, оттирая руки о фартук и вскинул на плечом молот килограммов на десять. Если он что-то и сказал вслед, грохот поглотил любые звуки.

Сероватое небо становилось голубым: солнце входило в зенит. Наползала привычная сухая духота Глеоры.

Бело-серая шавка по-прежнему таращилась на них голодным взглядом, свесила язык, с желтых зубов капнула слюна.

— Гильдия ремесленников, — прочел Айнар как будто по слогам.

Здание нависало фасадом-салатом из всего сразу: колесо, молоток, кусок кожи, доска, даже просто камень с прожилками золота. Мрамор и неплохой, чуть приглядевшись, понял Айнар. От путаницы рябило, зато растянутый, как гармошка перед финальным аккордом, двухэтажный дом вполне справлялся с задачей: «Гильдия ремесленников» прочесть-то мог не каждый, а понять по наглядным иллюстрациям — даже неграмотный.

Возле входа толпились. Один с молотом, другой с щипцами, третья с топором, похожим почему-то на мясницкий. Поблескивали талисманы-Искры.

— Своими пользоваться нельзя, — поведала Иванка.

— Ты откуда знаешь? — удивился Айнар.

В ответ она пустилась в длинный рассказ про какого-то соседа или родственника, который пытался вступить в Гильдию ремесленников кожевником. Мол, был он здоровяком «вроде тебя», но боялся все испортить. Прихватил свою Искру, а ее возьми и отбери. «Ну он как принялся работать, так семь свиных кож и порвал», — печально закончила Иванка. Айнар с сомнением посмотрел на все прибывающую толпу, снова на фасад — блик солнечного зайчика попал на колесные спицы, заставляя зажмуриться.

— Я ничего не порву, — он перебил Иванку.

— Да уж надеюсь, что подкову или чего там ковать будешь, не сломаешь.

— Сама ты подкова, — свирепо откликнулся Айнар. — Я им хочу кое-что другое показать.

Он поозирался по сторонам и незаметно открыл свой помятый саквояж. Иванка предупредила насчет Искр, но он ведь и не собирался пользоваться магией, так?

— Слушай, а тут как — всех берут, кто проходит?

— Не, еще кочевряжатся, — с готовностью истинного знатока откликнулась Иванка. Ей очевидно нравилось быть главной и объяснять глупому чужаку-тесхенцу с этими его странными стеклянными глазами простые правила. Она еще задаст вопросы, много неудобных вопросов, и лучше бы к ним подготовиться. Но пока либо болтала без умолку, либо как будто щелкало ударом тока: на мгновение все краски пропадали с лица, даже волосы становились тусклыми и ломкими, как высохшая трава. А потом девчонка будто насильно заставляла себя не-помнить о том, что случилось в родной деревне.

Вот и сейчас: рассказала про своего соседа-родича и замерла. Айнар спросил ее «как проходит» — снова ожила.

— Роба им твоя может не понравиться или еще чего... да ты мух-то ртом не хватай, в очередь иди!

Очередь получалась нестройная: скорее толпилась, чем выстраивалась. Кто-то жевал вонючий пирожок с луком, чесноком и копченой рыбой. Прохладная духота прогрелась, солнце припекало. Айнар стирал пот со лба, пытался не дышать чужой рыбой с луком-чесноком, привалился к покрытому вездесущей розовой «ряской» фасаду. Прямо над головой у него висел меч, вполне настоящий, очередная иллюстрация ремесла. «Хорошая метафора», — подумалось ему, но какая именно осознать-вспомнить не получилось. Иванка куда-то исчезла, появилась в сопровождении сразу двух вездесущих шавок, сунула ломоть перченого пирога с мясом и стакан воды.

— Спасибо, — вздохнул Айнар. Очередь только прибавлялась, приходили и спрашивали — мол, принимают ли. В толпе пожимали плечами. До дверей пока никому из стоящих рядом добраться не удалось. С высоты своего роста Айнар, впрочем, видел, что пару черные массивные двери, настоящий портал, открывались и милостиво впускали желающих причаститься гильдейского благословения.

— Да уж, — Иванка села прямо на грязную мостовую. Айнар открыл рот, чтобы напомнить о собаках, да и люди порой вели себя не чистоплотней, судя по запахам, но промолчал. — Целый день тут проторчать можно.

Айнар откусил кусок пирога. Он оказался слишком соленым и слишком перченым.

— Хотя, есть одна идея. Никуда не уходи! — предупредила Иванка и снова исчезла. Шавки остались, умильно молясь на пирог в руках Айнара. Тот поколебался и кинул обеим псынам по небольшому куску: на удачу.

Он попытался приглядеться: где Иванка. Рыжевато-русый хвост, который давно следовало бы помыть, мелькнул в толпе, тощую девчонку стиснули могучими спинами еще один почти-кузнец и, похоже, плотник, но она вывернулась. Следующий раз Айнар заметил девчонку возле двери.

— В очередь, — донеслось даже до Айнара. — Ах ты, наглая...

Мелькнуло что-то зеленоватое. На бритую макушку ближайшего к Иванке мужика приземлился гнилой помидор. Соседке — бой-бабе с такой квадратной челюстью, что могла бы колоть орехи, досталось не менее ароматное яйцо. Под ногами людей, привлеченные

запахом тухлятины, замелькали шавки. Здравяк с доской в собственный рост оступился, шмякнул деревяшкой лохматого и довольно тощего на фоне остальных ремесленников соседа, попытался вывернуться и заодно пнуть собаку. Тощий заозирался по сторонам, схватил почему-то молодого вихрастого паренька в слишком чистой для ремесленника белой рубахе.

Айнар попытался отступить подальше, пока не стало слишком поздно.

Ему это почти удалось — получил только тычок в ребра и кулак проехался по касательной, едва не выбив пару зубов. Айнар успел увернуться, зато доска прилетела в фасад Гильдии как раз там, где он только что стоял.

Меч вроде бы висел надежно. Вроде бы.

Он сорвался с грохотом металла об камень; Айнар как раз пытался увернуться от очередного кулака, но тут аж замер в положении «на корточках» и похолодел: останься на секунду дольше — лезвие вошло бы в него, если не как нож в масло, то как в кусок мяса. Ну, или просто зашибло — тронутый ржавчиной и тупой меч вряд ли мог кого-то убить иначе как обычная дубинка.

«Твою ж...»

Бело-серая шавка лизнула его в щеку и преданно завиляла хвостом. Айнар выпустил из пальцев остатки недоеденного пирога. Собачонка немедленно ретировалась со вполне заслуженной наградой.

Просторный тупичок, где стояла Гильдия, переполнился криками, ругательствами, лязгом и грохотом. С фасада падало то колесо, то сапог — он упал на тощего голенищем вниз и поймало голову, как петуха перед заклинанием. Айнар пытался пробираться между ног, башмаков, досок, молотков, щипцов, кулаков, выбитых зубов.

«Иванка, чтоб тебя...»

Девчонка как сквозь землю провалилась.

«Затопчут же. На куски разорвут. Заварила кашу, дурища... Выпорю!»

Айнар судорожно оглядывался, но в мельтешении рук, ног, спин, голов и воплей ничего нельзя было ни разобрать, ни понять даже где чьи части тела и насколько они еще принадлежат владельцам.

— Пр-рекратить! — лязгнула железная дверь. На пороге стоял мужчина лет пятидесяти, седой и лохматый, похожий на поросшее лишайниками бревно. — Воры! Бездельники! Р-разгильдяи! Все вон! Ты! — палец-сучок уткнулся в Айнара. Тот стоял почти на коленях. — Можешь зайти. Остальные — вон!

— Я? Но...

Айнар наклонился: над головой просвистел башмак, то ли «выставочный», то ли снятый с ноги последнего размера.

«Спряталась, вылезет потом», — решил он и поторопился за «бревном». В конце концов, Иванка устроила этот переполох в курятнике, совсем не глупо с ее стороны раствориться и пересидеть шум, а то надерут не только уши. — «Куда денется».

«Бревно» хлопнул массивной дверью. Вокруг Айнара собралась темнота; пара чахлах догорающих Искр — выработанных «свечек» едва рассеивали сумрак, пахнувший гретым железом, смолой, немного — аммиаком и даже селитрой. Айнар поправил очки нервным жестом, потом его глаза привыкли немного. Гильдия ремесленников изнутри была такой же простой и грубоватой, как вычурной — снаружи. Камень, столы, верстаки. Шкафы из похожей на камень древесины, на стенах висел инструмент.

— Ну? — потребовал «бревно».

— Я кузнец. И эээ... у меня тут кое-что для хорошей стали.

Айнар сжал ручку саквояжа. Взгляд бородатого «бревна» скользнул к ноше претендента:

— Никакого своего инструмента.

— Хм, вот еще. Очень надо. И кстати, Искры на качество работы не влияют, — заявил Айнар.

«Бревно» непонимающе молчал.

— Только печь раскалить нужно, а дальше — сделаю гибкую и прочную сталь, какой вы еще не видели! — он сглотнул. Живот скрутило, то ли перченый пирог попался несвежий, то ли нервы сдавали.

— Ну-ну, — «бревно» пошевелил усами, бородой, только что не зевнул. — Валяй. Зал кузнецов — вон, слева вторая арка, места немного, но тебе хватит. Там сейчас как раз никто не работает.

— А принимать вы будете?

— Я, Горт Однорук, Хильда — она с Кьенингарских Островов, но дело свое знает. Меня Барри звать, для тебя, сопляк, Барри Привратник. Двадцать лет тут уже торчу, вас всех проверяю. Думаешь, если кожевенник, то хорошую сталь от плохой не отличишь? Да половина из вас, косоруких болванов, с десятью Искрами вместо чугуна пепел делает, плюнь — рассыпается. Тьфу, бездари сплошные, Искры правильно направить не могут, а туда же... скажи еще, без Искр он ковать будет, еще руки поди себе отруби!

— Руки рубить не собираюсь. Но без Искр в стали обойтись можно. У вас, конечно, вся технология на них построена, тут я так сразу ничего не изменю, но сами говорите — другие чугуны портят. Не в них секрет, вот увидите. Хорошему сплаву магия совсем ни к чему.

Барри сплюнул прямо на серый и давно не мытый каменный пол. Айнар обошел подозрительную липкую на вид лужу — древесная смола, что ли. Старый Барри снова зевнул.

«Руки отруби!»

Одно точно: работали Искры безотказно. «Вторая арка слева» привела в небольшую кузницу, где не поставили даже мехов, даже вытяжки для воздуха — огонь горел сам по себе, вода блестела наледью в глубоком чане, а на дне, словно отражение луны, мелькал вездесущий магический контейнер. Универсальная батарейка Глеоры, Тесхена, Воосы, Кьенингарских Островов, разве какие-нибудь Белые Пустоши без них обходились. Ящерицы и жуки справлялись друг с другом без всякой магии.

От Искр рябило в глазах. Даже жар печи мерк на фоне цветных сполохов.

Везде, везде оно.

— Только что зад не подтирают своими Искрами, — проворчал Айнар. Он глубоко вдохнул характерный аромат раскаленного железа: приятный и свежий. К нему едва заметно примешивалась нотка падали — в точности, как от волка в лесу Цатхан.

Его слегка передернуло. Тянуло взять хотя бы один кристалл и раздавить похожую на горный хрусталь оболочку, но Айнар понятия не имел, что произойдет, если высвободить содержимое «магического контейнера». Он это выяснит, потом, вскрыет и препарирует Искру — врага надо знать в лицо вместе со всеми физико-химическими свойствами.

Но пока ему нужен статус в городе Могро, вотчине Светочей. Собачий Рынок всего в нескольких кварталах от Пылающего Шпиля.

«Чего тут думать, одним словом».

— Ладно, пора за работу, — сказал он, и оглянулся, почему-то ожидая увидеть Иванку за спиной. Привык за несколько дней в деревне и потом к девчонке.

«С ней все нормально, она специально устроила...»

— Да-да.

Он начал работать.

А ведь кто-то просчитывал.

Кто-то догадывался.

Кто-то «собирал» его в поход, Айнар замечал не первый раз. Недаром он берег саквояж, даже умирая, с дырой в животе, закинул его на спину лошади, а уже потом почти-вырубился в болезненной монотонности скачки. Волшебная шкатулка вмещала все необходимое.

Молибден пришелся как нельзя кстати. Оставалось подсчитать количество на процент стали — Айнар уже заметил, железо в Глеоре было не очень хорошее, главным образом, потому что без естественного легирования. Недаром, использовали только воду. Самое время очистить от ненужных примесей и добавить нужные.

Температура плавления молибдена 2623 градусов. Айнар фыркнул: выдержат ли камни? Сумеет ли магическая Искра создать эффект мартеновской печи?

«Ладно, попробуем получить легированный мартенсит на ровном месте».

Печь раскалилась до синевы. От жара по лбу стекал пот, Айнар разделся по пояс, тянуло заодно скинуть штаны, исподнее, кожу и мясо, раздеться до костей. Он зачерпнул холодной воды для остужения, облил себя, сделал пару глотков — вода была грязноватая, с кусочками то ли песка, то ли мелких частиц металла, он сплюнул черные точки, но полегчало.

— С одной стороны, — говорил Айнар металлу. — Гарат права, они тут вон посреди средневековья мартеновские печи могут сделать. Расплавят тебе хоть молибден, хоть вообще рутений. Спасибо Искрам, может, и полупроводники получилось бы наклепать, чего бы нет. Но мы же мир спасаем от разрушительного, туда его эдак, атавизма. А вот если отнять магию, что будет? Настоящее средневековье? Новое время?

Сталь плавилась в чане, и Айнар понял, что выжал слишком высокую температуру: сейчас расплавится и «котел», больше похожий на емкость для варки супа, чем на плавильню. Он подхватил очередной магический контейнер — Искра как будто понимала, чего от нее хотят, отдавала себя с послушанием дрессированной собаки, выделяющей трюки под хозяйские команды «апорт», «лежать», «фас».

— И я тебя хочу уничтожить, — Айнар покачал головой. Пот стекал по шее, по лбу и спине, щекотал между лопаток. — Может, не стоит, а? Надо бы с Гарат еще посоветоваться...

Потом он вспомнил Светоча: того, серебряного. И другую, которую не видел, зато о ней рассказывала Иванка. Глаза и волосы у нее меняли цвет.

«Они убивают людей».

— Прости, — Айнар погладил кварц «контейнера». Искра управляла температурой. Средневековая печка, больше подходящая для хлеба, чем для хорошей стали, превратилась в полыхающую мартеновскую печь, ее содержимое сияло оранжевым. Оставалось залить ее в форму — да хоть и меча бы, вон там стоит подходящая, а потом остудить, закалить и показать «бревну» Барри Привратнику.

Он сказал, что сумеет понять.

Интересно, видел ли что-то подобное?

Айнар снова прикоснулся к Искре: теперь нужно было загустить воду и сделать ее масло — остужать легированную сталь, в отличие от привычной глеорской углеродистой, лучше не в холодной воде.

«Это действительно проще».

— Да. Да, я знаю.

Он спорил с собой же в голове. «Билли Миллиган» — это другой, пришелец. Он о нем помнил. Или это тот помнил об Айнаре?

Не отвлекаться.

На меч металла не хватило — в самый последний момент Айнар сориентировался, выбрал чуть удлиненный кинжал, довольно тонкий и узкий. Местный вариант недо-стилета. Жар потихоньку уходил, Айнар подогнал его Искрой.

«Это нечестно».

— Все честно, — буркнул он. — Я не могу тут с нуля построить мартеновскую печь, добыть ингредиенты для легирования из воздуха... ах да, молибден мне с собой сунули, спасибо.

Разговаривать с собой — признак безумие.

«А с Красочной Леди?»

Айнар оглянулся: женская фигура маячила позади. Нет, никого.

— От жары мерещится. И да, играть пока приходится на чужом поле. Но сама технология-то никакая не колдунская!

Он отложил Искру. На кончиках пальцев осталось приятное тепло, словно от прикосновения к чему-то живому и ласковому, словно гладил верного пса, а теперь тот провожал печальным взглядом. Айнар подумал об уличных шавках.

«Тьфу ты».

Как раз в этот момент заглянул «бревно»:

— Ты чего за пекло тут устроил?

Жар преисподней поднимался до потолка. Воздух превратился в кипящий пар. "Бревно" был прав, пекло, оно и есть пекло. Это он еще настоящих мартеновских печей не видел.

"И не увидит никогда, если я не постараюсь".

Мысль о высокой миссии — попаданцам же надо нести прогресс, а как же без этого, была приятной. Она даже почти заменяла прохладу.

— Уже почти готово, — чрезмерно-весело отозвался Айнар, Маслянистая вода больше не годилась для умывания, и он быстро вычерпал верхний густой слой, слил его в стоящий в углу кувшин, наверное, кто-то из претендентов его сделал в гончарной мастерской, а сюда притащили по ошибке. Кувшин был пузатым, кособоким, напоминал больного печеночной водяжкой. Айнар предположил, что кандидата вышибли ни с чем.

Он взял кинжал. Горячий металл обжигал ладонь.

Стандартная форма, стандартный внешний вид. Точильный камень стоял здесь же, Айнар не удержался — снова зажег Искру, теперь, чтобы заострить обе кромки; он попробовал ногтем и отдернулся с коротким ругательством.

Кинжалом можно было резать дыхание. Лезвие тускло блестело.

— Готово! — крикнул Айнар. По его лбу стекал пот. Он улыбался.

Барри пришел не один. Горт Однорук соответствовал своему прозвищу, только Айнар почему-то ожидал, что тот будет кряжистым силачом поперек себя шире, равно в плечах и талии, а оказался довольно сухопарым мужчиной лет сорока, которому узкая темная бородка придавала щегольской вид, а вместо отсутствующей левой руки красовался деревянный протез — кажется, с золочением. Смысла в золоте ровно никакого, зато красиво. Ну или он так думал. Хильда с Кьенингара, коротко стриженная, блеклая, мускулистая, напоминала

рыбу на стероидах — это сравнение появилось в голове Айнара само собой, и он спросил у своей второй личности «что такое стероиды», понял, что знает ответ, запутался и тряхнул головой.

Чертово расслоение сознания. Когда уж там все совпадет, словно в игре "Тетрис"... стой, объяснять буду в другой раз.

— Э... — он протянул кинжал почему-то Хильде. — Вот.

Та взяла оружие с легким выражением брезгливости на лице, открыла рот, чтобы выдать вердикт «не годится» — похоже, привыкла именно к такому, потом попробовала пальцем, сжала и чуть пошевелила лезвие — оно было гибким и тонким, именно такой эффект давал молибден.

— Лучше делать мечи, — Айнар облизнул пересохшие губы. — Знаете, такие получатся гибкие плоские мечи, их можно даже в виде поясов носить, а потом разворачивать, и хрясь!..

Хильда пробурчала под нос что-то на родном языке. Кьенингарский был сложным, сплошные сонорные согласные, как будто говорящий простудился и пытается высморкаться.

— Неплохо, — сказала она потом на глеорском и передала кинжал Горту Одноруку.

Тот принял айнарово творение протезом, попробовал лезвие живыми и деревянными пальцами. Пожал плечами.

— Отличная штукавина, как по мне. Попадись мне такая в том лесу, когда воосцы со всех деревьев, что твои шишки, посыпались, так я бы может сейчас с двумя руками бы ходил!

Он потрогал свою бородку, посмотрел кинжал как будто напросвет — под потолком горели вездесущие «свечки» из умирающих, почти выработанных кристаллов. Белое излучение перемешалось с оранжевыми отблесками не остывшей пока кузницы, легло на лезвие ровным блеском.

— Отличная, просто отличная...

— Дай сюда.

Барри вырвал кинжал. Тоже потрогал, попробовал на зуб, как золотую монету, резанул собственный палец. На пол полилась кровь.

— Осторожней, — кротко предупредил Айнар. — Он очень острый.

Барри попробовал сломать кинжал, и тот послушно гнулся, но потом принимал прежнюю форму. Айнар аж выдохнул с облегчением: миры-мирами, чужие или свои, а молибден дает все тот же старый добрый эффект гибкости. «Самурайская сталь», знаменитые катаны.

«Я... откуда».

«Билли, не спрашивай. Раз уж ты теперь главный, давай я буду подсказывать, а ты слушай».

— Вам нравится? — тем же кротким тоном спросил Айнар.

Все трое переглянулись.

— Работа отличная, но... — почему-то замялась Хильда.

— Заплати, — перебил ее Барри.

— За что? — Айнар сложил руки на груди. Он по-прежнему был голым до пояса, и Барри с остальными явно разглядывали его шрамы — на спине от кнута, совсем свежий, едва заживший, на животе.

— Таковы правила! — Барри не отступал. — Десять гхэ за испытание, ты использовал наши Искры и нашу сталь.

— И свой секрет сплава с особыми добавками, — не удержался Айнар. — Я расскажу

вам его.

— Восемь гхэ.

— Уникальный секрет.

— Восемь и ни нитом меньше.

Горт Однорук предложил семь. Хильда просто наблюдала с ухмылкой. В результате сторговались на пяти с половиной гхэ, и Айнар, довольный своей победой, полез было за пояс...

Кошелек не было.

Он похолодел. Пощупал пояс еще раз, проверил карманы, одежду, которую снял, чтобы спастись от жара плавильной печи. Заглянул в саквояж, который так берег — там все еще лежали ценные ингредиенты, но ни единого нита.

— Я...

— Что, заплатить нечем, голодранец? — из «бревна» Барри превратился в настоящую колючую изгородь. Он подошел ближе и схватил Айнара за плечо. — Ах ты поганец...

— Стой, Барри.

Хильда и Горт подошли ближе. Горт протянул свой протез, прокладывая его словно преграду между Айнаром и Барри.

— У меня были деньги! — сказал Айнар. — Их просто...

— Украли, — вздохнула Хильда. — Понимаю. Это Могро, тут приходится следить, чтобы подошвы на бегу не срезали. Послушай, парень, ты сделал хороший кинжал — лучше я видела только в лавовых ковальнях вулкана Дратентурм, что на вершине самой высокой горы острова Кьенингар. Вот только Привратник не даст соврать: правила одни для всех. Давай так — мы даем тебе сутки, и ты находишь пять гхэ.

— Ладно, — обрадовался Айнар. Он сейчас отыщет Иванку, а вместе чего-нибудь придумают. — Идет. Ну, я пошел.

— Стой.

Хильда перегородила дорогу. Она не была слишком уж внушительной, просто чувствовалась за ней спокойная сила. Та, что отправит тебя в нокаут без лишних предупреждений и даже без лишних телодвижений.

— Свои вещи оставишь здесь, — она ткнула в сторону драгоценного саквояжа. Айнар почувствовал, как кровь отхлынула от лица.

— Что?

— Залог. Все честно. Ты использовал силу наших Искр, ты создал хороший кинжал, тут врать не стану, но ресурсов забрал немало и не заплатил. Оставишь свою эту сумку и вернешься за ней. А если нет — твоя беда. Срок — сутки, — снова повторила Хильда с Кьенингарских Островов.

Айнар попятился. Ему пришло в голову глупое: огреть ее по голове, а хоть бы и тем же саквояжем и бежать. Чего он теряет?

Горт Однорук и Барри ухмылялись, словно говоря: мы знаем все твои мысли. Никуда не денешься. Только попробуй дернуться.

— Э...

Айнар сглотнул.

— Хорошо. Согласен.

Он ухнул саквояж на пол и покосился на него с растерянным видом.

— Можно я возьму оттуда журнал и грифель?

Троица ремесленников переглянулась. Хильда первая пожала плечами.

— Ладно, бумажки забирай.

— Сутки, — еще раз веско напомнил Барри. Горт Однорук вновь перехватил кинжал и попробовал на своем протезе, оставляя насечки. — Советуем поторопиться.

Айнар накинул одежду и выскочил наружу, с порога позвав:

— Иванка? Ты здесь?

Но ему никто не ответил. Даже толпа рассосалась, и людный закоулок возле Гильдии опустел.

— Иванка!

Могро был большим и шумным городом, и перед Гильдией ремесленников всегда собирались толпы. Тихая пустота — только ветер слабо шевелит мусор, вроде луковой шелухи, на булыжниках мостовой. Небо порозовело — не закатом, а близкой грозой, хотя ни одного облака не появилось. Воздух ощущался сухим и наэлектризованным, как в самом сердце бури.

— Иванка! — он метнулся сначала вправо, потом влево, едва не поскользнулся на раздавленной картофелине. Никого, даже вездесущие шавки Собачьего Рынка попрятались, и выскочив в соседний переулок, где еще недавно торговали инструментом — досками, гвоздями, подковами, сырыми и уже выделанными кожами, Айнар увидел безлюдную улицу, ни единой живой души.

Могро умер.

Целый огромный город, столица великой Глеоры — умер и погрузился в вечную могильную тишину.

Айнар заорал:

— Иванка!

Он бросился обратно к воротам Гильдии, заколотил кулаками, пнул железные двери. Те отвечали медным колокольным звоном: бамм-бамм. Никто не открывал.

— Откройте! Пожалуйста! Я...

Сдвинулась заслонка щели: наверное, ее делали для почты или подношений, а может, того и другого. Из нее выпал созданный Айнаром кинжал.

— Возьми, это твое, — услышал он голос Барри.

— Откройте! Здесь никого, и...

— Убирайся!

Айнар еще раз ударил кулаком, но теперь дверь превратилась в настоящий монолит. Розовое небо потемнело, как будто наступала ночь — «но сейчас даже не вечер».

Айнар поднял кинжал и выставил его вперед.

«Я не умею драться».

«Я всего лишь беглый раб, и если и убил кого-то по имени Эрик Камерр, то... я не помню».

«То есть, почти не помню».

— Отвали, Билли, давай потом будешь разбираться с голосами из прошлого.

Айнар осознал, что разговаривает с собой.

Он шел вперед. Звал Иванку — в животе словно камень ледяной шевелился, каждый крик отражался от камней, от задвинутых ставен в окнах, наглухо закрытых, как будто задраенных изнутри дверей. Розовый от «ряски» город стал багряно-красным. Отраженный свет тек под ногами, и Айнару казалось, будто он бредет по колена в крови.

Она появилась перед ним: Красочная Леди. Циана тар-Оронен собственной персоной ожившая копия собственной статуи. Волосы у нее меняли цвет, оставаясь в диапазоне красного — от кармина до нежно-розового, как сахарная вата. Айнар не был уверен, что знает, что такое сахарная вата.

— А, вот и ты, Гаситель, — Красочная Леди протянула к нему руку.

Айнар ударил ее наугад кинжалом. Он подумал о своих вещах — о том, что осталось в Гильдии ремесленников; может, и сейчас бы сработала нитроцеллюлоза, ее так просто сделать. Немного хлопка и кислота двух видов.

Красочная Леди перехватила кинжал ладонью. Лезвие чиркнуло между пальцев, заставляя руку распасться на две половинки, но вместо крови полился слепящий свет, а потом половинки сомкнулись.

— Идем со мной, Гаситель.

— Отпусти Иванку.

Красочная Леди засмеялась.

— Идем, Гаситель, ты не сможешь противиться. Ты ведь всего лишь человек — так странно, убийца одного из нас, убийца Светоча, создатель ужасных артефактов. Предсказанное чудовище. И это — ты? Бедный глупый мальчишка.

Айнар снова попытался ее ударить, но Красочная Леди перехватила запястье. Кинжал со звоном ударился о мостовую и будто потонул в кровавом свете.

— Идем, — в очередной раз сказала Светоч.

Айнар покорился.

Она вела его, и он шел за ней, пытаясь не щуриться. Свободной рукой он снял очки, чтобы окровавленный мир потерял очертания; легче не стало, но собственная покорность окончательно превратилась в часть дурного сна. Мне снятся кошмары. Я проснусь, а потом расскажу Иванке, посмеемся вместе, вот, что произойдет.

Но он не просыпался — ни пока Красочная Леди вела по пустому мертвому Могро, ни когда они вошли в бесконечно тянущуюся к небу башню Пылающего Шпиля. Айнар только успел понять, почему цитадель Светочей названа именно так: Шпиль был чистым огнем.

Тот, кто войдет без спроса, сгорит в священном пламени и Искрах его.

Айнар подумал о сердце звезды: взрывающемся водороде, радиоактивном безумии с миллионами градусов температуры. Ты ничего не почувствуешь в сердце солнца. Ты станешь паром.

Красочная Леди переступила порог, и ему ничего не оставалось, как последовать за ней.

Шавка бежала за Иванкой. Дурацкая белая с черными пятнами псина, которую все хотелось пнуть, но не до того было — Айнар как сквозь землю провалился. Конечно, сначала Иванка отсиживалась на крыше Гильдии ремесленников, вся эта коллекция украшений сослужила роль стремянки, даром, что меч отвалился и едва не пришиб кого-то. Сидя на крыше, она дожевывала свою порцию пирога и веселилась, наблюдая за дракой, но потом набежали стражники, разогнали всю эту компанию. Пятерых или семерых самых задиристых уволок в кутузку, а остальные послушно выстроились в очередь, потирая синяки и шишки.

Иванка ухмылялась: все вышло как нельзя лучше, Айнар попал в Гильдию. Скоро они будут богатыми, а еще он научит ее делать новые потрясающие штуки, вроде водяного тарана или кремниевой зажигалки.

А потом они отомстят Светочам...

Об этом думать спокойно не получалось, слезы на глаза наворачивались. Хруст костяного пепла отдавался спазмами в мышцах и ломотой в собственных костях, и стоило зажмуриться, перед глазами вставала стена света. Не огня, а какого-то невероятного яркого зарева, как будто целое солнце рухнуло на землю. Айнар, вспомнила Иванка, говорил, что солнце — это огромный раскаленный шар, который никуда не рухнет, потому что это их мир — планета, вот он как назвал, вертится вокруг раскаленного чудовища.

Он это еще в Малых Ручейках рассказывал, когда отец был жив, мамка, братья и сестра, и все остальные...

«Светочи во всем виноваты», — злость была лучше боли. Иванка кормила эту злость, как голодную собаку.

Иванка дождалась полчаса и час, потом дверь вроде бы распахнулась, но никто не появился. В Гильдию больше никого не пускали — это было странно, Иванке казалось, что новичков должны пропускать как можно быстрее. Как говорил дядя Томас, чем больше зерна, тем быстрее Искра молотильного камня стучит. Интересно, жив ли он?..

Люди расходились. Время потянулось за полдень и медленно, к вечеру. Иванка спустилась с крыши — не осталось в толпе никого, кто мог бы ее узнать и наподдать как следует нарушительнице спокойствия.

Айнара нигде не было видно.

Иванка звала его снова и снова, и тогда появилась та самая шавка, увязавшаяся еще с утра на Собачьем Рынке.

— Отвали, нету больше пирога, — пробурчала Иванка. Шавки такое понимали ну очень быстро, а эта почему-то не отставала, так и семенила короткими грязными лапами, иногда присаживаясь на грязную мостовую, чтобы почесаться.

Иванка нырнула из одного переулочка в другой. Собачий Рынок оказался огромным — ремесленные ряды, продукты, драгоценные ткани, серебряные украшения. Раз десять она подбегала к высоким смуглокожим людям — это впрямь оказывались тесхенцы, но совершенно незнакомые, они гортанно прикрикивали на девчонку, а один даже сунул Иванке спелый розовый персик, причмокнул, приглашая познакомиться поближе. Иванка чуть не запустила в него этим самым персиком, но лишь оставила фрукт и, мотнув головой, побежала дальше — искать Айнара. Она вернулась к Гильдии ремесленников, здесь оттиралось теперь человек пять. Дверь непроницаемо возвышалась железной преградой.

Иванка заколотила в нее.

— Откройте!!

— Тебе чего надо? — выглянул уже знакомый мужик. Иванка слышала, что его называли Привратником.

— Где Айнар?

— Кто?..

— Айнар! Длинный такой тесхенец! — Иванка замахала руками.

— Не помню никакого тесхенца. Вали отсюда, дура, — и он дернул дверь на себя, чтобы захлопнуть. Иванка прищурилась.

— Да? — она подняла с мостовой кинжал. Просто чудо, что его никто не подобрал раньше, но тот удачно угодил в кучу мусора — очисток, скорлупы, обрезков кожи. — Точно?

Кинжалом она ткнула в сторону Привратника наугад. Сражаться Иванка умела не лучше, чем вон та шавка — летать.

Однако Привратник почему-то побледнел.

— Убирайся!

— Стой, Барри.

Рядом с мужчиной появилась женщина — белесая, с рыбьими глазами. Отец всегда в чужаков плевался, доставалось каждому, кто не глеорец. Про уроженку Кьеннингара он сказал бы, что у них вместо крови талый снег, вместо сердца — гнилые рыбы потроха.

Впрочем, женщина смотрела на Барри с неприязнью, а на Иванку — напротив, с сочувствием.

— Забудь про него, — сквозь зубы выговорила она. — Забудь.

— Что...

— Его забрали туда.

Иванка проследила за ее взглядом, и снова под ступнями хрустели кости, кости-пепел, и она зажала себе рот рукой, чтобы на заорать. Она все-таки всхлипнула, рядом заскулила все та же шавка.

Взгляд женщины был устремлен в сторону Пылающего Шпиля.

Могро разлегся перед Иванкой: огромный город, люди по-прежнему толпились, не обращая никакого внимания на девчонку. Могро будто предлагал: попробуй, найди своего приятеля, которому достало ума связаться со Светочами — и если еще осталось от него хоть горсть пепла, авось, тебе ее выдадут. Приятным подарком к хрустящим костям твоих родителей, братьев и сестры. Маленький череп остался почти не поврежденным.

Иванка хмуро взирала в сторону Шпиля. Он жег глаза.

Пылающий Шпиль, свет во тьме. Даже ночью Могро ярко освещен им, потому что во мгле творят Искры.

Черно-белая шавка заскулила и села рядом.

— Опять ты.

— Гав, — ответила шавка.

— Ты еще заяви, мол, говорящая и умеешь пробираться везде и всюду, — фыркнула Иванка.

Собачонка чесала за ухом.

— Ну, я так и думала.

Впрочем, она порылась в карманах и достала зачерствевшую хлебную корку, которую кинула псине. Та сожрала угощение на лету, а потом снова побежала за Иванкой.

«У меня есть кинжал и... и все».

Они с Айнарсом путешествовали налегке. Из всех вещей — его, Айнара, саквояж который сейчас неизвестно где. То ли Светочи себе забрали, то ли Гильдия прикарманила, словно последнее ворье.

Иванка одна в городе. Против Светочей.

Она остановилась посреди широкой улицы. Она засмеялась и заплакала одновременно, а позади гроыхала телега, запряженная четверкой лошадей. Иванка не хотела уходить с дороги.

Все, кого она знала и любила, мертвы.

Даже Айнар. Нельзя выжить после того, как тебя забрали Светочи в Пылающий Шпиль.

Зато она может просто остаться на месте — девчонка без роду-племени, никто не заплачет, не похоронит. Шавка сожрет ее труп, или...

Минутная слабость сменилась злостью. Иванка шмыгнула вправо, пропуская карету, еще и собрала комок подернутой розовой пленкой грязи и метко запустила вслед — грязь впечаталась в лощеный золоченый бок кареты, что перевозила если не Светоча, то кого-нибудь из высших гильдейских чинов.

Иванка захихикала. Ей в голову пришла дурацкая идея, которая блеснула звездочкой в туманную ночь. Она побежала в сторону Шпиля, надеясь заметить хотя бы еще одну достаточно богато украшенную карету, и та не заставила себя ждать — в нескольких кварталах от центра города, среди роскошных особняков, заборы которых сплошь сияли Искрами, она заметила резной фаэтон, словно созданный из крыльев бабочек и полупрозрачных костей нерожденных младенцев; пассажира внутри разглядеть не получалось, но это не имело никакого значения. Иванка снова достала припасенный ком грязи из картофельной шелухи, мокрой гнили гнилых помидоров — по руке ползали даже червяки, но она была крестьянской девчонкой, которую не напугать червяками и гнилыми овощами. Окно фаэтона казалось удачно приоткрытым. Иванка замахнулась, и...

— Не делай этого.

Кто-то коснулся плеча. Ком грязи бесславно плюхнулся о чистую, словно языком вылизанную, мостовую.

Иванка обернулась, выставив вместо вонючего оружия настоящий кинжал.

Она увидела девушку чуть постарше себя, очень белокожую, светловолосую и светлоглазую, настолько, что это вызывало какую-то неприязнь. «Мышь белая», — пронеслось в голове у Иванки, а вслух она сказала:

— Ты кто?

— Зоэ Кейпер. Меня Айнар Венегас вытащил из Орона — то есть, вообще-то это я ему помогла, у нашего Техника прискорбная привычка влипнуть в неприятности гораздо чаще, чем всем бы хотелось. Ты уж его прости: он не совсем из этого мира, страдает от раздвоения личности, и...

— Че?

Иванка толкнула белесую девчонку к одному из шикарных заборов. Тот был каменным, с золотыми прожилками, над головой красиво перемигивались лиловым, оранжевым и белым Искры.

— Че?!

— Тихо, тихо. Кинжал-то убери.

Зоэ подняла руки. Она была одета по-мальчишески: вместо платья или юбки с рубахой

штаны, и вообще, если бы не длинные волосы, Иванка признала бы в ней скорее парня.

— Айнар тебе рассказывал про город Орон?

— Ну, — промычала коровой Иванка, злясь на себя же за тупость. — И чего?

— Ничего, — передразнила в тон ей Зоэ. — Ох, боги, Гарат меня предупредила, что с тобой будет сложно, и все-таки... Итак! Давай начнем сначала. Только не посреди улицы. Здесь неподалеку... — она замялась. — Вроде была таверна. Пойми, я тоже не знаток столицы. Всю жизнь прожила в Ороне. Гарат меня подготовила помочь тебе — вернее, Айнару, но и тебе тоже, но...

— Ты много болтаешь.

— Верно, — неожиданного легко согласилась Зоэ Кейпер. — Поэтому и зову в таверну.

Отдохнем, выпьем, поужинаем, заночуем.

— Мне нужно спасти...

— Айнара Венегаса. Гасителя, — последнее слово она выговорила шепотом. — Я знаю.

А теперь — прекрати тупить и пойдём.

За ними в очередной раз увязалась шавка. Иванка ее уже не прогоняла, а когда Зоэ покосилась на собачонку, объявила:

— Это Курица, — кличка в честь начинки пирога казалась вполне уместной. — Она пойдет с нами.

— Конечно, — согласилась Зоэ. — Гарат тоже говорила, что эти твари крайне важны.

Иванка моргнула:

— Ты мне все-таки расскажи...

— Не посреди улицы! — повторила Зоэ и схватила спутницу за руку. Им пришлось пробираться сквозь толпу, причем, на сей раз никто из двоих не обладал ростом и габаритами здоровяка-тесхенца, чтобы люди держались подальше просто на всякий случай. Их норовили пихнуть, шикнуть — «кыш, пигалицы», кто-то похабно присвистывал или пытался схватить Иванку за юбку. Она ругалась и шипела, заодно думая, что штаны Зоэ — хорошая идея. Просто замечательная.

Зоэ была по-городскому юркой: конечно, Орон — не столица, но и не деревня, где вряд ли на улице столкнешься с кем-то. Она в узких улочках между задом лошади и припорошенной розовым стеной, отдавливала кому-то ногу, пихала локтем в толстый бок медлительного типа. Иванка сначала путалась и отставала, и та снова хватала ее за руку, а потом стало проще, оказывается — можно пихаться и толкаться, даже без всякого «извините».

— Вот, сюда пойдём, — объявила Зоэ.

Таверна называлась «Зеленый фазан». Иванка точно знала, что фазанов зеленых не бывает, разве — дикие Искры в лесу Цатхан; она, когда пасла коров на границе со сплошной древней стеной, видала всякое. Может, и фазанов. Зеленых. В синюю крапинку.

В Малых Ручейках сказали бы: плохая примета называть таверну в честь видений диких Искр, но Малым Ручейкам, со злой циничностью подумала Иванка, это не помогло. Она все равно шмыгнула носом. Зоэ обернулась:

— Чего такое?

— Ничего, — буркнула Иванка.

В «Зеленом фазане» к двум девицам прилипла сразу дюжина сальных взглядов. Пьяный тип, судя по татуировкам и одежде, матрос-солдат, попытался схватить Иванку. Зоэ ударила его по руке.

— Ээй... ты че злая такая! Подружка... развлечься хочет!

За столом с ним сидел другой, краснорожий, непонятного происхождения и профессии. Он почему-то скривился и зашептал на ухо приятелю. Тот мигом как-то подтянулся, словно гуся хворостиной отхлестали. Иванка фыркнула.

— За мной, — скомандовала Зоэ. Хозяин таверны разговаривал — костерил на все корки, судя по доносившимся звукам, — пару служанок и мальчишку-посыльного или поваренка. Одновременно он профессионально следил за посетителями. Хозяин был рыжим, как большинство глеорцев, но с темными глазами, довольно неприметный, если бы не фартук, Иванка приняла бы за очередного посетителя, а их тут хватало.

— Не очень-то зыркай по сторонам, — меланхолично сказала Зоэ. Она села за дальний стол, самый маленький, в темном углу. Иванка принялась: пахло пролитым пивом. Доски оказались липкими. Впрочем, она слишком устала, чтобы привередничать.

— Как ты тех отвадила?

— Я Кейпер, — так же меланхолично сообщила она. — Собственно, в этом и наш план — по поводу того, как...

Она замолкла, потому что подошел мальчишка.

— По тарелке самого съедобного и...

— Морс. Ежевичный, — вставила Иванка.

— Ежевичное пиво, — уточнила Зоэ.

Мальчишка кивнул. Иванка наконец-то осмотрелась — она никогда не была в настоящих тавернах или трактирах. Это место напоминало огромный дом с кучей маленьких Искр-«свечей», большим очагом, возле которого сидел старик и пил из глиняной кружки пиво. Столы казались раскиданы хаотично, стены украшены головами зверья — в том числе Иванка заметила и зеленого фазана, о котором сообщала вывеска, чучело птицы свешивалось прямо с потолка и казалось живым из-за подсветки-Искры в пузе. Жутковатое зрелище. Камень, розовый снаружи, внутри был подернут неприятной пленкой сырости, пахло от него пересошей грязью. Даже ароматы мяса, пива, лука и трав не могли перебить эту вонь.

Принесли еду. Это было рагу с репой, картофелем и бобами, мяса в нем оказалось не так уж много — и то в основном пленки. Иванка морщилась, пробуя варево на вкус. Все-таки в деревне еда лучше. Она похлебала немного, решила, что не настолько голодная, и стоило подумать об этом, как из-под стола высунулась морда знакомой псины.

— Смотри, увязалась, — Иванка хмыкнула. Зоэ посмотрела на Курицу.

— Гарат говорила, они связаны с Искрами. Дикие обычно в виде волков...

— Не только, — перебила Иванка. Она потихоньку спустила миску под стол, откуда раздалось довольное чавканье. — Еще птицы бывают и разные странные твари.

— Да, но чаще всего волки. А собаки — это здешние, прирученные. Они вроде как отражение настоящих Искр, понимаешь? Дикие Искры — это волки, обычные — собаки.

— Курица никакая не Искра.

— Физическое воплощение, — Зоэ подняла палец с умным видом. — Но неважно. Нам вообще-то надо думать, как Айнара спасти, или ты уже решила плюнуть на это дело?

— Ничего я не решила. Только понятия не имею, что делать. Кого из смертных пустят в Пылающий Шпиль.

Зоэ отставила свою тарелку, сделала большой глоток пива с видом опытного человека. У нее заблестели в рыжеватых отблесках «свечей» бесцветные глаза.

— Светочи — живые. Они из плоти и крови. Они едят, пьют, пользуются сортиром...

— Нет.

Иванка перебила новую знакомую и даже закрыла глаза и уши. Перед глазами висел образ женщины с цветными глазами и волосами — каждое мгновение новый оттенок. Она не могла быть живой. Она не могла, ну там, пить пиво или мочиться в кустах.

— Живые, — повторила Зоэ. — И, хотя у них столько магии, что лопнуть можно, прислуга в Пылающем Шпиле тоже работает. Самая обычная прислуга. Из простых смертных. Как ты и я.

Иванка проглотила кусок хлеба и запила ежевичным пивом, которое было кислым и разбавленным одновременно.

— Ну предположим, — она передернула плечами, словно от озноба. — И кто нас туда возьмет?

Зоэ ухмыльнулась.

— Я Зоэ Кейпер. Мои... родственнички, так скажем, работали со Светочами много лет. Фран и Удо Кейперы, бургомистр и его двоюродный брат в Ороне. Оба — говнюки, каких поискать.

— Там Айнар убил...

— Тсс, — Зоэ приложила указательный палец. — Вот. У меня бумага, она датирована первым зимним месяцем. Прощение взять меня в Шпиль... здесь написано «служанкой», но на самом деле, скорее всего именно что придется сортиры чистить. Наверняка, даже без особой магии.

— А я?

— Дописала и тебя.

Иванка покосилась на бумагу. Выглядела та солидно, с гербом и печатями, и букв было много, все мелкие и убористые. Признаться Зоэ, что не умеет читать, почему-то показалось стыдным. Вот Айнару сразу сказала и честно, а этой всезнайке хотелось подлить в пиво выжимки горьких «козых ягод», — от них не умрешь, зато живот скрутит так, что неделю в кустах с лопухами просидишь. Конечно, она не стала бы этого делать. Если эта противная девица могла помочь вытащить Айнара из застенков Пылающего Шпиля — пусть уж себе умничает.

А может, все дело было в том, что козых ягод с собой у Иванки не завалилось.

— Ладно, тогда пойдем в Шпиль...

— Не так быстро, — снова осадила ее Зоэ Кейпер. — Сначала надо подготовиться. В смысле: ну явемся мы туда, а дальше? Думаешь, пустят в пыточные или где они там его держат?

— Да говори ты уже все, — буркнула Иванка.

— Нужен тот, кто поможет.

Она обернулась по сторонам, явно кого-то высматривая. Курица высунулась: похлебку она успела сожрать, а теперь претендовала на добавку. На сей раз шавке не повезло — ее ткнули тяжелым сапогом с большой пряжкой, а подняв голову, Иванка увидела парня примерно возраста Айнара или чуть постарше, только невысокого, тощего, с торчащей бородкой темно-рыжего цвета. Парень напоминал лисицу — от зеленых глаз и рыжих волос и до хитрющей улыбки.

— Приятного вечера прекрасным дамам, — сказал он.

— А, — Зоэ демонстративно закатила глаза. — Значит, это ты Виктор Гофт.

— К вашим услугам, прекрасные леди, — парень встал и поклонился, привлекая

взгляды посетителей. Иванка сжалась: еще не хватало неприятностей. Но все взгляды мгновенно отползли прочь, словно парень отталкивал их.

— Виктор, — пояснила Зоэ. — Один из тех, кто верует в Гасителей. Короче...

— Мы предпочитаем говорить, что мы за изменения, — вставил тот вкрадчивым тоном.

Иванка вдохнула и выдохнула. У нее бы сейчас получилось в лучшем случае — «че?».

«Виктор».

«Так звали моего брата».

Это было популярное имя, но ее все равно слегка передернуло.

— Изменение. Гарат вам не рассказывала...

— Я не знаю никакую Гарат, — перебила Иванка. На самом деле, Айнар упоминал это имя, Зоэ — тоже, но она-то понятия не имела, что это за женщина, какое имеет отношение ко всему происходящему. «Слишком много вокруг Айнара женщин», — подумала она с почти отстраненной обидой, фыркнула на себя же — ну и они помогают. Из-под стола, снова требуя чего-нибудь вкусного, высунулась ненасытная Курица. Иванка кинула псине хлебную корку.

— Вы уже сняли комнату? — светским тоном осведомился Виктор. — Надеюсь, что нет, потому что ночевать здесь вам сегодня не придется.

— Это еще почему?

— Пойдете со мной. Там все объясню, — Виктор широко улыбнулся. — Вы, должно быть, Иванка Грун. Наслышан, наслышан, как же...

— Откуда?

Иванка вытаращилась на типа с бородкой. Зоэ жевала хлебные шарики с луковой подливой, потягивала из слишком большой для маленькой белесой девицы кружки кислое ягодное пиво. Оба определенно насмехались над Иванкой: вот хотя бы этот Виктор Тофт, похожий на забравшегося в курятник лиса, он-то ее откуда знает? Иванка — обычная девчонка из обычной деревни, хотя...

— Ты знаешь, что случилось Малыми Ручейками?

— И с Ороном тоже. И кто подослал убийц к Айнару. Кстати, Зоэ, это были твои родственнички.

— Очень на них похоже, — хмыкнула та, пожав плечами.

— Они пытались замять дело. Уничтожение... одного из этих.

«Светоча», — едва не уточнила Иванка, но вовремя прикусила язык. Виктор, словно не заметив ее жеста — открыть и закрыть рот, тихонько ойкнуть, — продолжал:

— Навлекло на себя гнев. Впрочем, они пока живы, даже «эти» ценят лояльных себе простых смертных.

— Включая бургомистров. Мой «отец» приручал Гарат, обещал ей позволить лечить людей.

— Тсс.

Виктор приложил палец к губам.

— Продолжим не здесь. Я вам помогу попасть туда, — выразительный взгляд вверх, над головой как раз блестела «свечка»; эта Искра была старой и грозила погаснуть в любой момент. Она отбрасывала тусклые прозрачные тени на покрытые розовым налетом сыроватые камни. — Но не только ради него. Ради перемен и всеобщего блага.

Он начертил ногтем на столе какой-то знак: следов не осталось, ноготь был коротко стриженный, хотя и грязноватый, а дерево прочным. Иванка заметила само движение и

попробовала повторить его. Будто, не отрываясь, начали рисовать костер, в последний момент передумали и зачеркнули.

Когда она подняла взгляд, Виктор уже исчез.

— Не волнуйся, я знаю, куда нам надо, — сообщила Зоэ. — Они давно этим занимаются. Гарат не одна, да и планировала все это годы и годы, насколько я поняла, они ждали, когда же появится такой, как Айнар. Но тот был простым рабом, добывал уголь и железо в шахте, потом его погнали на войну с Воосой, заперли гребцом в трюме. Он едва не погиб при кораблекрушении. А дальше я не знаю.

Зоэ пожала плечами.

— Это неправильно, — сказала Иванка. — Он знает столько вещей... как будто...

— Не из нашего мира? — ухмыльнулась Зоэ.

— Так он все-таки...

— Нет. Не из этих. Не связан с магией вовсе, — Зоэ потерла переносицу. — В общем, давай к Переменным, они так себя называют, дурацкое название, по-моему. Ты сыта?

— Я — да.

Курица снова высунулась, вывалила розовый язык, показывая, что вот она бы еще от угощения не отказалась.

— Тогда поднялись и идем дальше.

Иванка вздохнула. Она устала, хотела отдохнуть и надеялась, что после ужина поднимутся на второй этаж. Комнаты в тавернах, вроде этого «Зеленого фазана» паршивые, вместо нормальных кроватей — две доски и солома, но это лучше, чем просто солома на улице. И лучше, чем голая земля.

Хотя с Айнаром ей было неплохо.

Признаваться самоуверенной Зоэ Кейпер, мол, у меня ноги отваливаются от усталости и спать хочу Иванке не позволяла гордость. В конце концов, эта городская из Орона и без того много о себе возомнила. Родственница бургомистра, богатейская штучка.

Пф.

Зато ее Айнар не учил делать водяные тараны и другие интересные штуки.

Иванка спохватилась и проверила. Чертеж оказался на месте. Еще не хватало его потерять.

— Осторожней, — Зоэ проследила за этим жестом. — Нельзя, чтобы это кто-нибудь увидел, кроме Переменных.

— Им я тоже не покажу, — очередное «откуда ты» повисло на кончике языка. Иванка проглотила его, как горький кусок капустной кочерыжки.

— Покажешь. Одиночка ничего не может, — Зоэ как-то очень печально улыбнулась. В полумраке она казалась взрослой, лет тридцать, не меньше, хотя при свете дня, — всего на пару лет старше самой Иванки. — Айнар уже в этом убедился. Несколько раз. Да и ты... разве нет? То, что случилось с твоей деревней, разве не достаточное доказательство?

Иванка вскочила.

Ее рука уже взметнулась в воздухе. Зоэ перехватила запястье за секунду до того, как пальцы ударили бы пощечиной, а то и полноценным тычком в челюсть.

— Как ты смеешь, — начала Иванка.

Зоэ приложила палец к губам.

— Не шуми. Я не враг тебе, и я знаю, что с тобой случилось. Мне правда, правда очень жаль, твой отец с матерью, братья и сестра не заслужили, но мы здесь именно для того,

чтобы все прекратить. Айнар вызвал гнев Светочей еще раньше, но он не мог поступить иначе. Если угодно, это его предназначение, его Искра души.

— Искр души не существует.

Иванка все же села на место. Ее колотило, пришлось тереть пот со лба тыльной стороной ладони. Испарина была холодной.

— Искры души это выдумка.

— Потому что Светочи так говорят? Потому что Искры души якобы есть в каждом, а они не хотят допустить и мысли о чем-то подобном? Ладно, подумаешь после, пока — Виктор же сказал, будет нас ждать...

Зоя поднялась. Она оставила пару монет — вроде целый гхэ суммарно, Иванка невольно вздернула взгляд, это же цыпленка купить можно, — и скользнула сквозь порядком набравшуюся в таверне толпу. «Фазан» оказался довольно популярным местом.

Собачонка по кличке Курица засемила следом.

Виктор уже стоял на улице и курил трубку. Иванка пригляделась: трубка без Искры, это еще что за чудо. Словно поймав ее взгляд, Виктор Тофт щелкнул чем-то, что породило маленький огонек.

Зоэ улыбнулась.

— Вижу, изобретение Айнара уже пошло в дело.

— Оно существовало и раньше. В отличие от водного тарана, — Виктор посмотрел на грудь Иванки, словно любуясь грязным платьем и откровенно плоским содержимым за грубой тканью. Та прижала руки к груди.

— Покажешь не здесь, — велела Зоэ.

Иванка почему-то передумала возражать. Ноги гудели, голову будто наполнили горячим отваром корня таума, того, что успокаивает, в отличие от иммара, — и она согласилась бы идти даже в Пылающий Шпиль, пообещай там хорошенько выспаться. Вокруг же царил темнота, навалившаяся на Могро очень быстро, словно все эти высокие дома, тесные улочки, розоватый камень и бесконечные люди высосали все солнце, оставили только сухую прохладу и канавную вонь.

— За мной, — скомандовал Виктор, затянувшись и выпустив дым. Он курил корень иммар с какими-то сладковатыми добавками. — Не бойтесь, госпожа Грун, все будет хорошо.

— А я и не боюсь.

Виктор, который уже ускорил шаг, обернулся.

— Похвальная смелость. Я передам ваши слова Переменным — многим из нас понадобилась бы ваша уверенность.

Зоэ почему-то снова фыркнула и взяла Иванку за руку. Рядом с ними трусила Курица.

В какой-то момент Виктор обернулся по сторонам — на расстоянии пары сотен футов маячили две фигуры, от них доносился шум, громкое женское хихиканье и мужской голос, который призывал «не ломаться», — а потом открыл дверь случайного дома, куда и скользнул. Зоэ следом, Иванка едва не задержалась — «а, что, куда», ее ткнула в лодыжку мокрым носом Курица. Редкие звезды над головой и фонари-Искры померкли. Они очутились в полной темноте.

— За мной, красотки, — провозгласил бодрым тоном Виктор, пока Иванка принюхивалась к ароматам погребца — грибным, влажным. Плесень и поганки, немного мха, застоявшаяся грунтовая вода. Темноту разредил факел — горячий, огненный, без следа магической Искры. Виктор уже спускался куда-то еще, в погреб или подпол, и Зоэ следовала за ним.

Иванка схватила поперек туловища Курицу. Собака была грязная, наверняка, блохастая, воняло от нее немытой псиной аж до тошноты, но Иванка все равно как-то уже успела привязаться к этой продажной — за пирог и похлебку, — шкуре. Поэтому спускалась, зажав шавку подмышкой, благо, лестница оказалась не слишком крутой и страшной, ну то есть, в ее доме тоже такая была.

И в подобном подполе Иванка спряталась от Светоча, когда та сжигала деревню Малые Ручейки.

Это сходство откликалось тошнотой и ломотой в груди. А может, просто слишком

воняла беспризорная псина.

— Не бойтесь, дальше будет легче, — ободрил Виктор.

Он не солгал, подземелье действительно оказалось почти приятным — даже на фоне равнодушного к чужим бедам Могро. Иванка отпустила Курицу, и та немедленно пометила сырую утоптанную землю и каменную кишку прохода. Виктор шел впереди с факелом — освещения хватало. Живой огонь еще и согревал, в отличие от Искры-«свечки».

— Здесь выход в катакомбы Могро. Коллекторы, — уточнил Виктор. Иванка подозрительно приняхалась. От «лиса» не укрылся этот жест, и он засмеялся:

— Да, придется немного потерпеть дурные запахи, но что поделать. Впрочем, ты же из крестьянской семьи? Наверняка, приходилось и навоз выгребать, и многое другое.

Иванка только фыркнула: мол, это другое. Навоз от собственных коров, который шел на удобрение собственного же поля или овощей ничем неприятным не пах. В отличие от резкого, до слез из глаз, смрада, в который они буквально вывалились за следующим же поворотом. Одно порадовало: Зоэ зажала нос, и если бы не темнота, Иванка поклялась бы: позеленела.

Городская богатая девчонка.

Катакомбы поднимались выше домов, ну или это они спустились на много футов, глубже, чем сама Иванка, когда запускала водяной таран колодца. Она что-то слышала про коллекторы Могро — древние и якобы выстроенные Светочами на заре времен, но сейчас просто старалась идти по пятам Виктора, который вилял по узким каменным выступам между реками нечистот, старыми заржавевшими решетками. То и дело от света прыскали в разные стороны стаи огромных крыс и блестящих хитином жуков в почти палец величиной.

— Сюда, почти пришли, — бодрился и ободрял спутниц Виктор. Зоэ периодически останавливалась, пытаясь вдохнуть — и убеждаясь, что это была плохая идея. Курица поймала крупную крысу. Ее единственную вонь не беспокоила. В конце концов, выделения человеческих и не только человеческих тел, гниль, плесень, протухшая плоть — всего лишь обычные запахи. Резкие, но естественные.

Виктор нашарил в темноте крюк, вмонтированный прямо в камень, дернул его. Открылась каменная дверь-портал.

— Здесь безопасно, — пообещал Виктор, а потом, подумав, добавил. — И не так уж воняет. На самом деле, почти не чувствуется никаких запахов.

Для Зоэ Кейпер это оказалось решающим моментом. Она буквально ринулась в полутемный портал. Иванка переглянулась с Виктором и Курицей по очереди, прежде чем последовать за ней, куда бы ни вел этот очередной путь. Слишком их много сегодня, вздыхала про себя Иванка. Ноги того гляди просто возьмут и вывалятся, да еще и разобьются, словно пара плохих глиняных кувшинов, что на выработанной свечке-Искре крутили.

Но на сей раз каменная кишка быстро закончилась просторным залом. В стене горел очаг, пахло смолой и чем-то горьким. Иванка проследила — от очага вела вверх железная труба, достаточно широкая, чтобы в нее поместился взрослый человек.

— Это вытяжка, — снисходительно пояснил Виктор, но Иванка и не думала задавать вопросы, осматривалась дальше. Зал здорово напоминал таверну — или церковь, где возносят молитвы Светочам: каменное возвышение у одной стены, длинные лавки расставлены так, чтобы сидящие смотрели на это возвышение. Иванка догадалась: кто-нибудь выходит вон туда, а остальные слушают. Или не слушают. Людей было немного, сходу — человек десять, а зал большой, и лавки смотрелись куце и вяло, как грядка без

полива и без Искры жизни.

Все носили черные плащи с капюшонами. По мнению Иванки, выбор одежды крайне дурацкий: вот если ты просто идешь по улице в своем обычном тряпье, разве кто-то на тебя обратит внимание? А на плащи с капюшонами оставалось только нацепить сверху табличку «я заговорщик», да и то — вряд ли все стражники умели читать, так что зловещих нарядов хватало сполна.

Виктор шел прямо к возвышению. Иванка села на край одной из больших пустых скамей, Курица спряталась под ней же. Зоэ обернулась, то ли чтобы проверить, на месте ли она, то ли позвать, но в итоге плюхнулась рядом.

— Это не очень-то похоже на штаб революционеров, — сказала Зоэ.

— Ага, — не очень уверенно отозвалась Иванка, потому что в смысле слова «революционер» сомневалась. Это какой-то суп? Или болезнь?

«Лучше бы суп, а если болезнь, то незаразная, вот как нервная почесуха», — решила она.

Зоэ закатила глаза:

— Революционеры — это которые хотят изменить порядок. Вот твой Айнар — он самый и есть.

— Он не мой, — у Иванки, несмотря на сырую прохладу, вспыхнули уши. И щеки.

Зоэ противно хихикнула.

— Ну не твой. Зато он сделал водяной таран, а потом из-за этого сожгли всю деревню, а в Ороне убил Светоча, который его и Гарат хотел казнить, кажется, за пару мазей из корня таума и подобную чушь... да ладно, ты Виктора слушай. Он лучше объясняет.

Рыжий «лис» уже забрался на возвышение. Типы в плащах с капюшонами смотрели в его сторону, один даже перестал жевать кусок хлеба — судя по запаху, со слегка обжаренным салом. Курица еще к нему подбежала, умильно повиляла хвостом, но получила отлуп.

— ...в наших силах изменить существующий тысячелетний порядок. Нас пытаются в застенках, нас казнят на площади, нас сжигают заживо, — Виктор уже давно распинался про борьбу против Светочей, Иванка его слушала вполуха; она ужасно устала и клонило в сон. Подбросило и выкинуло из дремоты, когда «лис» сказал это «сжигают заживо».

Иванка выпрямилась:

— Ты ничего не знаешь. Ты не можешь говорить.

— Стой...

Зоэ попыталась схватить ее за руку, но Иванка была сильнее худосочной бледной девицы, пускай и замаскированной под мальчишку, и она высвободилась рывком, поднялась к Виктору и ткнула его пальцем в грудь.

— Тебя сжигали заживо? Да что ты вообще знаешь! Эта... Светоч, у нее глаза меняли цвет. И волосы. И она говорила с отцом, как будто книжку какую читала, знаешь, такую старую и умную. Ты вон сейчас пытался, но тебе до нее, как Курице — до диких Искр!

Словно в подтверждение шавка громко тьякнула. Среди плащей-капюшонов поднялся ропот, Виктор поднял руку и заставил всех замолчать. Иванка едва замечала это:

— Она все говорила... про Гасителя. Допрашивала. А я сбежала, потому что мне стало страшно, хотела вытащить Томмеку, хотя бы ее. Не смогла. Я пряталась, а они горели. Потом валялся череп, почти как целый, только хрупкий. Наступишь — развалится, потому что пепел. Маленький такой череп... И моего брата тоже звали Виктором. От него даже черепа и

пепла не осталось.

Она всхлипнула и тут же разревелась, словно кто-то держал слезы под замке, в темнице, а теперь распахнул двери настезь. Она рыдала точно так же с Айнаром, но тогда никто другой не видел и не слышал. Айнара хотелось убить — он во всем виноват. Айнар казался единственным близким человеком. Здесь все чужие, нельзя показывать чужим слабость и слезы.

Иванка заставила себя прекратить. Она шмыгнула распухшим носом, Виктор протянул довольно чистый платок с легкой улыбкой, за которую хотелось ему тоже нос сделать красным, только от хорошего удара.

— Мою семью заточили в подвалах Пылающего Шпиля, когда мне было пять, — мягко произнес Виктор. — Вы все, — он чуть повысил голос, потому что капюшоны зашевелились, кто-то скинул свой и пытался вставить слово, два, двадцать. — Знаете эту историю. — Я так никогда и не узнал, что с ними случилось и как именно они закончили свои дни. А еще знаешь что? Светочи отправили меня в свой приют. Якобы покровительствуют, помогают сироткам. И я был на хорошем счету, они даже хотели сделать меня Факелом...

— Нести свет чужакам?

— Именно. Но я сбежал, потому что узнал о том, что сделали с моей семьей. Впрочем, я все еще могу проникнуть в Пылающий Шпиль и договориться, чтобы провели туда вас. Светочи не запоминают простых смертных, зато каждый, кто работает в Пылающем Шпиле ненавидит своих хозяев. Мои знакомые с радостью помогут.

— Ври больше, — снова фыркнула Иванка. — Светочи проверяют всех на лояльность.

— Не так уж проверяют, — Виктор потрепал ее по плечу, и она заметила — пальцы тонкие, деликатные, с незагрубелой кожей. Ничего общего с покрытыми шрамами и мозолями лапами Айнара.

— К тому же у меня есть письма, — напомнила со своего места Зоэ. Она щелкала кремниевой штукой, какую показывал Айнар и Иванке. Остальные оглядывались, благоговейно показывали пальцами.

— Без Техника все равно ничего не получится, так говорит Доктор, Гарат Ашшала, — добавила Зоэ. Теперь все смотрели только на нее, даже огонь из очага будто бы потянулся в сторону бледнокожей девицы в мужской одежде. Стоило ей упомянуть «Техника» и «Доктора», поднялись шепотки. Так отец с друзьями начинали бормотать про плохой урожай или про то, что возле кромки леса Цатхан снова появились призраки Искр, или что в сам лес забрела корова, а теперь как ее искать, а никак уже не искать, попрощайся со своей коровой.

— Это дал мне Техник.

Зоэ снова щелкнула кремниевой зажигалкой. Рисовалась, раздраженно подумала про нее Иванка. Подумаешь. Чтобы такую штуку сделать толком и ничего не надо — камень да железяка специальная. Айнар и ей показывал такой же фокус.

— А у меня зато есть водяной таран, — буркнула Иванка. — В смысле, рисунок. Чертеж, — она наморщила лоб и вспомнила слово. Айнар нарисовал чертеж так, чтобы могла понять даже неграмотная девчонка, ну и не особенно ее опередившие деревенский кузнец и остальные. Иванка прикусила язык: она ведь не собиралась никому ни показывать, ни тем более, отдавать драгоценность.

Поздно.

Затихли все, только Курица все скулила, выпрашивая у поедающего сэндвич кусок сала.

— Тебе лучше оставить чертеж здесь, — Виктор положил ей руку на плечо. Иванка его скинула и оскалилась.

— Вот еще.

— Ты ведь не пойдешь с ним в Пылающий Шпиль.

Иванка засопела.

— Мы друзья. Гарат Ашшала — та, кто встретила Айнара в этом мире. Мы работаем с ней уже много лет.

— А я — ее ученица, — поддакнула Зоэ. — Так что не дури, отдай ему чертеж. Мы отдохнем и утром пойдем спасать этого умника. Второй раз, между прочим. Я ему помогла выбраться из каменной ямы в Ороне, но сейчас он умудрился встрять еще круче...

Иванка медлила, кусая губы. Она все пыталась заглянуть под капюшоны, в полутемной зале это было непросто сделать, и все равно — рассматривала. Лица как лица. Вон тот прям вылитый сосед Гунтрам — от его дома тоже остались одни лишь угли, Иванка прикусила губу, чтобы не думать об этом и не реветь снова. А та похожа на тетку Ошонну, а вон еще там — вылитый дядя Томас.

— Ладно.

Она достала из-за пазухи помятую бумагу. В небольшой толпе поднялся гул:

— Священный артефакт!

— Дар Техника!

— Путь к цивилизации!

«Чего», — но слово «цивилизация» говорил и сам Айнар. Она даже поняла его, это чтобы вместо Искр — простые машины, создать которые сможет любой, никаких Искр не надо, только руки из правильного места и голова — тоже там, где ей надлежит расти.

Иванка расслабилась.

— Смотрите, не испортите.

Виктор ее снова потянулся было трепать по плечу, но вовремя убрал руку. Молодец, быстро учится. Иванка чмокнула, подзывая Курицу.

— А теперь я хочу спать.

Им выделили маленькую комнату — вместо кроватей спальные мешки, если надо справить нужду — вон там за углом перегородка и дырка, зато вода в тазу свежая. Очага здесь не было, но откуда-то сверху и из чуть влажноватых стен шел теплый воздух. Иванка спросила: чего это такое, Зоэ объяснила про отвод тепла от очага.

— Откуда вы это знаете? — удивилась тогда Иванка. — В смысле, Техник...

— Кто тебе сказал, что он первый «Техник»?

Зоэ села по-тесхенски: сложила ноги вместе, прислонилась спиной к теплой стене. Иванка последовала ее примеру, хотя в юбке было не очень удобно. Штаны практичнее. Надо раздобыть себе штаны.

Курица попыталась было залезть в мешок, пришлось блохастую шавку оттуда выгонять.

— Ну, я думала...

— Поэтому в них и верят, Виктор и остальные. Они предсказаны давным-давно. Доктор, Техник и... — Зоэ почему-то помялась. — Математик. Или Философ? Гарат как-то не очень упоминала про третьего. Ну, или четвертого, это я тоже не совсем поняла. Тут какая-то мутная история, и мне кажется, если все получится, если вытащим Айнара...

— Когда.

Иванка перебила с вызовом. Она повторила, хмурясь и думая о том, что Зоэ все равно ее бесит, слишком она умничает. Будто все на свете выучила, будто ее маленький кремень — это ключ к целому миру, все Искры и магия-без-Искр вместе взятая.

«Я отдала чертеж водного тарана».

Иванка вздохнула, думая об этом. Ей стоило подыскать лучшего хранителя, а может и нет, эти Переменные относились к Айнару и его выдумкам, словно к проповедям Светочей.

— Когда, — повторила она. — Когда вытащим.

— Ну да, конечно. Так вот, наверняка, придется связываться еще и с третьим-четвертым. Математик. Философ. Кем бы он ни был, и я понятия не имею, а Гарат молчит. Ладно, сейчас не до него, зато впервые собрались все трое, есть надежда и прямо над головой веет ветер перемен, как выразился бы Виктор. Хотя...

Зоэ вздохнула.

— Прежние долго не жили. Гарат говорила, что и остальные тоже. Ей как Доктору удалось продержаться лет десять, но культ Переменных существует гораздо дольше. Гарат говорит, что это не визитеры из других миров его создали, он сам зародился. «Естественное сопротивление гегемонии магической меритократии и деспотизма правящих структур», — последнее она выговорила с чуть стеклянными глазами. Иванка не поняла ни слова, но и Зоэ, похоже, немногим больше — это немного утешало.

— С чего ты вообще доверяешь этой Гарат?

«Кем бы она ни была».

— Она была с Айнаром. Она бесплатно лечила людей Орона — тех, кто не мог купить себе Искру, просто приходила в дом и возвращала больных к жизни. Достаточно?

Иванка замялась.

— Пожалуй.

Она забралась в мешок.

— Нам завтра рано вставать. И идти к Светочам.

— Надеюсь, они не прочитают наши мысли.

Зоэ фыркнула.

— Поверь, они не тратят свои силы на такую ерунду. У них в руках Гаситель, так что все остальное не имеет значения.

Иванка покругилась под одеялом. В темноте горела одинокая свеча — маленькая полумертвая Искра, словно уступка прежнему порядку со стороны Переменных.

— Они его не убьют?

— Не думаю. Они заинтересованы.

Иванка поняла, что Зоэ ее успокаивает. Стало еще хуже, когда та подползла гусеницей в спальном мешке и попыталась погладить по плечу, в точности, как это делал Виктор. Очень кстати между девушками влезла Курица, так что пальцы Зоэ наткнулись на плешистую и изрядно воняющую собачью задницу. Зоэ шикнула — «пшла отсюда!». Иванка немного злорадно ухмыльнулась: так тебе и надо!

«Она меня успокаивает».

«Тьманник знает, почему».

«Они убьют Айнара — вот, что они сделают. Наверняка, не сразу — говорят, Светочи почти никогда не убивают быстро, пыточные залы под Пылающим Шпилем тянутся на мили в глубину, и никто не в силах перечислить все кошмары, ждущие там узника...»

Где она это слышала? Отец точно не рассказывал бы такие вещи. Может, от Джейкоба

— сына дяди Томаса. Точно, он любил всякие страшные истории. Про Светочей всегда говорили со смесью благоговения, восхищения и ужаса. Айнар бы сказал, что это дикость и... «не цивилизация».

Да, именно так. Не одна Зоэ знала умные слова.

«Надеюсь, Джейкоб жив. Дядя Томас далеко живет, может, его и не задело».

Иванка протяжно вздохнула.

— Ты не спишь? — она сама обернулась к Зоэ.

— Нет.

— Какой у нас план? Ну попадем мы какими-нибудь... поломойками в этот Пылающий Шпиль, а потом? Поломоек вряд ли пускают в пыточные камеры.

Зоэ все-таки потрепала ее по плечу. Иванка скрежетнула зубами.

— Виктор говорит, у него там много знакомых — среди простых смертных, конечно. Они не часть Переменных, и скорее всего, даже ничего не знают о революционерах, но готовы помочь. Просто потому что все ненавидят Светочей, кто знакомы с ними слишком близко.

— Свет ослепляет. Огонь обжигает, — вырвалось у Иванки.

Так говорили Светочи о себе. Они не требовали безусловной любви. Свет просто существует — вы нуждаетесь в нем, от леса Цатхан до последнего колоска красной пшеницы. Свету не нужно ни поклонение, ни восхищение. Свет ослепит тебя, если смотреть чересчур долго. Огонь превратит пальцы в пузыри, мокнущее и вонючее мясо, а потом в кость.

В хрупкий череп, на который так страшно наступить.

Иванка застонала и нырнула в спальный мешок. Ее слегка затошнило — можно было обвинить еду в «Зеленом фазане», но прошло многовато времени.

— Ладно, — сказала она, поборов приступ. Сердце колотилось в висках и животе. — Давай спать.

Утро в Могро выдалось холодным. Иванка стучала зубами, но все-таки не отказалась от возможности помыться, пускай и под ледяной водой. Дома Искру тоже тратили далеко не всегда, экономили, мол, не застудишься. В полумраке вода из умывальника стекала по камням в щель. Иванка думала: получится ли у них, сумеют ли правда пробраться — подумать только, в Пылающий Шпиль. Все равно, что ногами на небо залезть.

Поэтому и страшно-то не было. Нереально настолько, что в голове само собой раскладывалось на «ну вот сейчас помыться», потом «растолкать Зоэ, а то эта избалованная неженка до сих пор дрыхнет». Позавтракать бы. Горячий отвар иммара с пшенной кашей и кусочками творожного сыра.

Ах да, она больше не дома. Коров не доила, сыра взять некуда. Коровы стали пеплом.

Иванка вытирала волосы чуть пыльной, но относительно чистой на вид тряпкой с таким остервенением, будто надеялась смыть, стереть и память о Малых Ручейках.

Зоэ проснулась сама, на завтрак Виктор принес незнакомый травяной отвар — горячий и ладно, хлеб, ветчину. Курица выпросила свой кусок, Виктор покосился на нее:

— Собаку с собой нельзя.

— Да уж догадалась, — Иванка подняла взгляд на «лиса». — Ты о ней позаботься, ладно? Не знаю, почему, но какая-то она...

Иванка пожала плечами.

«Особенная?»

Шавка как шавка. Дома таких даже особо не кормили, кидали объедки, ну и пусть сами, мол, крыс ловят. Здесь крысы тоже водились, Иванка помет заметила, но с Курицей было что-то еще.

— Она связана с магией Светочей, — сказала вдруг Зоэ. — Другие псы тоже, эта — сильнее.

Виктор присмотрелся.

— Да, пожалуй. Я слышал об этом в приюте. Легенды, конечно...

— Вот и вперед.

Виктор очень мило улыбнулся. Иванка фыркнула.

Спустя еще полчаса они получали инструкции: прошение Зоэ подано, оформлено. «Скорее всего, никто из Светочей его в глаза не видел, им наплевать», — пояснил тут Виктор. Иванку обозвали Йоанной — похоже и если собьешься, то ничего страшного. «Не пытайся «вести себя естественно», потому что у тебя способности к притворству, как у ежа», — объявила Зоэ. Они с Виктором смотрели на нее, словно обозначая: помеха. Если не все испортит, то станет проблемой. Дурища деревенская.

Словно услышав ее мысли, Виктор сказал:

— Переменные возлагают на тебя большие надежды, — он снова переключился на тот свой тон, не говорил, а изрекал. А потом пояснил по-простому:

— Ты Айнара лучше всех из нас знаешь. Может, сумеешь и отыскать в Пылающем Шпиле. Только не забывай, это место — одна огромная Искра, и магии там столько, что может взорваться или затянут тебя куда-нибудь, или превратить в лягушку.

— Прямо-таки в лягушку.

Виктор пожал плечами.

— В приюте рассказывали, один мальчик работал в Шпиле и решил подсмотреть за Светочем в ее комнате. Поздно вечером он прокрался ночью к замочной скважине и заглянул всего одним глазком. И пропал. Навсегда. Только сушеную жабью кожу потом другие слуги нашли.

На слове «кожа» Виктор сделал жест, словно хватая Иванку за плечо. Та отпрянула.

— Фу, дурацкие шутки.

— Я тоже так считаю, — согласился Виктор. — Кому нужны лягушки, если ты способен вытащить кишки и завязать узлом на затылке. Кстати, такое наблюдал собственными глазами.

Теперь Иванку передернуло по-настоящему. Она едва не закричала: не хочу. Я не хочу в Пылающий Шпиль. Ну пожалуйста, можно я останусь здесь, и...

«Они этого и хотят», — подсказал все тот же противный внутренний голосок.

— Я не боюсь, — заявила Иванка.

Зоэ и Виктор переглянулись.

Спустя еще час они уже подходили к Пылающему Шпилю. Башня и не думала «пылать», только казалась очень яркой, по соседству стояли роскошные дома с красными крышами и покрытыми серебряной краской заборами, но все они почему-то казались убогими лачугами, если смотреть сначала на Шпиль, а потом куда-то еще. Словно никаких других цветов, красоты, самой реальности не существовало.

«Мы есть свет».

«Мы есть жизнь».

«Мы есть Светочи».

Иванка вспомнила слова истины и встряхнула головой. Светочи не требовали молитв или обязательных подношений — они не нуждались в вере. Они были слишком настоящими, магия — тоже. Все остальное...

«Побочный продукт», — пришло в голову Иванке одно из выражений Айнара. Зоэ дернула спутницу за руку.

— Хватит пялиться, нам во-он туда. Видишь, маленькая темная дверь?

— Не вижу.

— А, ну так и задумано. Пылающий Шпиль должен смотреться монолитом, как огромный кристалл с Искрой. Ха. Но это камни, старые камни, просто большой высокий дом. Теперь смотри снова.

Иванка поморгала и увидела: да, есть что-то вроде крохотной двери, в которую и войти-то можно только согнувшись в три погибели. Древесина потертая и старая, да и камни вокруг покрыты не только вездесущей розовой «ряской», но и синеватой плесенью.

— А как же...

Моргнула. Снова — слепящий, цельный, красочный и неделимый кристалл. Никаких дверей и плесени.

— Никак, — Зоэ тянула за собой. — Иллюзия. Морок. Наваждение. Светочи напустили тут магии, вот и все.

Темная дверь открылась. На пороге стояла высокая плотная женщина. Одета она была едва не в лохмотья — дерюжное платье, грубо сшитый фартук, который если и был белым, то лет десять тому назад, а теперь покрылся пятнами, став похожим на коровью шкуру. Женщина была седой, хотя лицо — молодое. Иванка подняла взгляд и едва не отпрянула.

— А, это вы. Виктор говорил, что придете. Я Донна, работаю здесь десять лет. Мне было двенадцать, когда начала.

Она криво улыбнулась.

— Теперь мне двадцать два, но издали смотрюсь старухой. Такова магия Светочей, если подходишь слишком близко. Надеюсь, вы готовы поплатиться своей молодостью, красотой, разумом — каждый чем-то платит. Не волнуйтесь, жалованьем не обидят. Двадцать гхэ в месяц каждой.

— Да, госпожа, — Зоэ сделала вежливое приседание. Иванка очень неуклюже повторила за ней.

— Дуры, — плюнула Донна, но потом сделала жест следовать за ней.

Дисперсия света — это просто.

Луч проходит через призму, разделяясь на семь цветов радуги. На самом деле, не семь, человеческий глаз не способен различить больше. Затем вторая линза подхватывает и собирает снова.

Свет — это волна и частица. Феномен квантовой физики.

Если добавить дифракционные эффекты, то можно говорить о том, что свет живой. Он отклоняется, если проходит вблизи препятствий. Попадают в зону геометрической тени.

Эффект дифракции несущественен на малых расстояниях, при неастрономических расстояниях им можно пренебречь.

Лучше думать о дисперсии. О линзах. О белом и радужных бликах.

Оно везде белое, но если моргнуть, цветов становится так много, что чешется где-то под костью черепной коробки, словно зрительный нерв кричит: я не могу этого выдержать. Это слишком.

Закрываешь глаза.

Белое. Сквозь веки. Должно быть слегка рыжеватое — веки-то непрозрачные, излучение фильтруется, да?

Может, оно гамма. Или еще какое-нибудь. Ладно, гамма невидимо, зато превращает кровь и кости в чернобыльскую кашу. Внутри ядерного реактора пляшет цветная радуга и белое, потом все становится белым.

Пренебречь бесконечно малыми расстояниями.

Пренебречь бесконечно большими.

«Хватит».

Красочная Леди выступает из белизны, и берет его за подбородок. У нее вполне человеческая фигура, человеческое лицо, рука, пальцы. Ногти гладкие, с каким-то сложным маникюром, даже Ленка такого не делала, чтоб прям оттенок то красный, то зеленый, то вообще какой-то серо-буро-малиновый. В цветах вообще-то он не разбирается. Он инженер, физик, а не художник. Палка-палка-огуречик да чертежи, вот и все, что способен нарисовать. Или те закорючки для Ива...

«Я не понимаю».

«И не поймешь, Билли. Она хочет говорить не с тобой, Билли».

«Не называй, это не мое имя».

«Да отвали ты. Я пытаюсь тут не проболтаться, между прочим».

«Не очень получается».

«Пошел ты, Билли».

По крайней мере, Красочная Леди вряд ли знает, что такое дифракция. Про принцип Гюйгенса — Френеля, да и обычную ньютоновскую дисперсию эти умники с Искрами тоже вряд ли освоили. Зачем, когда ты даже зад подтираешь Искрой, правда?

«Да нет, освоили».

«Вот это и есть дисперсия. Если поставить одну линзу напротив другой, то можно разложить я-есть на Айнара Венегаса и... другого, и потом собрать вместе — или не собирать, радуга им пока интереснее. Айнар Венегас — раб, тесхенский полукровка, безымянный никто, а вот его знания».

«Поэтому молчи, Билли, мы будем Айнар Венегасом, тугеза-форева, до конца. Они обещали мне заплатить, но теперь я уже здесь, врос в тебя, ты в меня. Гарат удерживает это лучше. Я — не очень».

«Знаешь, это как тег в Твиттере. Я/Мы Айнар Венегас».

«Они все равно поняли. Может, не полностью, и поэтому я-мы пока живы».

«Заткнись».

«Ого, Билли, ты теперь говоришь на моем языке. Даже не среагировал каким-нибудь нейронным тупняком на слово «Твиттер». Этого я тебе не объяснял, в отличие от дисперсии и дифракции, ах да, тот водяной таран был неплохим, школьный такой уровень на четверочку».

«Заткнисьзаткнисьзаткнись».

Удастся заорать. Дисперсия, кричит он. Дисперсия.

Красочная Леди обретает все больше формы, лица, тела. Даже одежда видимая, это вроде приталенной блузки с рукавами вразлет — не очень практично, если пытаешь или сжигаешь кого-то, но Светочи не работают банальными щипцами или костоломными механизмами, испанскими сапогами (как они называются здесь?) или чревонаполнительными трубками.

«Это не Циана тар-Оронен».

Он спрашивает:

«Назови свое имя».

Она откажется, потому что у Светочей нет имен, у них только магия Искр, каждое божество недосыгаемо — молитвы не нужны, божество только тогда настоящее, когда самодостаточно, не зависит от верующих. С достаточным количеством верующих любая дикая Искра станет богом. Светочи выше такой ерунды.

Она не станет называть своего имени, думает Айнар Венегас, я-мы Айнар Венегас, но нет никакого «мы».

«Родился в деревне Кривошейки. Отец Джерайя Венегас, торговец. Мать — Дакоти Ашор из Иммираха, что в Тесхене. Умерла, когда мне было... двенадцать».

Единственная истина. Он выдыхает с облегчением. Радуга собралась сквозь линзы, и теперь ничего они с ним не сделают — ну то есть, могут вырвать зубы, ногти, сжечь заживо или распять на какой-нибудь неудобной деревянной штучке, загнав гвозди в мясо, но не более того. Никакой световой геометрии.

У него слезятся глаза, когда пытается оглядеться. Голова страшно болит, раскалывается просто-таки, словно с чудовищного похмелья. Даже на красивую — а она хороша, тут не поспоришь, — девушку в прозрачной блузке с непрактичными рукавами и такой же прозрачной юбке, подчеркивающей все изгибы фигуры, — смотрит, щурясь. Блики мелькают по камере, это неправильно, камеры темные, как подвал. Не белые. Без бликов.

Он вдыхает воздух, ожидая почуять мерзотную гниль, как от дикой Искры в лесу Цатхан, и обоняет легкие цветочные духи, шоколад, кофе. У девушки лицо, которое называют «точеным». Она настолько красива, что это почти пугает, откуда-то Айнару является термин «эффект зловещей долины». Впрочем, почему откуда-то? Дифракция все объясняет. Соберись, ты снова единый луч.

Он ухмыляется и повторяет вслух:

— Как тебя зовут?

Она говорит:

— Мое имя Линнан эт Лан, и я выбрала тебя, Гаситель.

Немного отпустило.

Она назвала свое имя, и растянутое «всегда», персональная точка сингулярности, рассыпалась на вполне реальную камеру. В камере — пол, потолок, стены. Даже нары на цепях, даже дырка в углу отыскалась. Избыточное белое свечение по-прежнему резало глаза, как летнее солнце с похмелья. Айнар сидел на полу, жмурился, отворачивался.

Светоч Линнан эт Лан его не боялась.

«Гаситель» или нет. Вон, вошла в своей прозрачной блузке и юбке в камеру, трогала его за лицо, переворачивала чужую голову вправо-влево, словно осматривая неведомые метки. Айнар ожидал, что она вспомнит Эрика Камерра, Красочная Леди — в смысле, другая, из снов, — любила им попрекать. Айнар уже с собой договорился: он не помнил подробностей, убил ли правда этого человека, но работоторговцы в любом случае не заслуживают особого пиетета, так что пусть отвалят со своими нотациями.

Айнар пытался высвободиться. Его не связывали, не надевали оков, словно знали: никуда он из застенков Пылающего Шпиля. Эта святая инквизиция обходилась без священных молебнов и костров — по крайней мере, без настоящих костров.

Линнан эт Лан требовала говорить, противостоять ее воли не получалось, но все-таки правда отпустило. Скверная реальность лучше бесконечного «нигде».

— Отвали от меня, — пробурчал Айнар словами. Ртом. Ура, получилось. Во рту пересохло, словно в глеорской пересоленной почве без грунтовых вод и популярного местного капельного орошения — спасибо Искрам, поработают за нас. А то он бы еще и плюнул в нее для верности.

— Ты просто человек, — она проговорила с легким удивлением.

— А ты кого ожидала? Тьманника о двух ногах?

Черными чудищами тьманниками, что якобы обитали под землей, пугали детей, а взрослые скорее ругались, всерьез не веря в многолапых слепых тварей. Айнар представлял тьманников похожими на громадных пауков, но с тем же успехом они могли напоминать мохнатых слонов с крылышками стрекозы.

— Ты Гаситель. Твое появление предсказывали давным-давно. Звездные Туманности, первые из Светочек, рекли: явятся в мир те, чья плоть из мира сего, но души затерялись на нитях иных, и ввергнут в пучины безвременья, и пробьет час последний всякого времени.

Говорила она заучено. Айнару пришло в голову: Светочи люди — по крайней мере, рождаются людьми у отца и матери. Вполне вероятно, естественным путем. Преследуемый этой идеей, он опустил взгляд на полупрозрачную блузку, но гораздо ниже аппетитных круглых «яблочек». Тонкая талия, тепло кожи ощущается сквозь одежду, и...

«Пупок».

Ну точно же пупок, Айнар даже моргнул. Пупок не исчез. Линнан эт Лан продолжала вещать про Звездные Туманности — вернее, Звездных Туманностей. Имя собственное в данном контексте. Как Светочи.

— Ты тоже человек, — он с запозданием сообразил: зря вот это сейчас ляпнул.

Линнан эт Лан поперхнулась.

— Я...

— Светоч. Но и человек тоже.

Айнар попытался прикрыть глаза. Свечение проникало сквозь веки: та самая рыжая полоса, никуда от нее не спрятаться. Свечение стало серебристым, как лужа на плохой брусчатке, рядом валяются огрызки моркови, колосья пшеницы, конские яблоки. Он гордился тем, что убил Светоча в Ороне.

«А он оказался человеком».

— Мне жаль, — сказал Айнар. — Того серебристого парня. Они хотели нас казнить еще тогда. Мне пришла в голову идея с нитроцеллюлозой.

«Молчи».

«Билли, мать твою, молчи».

— Я должен был предупредить его об опасности.

— Все хорошо, — Линнан эт Лан погладила по щеке. Гладкие пальцы, ухоженные руки. Айнар понял, что ему жест понравился. — Ты защищался. Любой мечтает выжить. Но ты Гаситель, понимаешь? Значит, мы вместе должны разрушить ужасное древнее пророчество. Помоги сохранить наш мир.

«Она хорошая».

Айнар глубоко вдохнул и отрывисто, словно сдерживая рыдания, выдохнул. Невероятно, нереально красивая женщина просила его о помощи. Она и ее орден Светочей хранили мир тысячи лет, с чего Айнар взял, будто должен менять что-либо? Магия могущественна, магия стоит на страже...

«Стой».

— Прекрати говорить мне в мозги.

Айнар скривился, потряс головой, изгоняя шепот. Он вплетался в собственные мысли, приходилось выдергивать по кусочкам, словно больной дракункулезом наматывал на палочку червей.

Линнан эт Лан попятилась.

Айнар все-таки плюнул, пускай и чисто символически. Попало на рукав.

— Вот это была сейчас ну очень паршивая манипуляция. Твои белые карлики... или как они там, наверное, поставили бы тебе «неуд». Как ты вообще диплом получила, или чем вас тут награждают, когда отучаетесь на Светоча... и забываете все человеческое?

Линнан эт Лан вздернула верхнюю губу. Милой она разом смотреться перестала: жутковатая кукла с оскалом гремучей змеи.

— Оставь меня в покое, понятно? Я устал и хочу отдохнуть.

Айнар с трудом оперся сначала на ладонь, потом на колени, так и не выпрямился, но дополз до нар: холодная доска, судя по ощущениям — из чистого мрамора. Припорошенного снегом мрамора. Самого твердого и холодного в мире.

— Уходи. Я сплю.

Он отвернулся к стене лицом. Жест ничуть не спасал от вездесущего белого. Светочи или кто-то раньше забрал у Айнара очки — он понял это только теперь, проведя пальцами по лицу, но лишь порадовался. Зарево через линзы ослепило бы его.

Он услышал шаги: удаляющиеся. Линнан эт Лан, Айнар мог поклясться, даже фыркнула напоследок, как обиженная девчонка, которую отверг лучший парень на деревне.

А потом он усмехнулся.

Айнар в самом деле уснул и проспал, по ощущениям, часов пять или шесть. Проснулся бодрым, даже не чрезмерно щурился от вездесущего белого света. Воспользовался дыркой, нашел умывальник с водой — вытекала по капле и была ледяной, зато отлично бодрила. В

животе забурчало от голода.

Щелкнула дверь. Айнар подошел ближе, потрогал — не железная, по ощущениям, словно из гладкого камня, вроде мрамора. Вроде даже мелькали прожилки, без очков толком и не разглядишь.

К этому тоже привык.

Близоруким Айнар всегда был, а очков не знали даже богачи. В лучшем случае, покупали очередную Искру, чтобы исправить незначительный дефект. Бедняки обходились «как-нибудь так», не говоря уж о рабах.

По своим очкам Айнар скучал больше, чем по всей остальной свободе.

Тем не менее, когда приоткрылась узкая дверь и протолкнули поднос, он разглядел. Сел на пол. От холода передернуло. Взял тарелку и стакан, ложек или вилок не положили, подразумевая: ешь руками. В плошке оказалась каша — прозрачная, безвкусная, в стакане — солоноватая жижа с явственным запахом половой тряпки, и все же пустой желудок затребовал даже такую пищу и воду, и Айнар проглотил до последней капли.

Он поставил на поднос пустую посуду и толкнул к двери, пытаясь уловить тот момент, когда сработает механизм — как-то же эта штука должна открываться. И откуда свет? Ах да, магия Светочей.

Разрез в двери распахнулся. Поднос исчез. Айнар успел разглядеть еще немного света, хотя и приглушенного, по сравнению с камерой — благословение для воспаленных, слезящихся глаз. Он поскреб щеку: щетина отрастала быстро, недаром, глеорцы изображали тесхенцев с бородами до пупа. Что суровые воины Песчаной Империи, что современные торгаши не тратили времени на такую ерунду, как бритве. Воины, наверняка, так и пугали врагов похожими на кусты зарослями, торговцы умасливали бороды экстрактом таума и лилейной розой. Айнар старался подстригать даже в рабстве — волосы на лице мешали. Вот и сейчас, неожиданно чувствительная кожа начинала отчаянно чесаться.

Потом встал и принялся обследовать камеру. Ничего. Квадрат пять на пять шагов. Справа кровать. Слева дырка и умывальник. Окон нет. Дверь словно монолитная.

Он сел на нары.

— Линнан эт Лан, — позвал Айнар, уверенный, что Светоч его услышит. Он ее задел прошлый раз.

«Звездные Туманности предсказали твое появление».

Что за чушь.

«Думай, Айнар».

«Избранные и прочая ерунда, вот, на что это похоже?»

«Но я обычный человек».

Он снова потер отчаянно чешущуюся щеку. Щетина отросла на ноготь — это был способ проверить время. Он здесь дня три, не меньше. Два с половиной выпали из памяти. Потом спал.

«Думай».

От щеки грязноватый палец сдвинулся к глазам, воспаленным больным от слепящего света глазам. Все еще мучительно хотелось зарыться в темноту, словно с тяжелейшего похмелья.

— Думай, Айнар Венегас.

Он проговорил вслух, а потом щелкнул пальцами:

— Точно.

Он засмеялся.

— Эй, Линнан эт Лан, теперь я понял, в чем дело. И почему я Гаситель, и почему настолько опасен. Вы хотите поговорить об этом, Светоч? Приходи сюда, и я даже забуду, что ты орала мне в мозг, только не пытайся сделать это снова.

Он чуть было не добавил: потому что теперь я точно знаю, у тебя есть пупок, ты человек. Ты была человеком до того, как стала Светочем — возможно, теперь нечто другое, но это не так уж значимо. То, где мы в самом начале — и в самом конце, вот и все, что важно.

В камере было прохладно. У него забрали все вещи — его драгоценный саквояж, который берег даже когда проткнули брюхо наемные убийцы, — и раздели до исподней рубахи и штанов, даже башмаки содрали. Айнара колотило от холода, он то ежился, то тер плечи, прислушиваясь к мертвенной тишине, а потом ее нарушили шаги.

Она не открывала дверь. Айнар сказал бы «просочилась», но скорее камень или металл, какой бы твердости ни был, решил не связываться со Светочем.

— Чего тебе?

Линнан эт Лан переделалась в текучее платье — вроде шелка или парчи, то ли розового, то ли лилового оттенка. Айнар только подумал: ярко. Как и все вокруг, как ее меняющие цвет глаза, волосы и ногти. Хватит, в самом деле.

— Я понял, почему вы меня боитесь. Я вроде... антивещества в вашем мире, так?

Выражение кукольно-правильного лица не изменилось.

Линнан эт Лан не знала слово «антивещество», понял Айнар.

— Хочешь, покажу на примере? Уксус есть? Сода есть? Да проклятье, вы же должны добавлять в пищу уксус и... не знаю, пищевая сода — это просто гидрокарбонат калия. Ох, ладно...

— Я поняла, — резко ответила Линнан эт Лан. — Только не думай, будто попадусь в твою ловушку. Маирри эт Силу допустил ошибку, а я — нет.

— Маирри эт Силу — тот серебряный парень?

Она кивнула.

— Он ничего не знал. Слушай, я не хотел его убивать. Но да, там вещество было опасное, а здесь — нет. Если хочешь, ты будешь стоять на расстоянии, мне нужно просто показать, что имею в виду.

— Хорошо.

Кто-то принес требуемое минут через пятнадцать. Айнар привычным жестом махнул ладонью над стаканом, поморщился от характерного кислого запаха, после чего лизнул мизинец и попробовал соду. Обычная пищевая сода.

Он поставил блюдце и стакан на пол, высыпал немного порошка и налил сверху уксуса. Зашипело.

— Гашение соды. Думаю, даже у вас это знают.

Линнан эт Лан закатила глаза.

— И тебя еще называют Гасителем! Да это искусство кухарок, что пекут дешевые пироги для продажи на Собачьей Площади.

— Ну да, — согласился Айнар. — И это химическая реакция нейтрализации. Кислота и щелочь. Это самое простое. Вещество и антивещество — сложнее. Короче, я — антивещество. Я могу вызвать большой «бум»... или надуть пару шариков.

Линнан эт Лан нахмурилась. Она следила за остатками шипящей соды, потом подошла

ближе и даже присела на корточки. Айнар удивился: ничуть не опасается приблизиться.

Читают ли они мысли?

Или она просто увлечена?

«Либо все проще: она молодая и еще не слишком умная девчонка».

— Предположим. Тогда ты сам признаешь, что чужероден нашему миру и должен подвергнуться трансформации, чтобы перестать ранить его?

— Ага, — меланхолично согласился Айнар. — А еще это означает, что магией обладаете не только вы, Светочи. Что здесь каждый — потенциальный Светоч, а вы — просто кучка хитрозадых ублюдков, прихвативших себе общую силу. Как тебе такое, Линнан эт Лан?

— Почему темно?

Иванка огляделась по сторонам. Узкий переход сжимал сверху, снизу, справа и слева. Ей живо вспомнился колодец: да, тогда она прекрасно представляла, что и зачем нужно сделать, Айнар все понятно и доступно объяснил, оставалось только закрепить водяной таран правильным образом. А теперь? А теперь такой же колодец, только без воды, сухой, и ничего, решительно ничего, не понятно.

— Идите за мной, — крупная фигура Донны скорее угадывалась. Зоэ осталась позади, замыкающей.

— Мы точно в Пылающем Шпиле? — задалась вопросом и она.

Донна хохотнула:

— Точно, точно. Свет здесь благословение — или пытка, как уж повезет, но никогда не просто торчащая из стены догорающая Искра. Господа не дают нам позабыть о том, что мы служим им, а они — наши благодетели.

Иванка нахмурилась.

— А вам ничего не сделают за то, что...

— Они здесь не слышат. Вернее: они не слушают нас, зачем? Какая сытая кошка прислушивается к мышинному писку?

— Понимаю, — сказала Зоэ, а Иванка тоскливо думала: сюда бы Курицу. Собачонка сумела бы вывести из непроглядной тьмы, у псов нос работает лучше глаз. Эх. Никогда не бывает так, чтобы все складывалось идеально.

На ее счастье дорога была ровной. Глаза не привыкали — не к чему, зато Иванка принялась, распознавая слабые ароматы специй — от острого тесхенского перца до обычного жареного лука. Приятное после прохлады утреннего Могро сменилось жаром. А потом Донна распахнула дверь.

— Добро пожаловать на кухню.

Иванка отвернулась, глаза мигом заслезились. Зоэ ее опередила. Кухня же оказалась вполне обычной, только большой, с целыми котлами вместо привычных Иванке кастрюль, с плитами-печами, где с легкостью могли поместиться человек пять зараз. Искры полыхали во всю силу, она узнала символы чистоты, огня, воздуха, ускорения созревания — интересно, зачем это на кухне, — а другие и вовсе ни разу не встречала. На кухне сновали мужчины и женщины, совершенно не обращающие внимания на новеньких. Они доставали сковородки, снимали с крюков и бросали на большие и пестрые гранитные столы куски мяса, мыли в чанах овощи, нарезали, тушили, подливали масла, сыпали специи, доставали готовое. Кто-то врывался через другую дверь с парящей в воздухе многоярусной тележкой. Искра помогала загрузить. Тележка и ее сопровождающий исчезали, а потом все повторялось снова.

Грохот отзывался в кончиках пальцев. Колотился в позвоночнике. Запахи перемешивались, поднимались и опускались, грузные, как мешки с картошкой. Хотелось выбежать отсюда подальше, снаружи хоть сыро и противно, но все не это пекло. Как вообще люди могут здесь находиться?

— Время завтрака, — пояснила Донна. Она хмурилась и кривила рот, отчего выглядела еще более непривлекательной, какой-то совсем похожей на чудище. Из тех, с кем Светочам полагалось бы сражаться, наверное. — Ну, чего встали? Фартуки вон там, хватайте ножи и

марш чистить картошку. Пока без Искр поработайте. Ты, рыжая, рот закрой и шевели тощей задницей!

Для верности она отвесила Иванке чувствительный подзатыльник, от которого та едва удержалась на ногах и громко охнула. Зоэ выдернула за собой, в темный угол к горе черного от земли картофеля. От него-то и полз землистый густой смрад. Картофель был уже немного подгнивший, поэтому надо было отобрать хорошие, удалить глазки.

Работа была несложной, даже успокаивающей для Иванки, а вот «богатенькая девчонка» чистящий ножик держала едва не первый раз в жизни. У Зоэ все соскальзывало лезвие, очистки получались толстыми, готовая картошка — грязной.

— Дай научу, — не выдержала Иванка. Она под села ближе и тяжело вздохнула. Однако и торжествующую ухмылочку едва удавалось сдерживать. Впрочем, сейчас не время насмешничать. Зоэ недовольно поджала губы, чего-то пробормотала, только в шуме грохочущей кухни все равно никто не услышал, кажется, даже она сама. — Вот так, держишь ножик и крутишь, кожурка сама отстает. Ничего сложного.

— Ага... я думала, мы пойдем куда-то. Хотя бы в горничные поставят.

— Я тоже.

Иванка отправила в «чистый» чан размером с маленький пруд очередную картофелину.

— Ишь, чего захотели, — откуда-то появилась Донна. — Новеньких — и сразу в горничные? Это еще заслужить надо. Поработайте пока тут, годик-другой, а то и десять. А через десять вы превратитесь в головешки, так что кому будете нужны, кроме кухни!

И она засмеялась, словно невесть какой шутке. Сидящие здесь же рядом молодые девочки, женщины постарше, несколько парней и мужчин подняли головы от бесконечной картофельной страды и тупо уставились на Донну. У всех глаза были отсутствующие. Иванка такие видела прежде у невольников, готовых к продаже, но никогда не решалась смотреть на тех долго; в Малых Ручейках рабов не использовали. Невольники ее пугали.

«Мы что же»...

Она сглотнула. Айнар рассказывал про шахты. Они темные и пахнут сыростью, и в них жарко.

«Мы в шахте».

«Или в рабстве».

«Все плохо, да»?

Иванка сглотнула. От жара и фонового шума десятков голосов, стука железа о камень, шкворчания масла, от густых чадных запахов ей стало дурно. Сейчас вырвет прямо в чан с картошкой. Хорошо, если с черной — придется отчищать вместе с кожурой. А если в чистый. А если.

— Простите, я сейчас, — она не была уверена, что впрямь это сказала, просто встала и сделала несколько шагов. Вырвет в чан — ладно, а вот можно еще и свалиться. Тебя разрежут на кусочки и подадут закуской Светочам. Они пожалуются: тощее жилистое мясо, невкусное, с горчинкой. Поджарьте получше, чтобы горело. Цветным пламенем.

Иванка глухо застонала, вжимаясь лбом в стену. Ее трясло, на лбу и между пальцев выступил холодный пот. Никто не обращал на нее никакого внимания, если умрет прямо здесь — заметят только когда завоняет, когда крысы совьют гнездо в животе.

«Хватит».

«Это Айнар рассказывал про крыс...»

«Хватит, даже если это правда».

Стена приятно охлаждала. Иванка обещала себе: постою немножко, а потом пойду обратно к картошке. Или надо сказать Зоэ, чтобы придумала идею получше, она умная. В конце концов, Виктор обещал им обоим шанс вызволить Айнара.

«А ты расклеилась уже сейчас!»

«Нет, я просто... сейчас. Иду».

Ее взгляд скользнул ниже: к щели в стене. Оттуда тянуло свежим воздухом, а встав на колени, Иванка обнаружила вовсе не крысиную нору, которую ожидала увидеть, а нечто вроде маленького механизма. Она теперь хорошо узнавала механизмы. Вот даже рычаг есть, Айнар ей рассказывал про рычаги.

Иванка нажала.

Внизу появилась щель, сначала слишком маленькая, Иванка прикинула: едва ли рука пролезет, не стоит и думать о большем. Потом показалось: да нет, места маловато, протиснется далеко не всякий, но худощавая девчонка, вроде нее или Зоэ, вполне...

Кстати, где Зоэ?

Иванка оглянулась. В чаде и угаре кухни казалось, что все люди превратились в одинаковые болванчики — красная от отблесков пламени и Искр кожа, пляшущие тени, мешанина звуков и запахов. Зоэ была возле того чана, а потом...

— Здесь я.

Иванка аж подпрыгнула. Зоэ вцепилась в руку и больно воткнула коротко остриженные ногти в запястье:

— Не дергайся. Нам не стоит привлекать внимание. Даже Донны. Она ничего не знает.

— Тут это...

— Видела. Молодец. Лезь первой, я слежу.

«А если там меня схватят?» — но эта мысль пришла с запозданием, потому что Иванка настолько хотела избавиться от удушающего жара и грохота, от муторной раскаленной тошноты кошмарной «кухни», что прежде скользнула в отверстие, а уже потом додумала про «схватят». Почти сразу же Зоэ оказалась рядом, они прокатились по пахнущему мышами и подвальной грязью полу, сомкнулась густая липкая тьма, но запаниковать Иванка не успела. Зоэ подтолкнула ее:

— Лезь, лезь вперед. Это что-то вроде воздуходува. Выберемся сейчас.

— Если... там не слишком тесно.

По ощущениям ее пятку зажал у носа Зоэ. Руками Иванка шарила в темноте, пытаясь обнаружить в этой червяковой норе хоть какой-то выход. Когда впереди мелькнул свет, словно чиркнули «свечкой»-Искрой, почти совсем выработанной, почти погасшей, она едва не завопила от восторга и принялась ввинчиваться в узкий проход еще быстрее.

— Что там?

Зоэ сопела, по ощущением, на уровне выше коленки. Отчаянно хотелось ее пнуть, чтобы помолчала.

— Большая зала. Там эти...

Иванка притихла.

Свет становился ярче по мере приближения к «выходу». Иванка разглядела большую просторную комнату; это была именно одна комната, хотя в ней мог поместиться целиком весь ее бывший дом, может, еще и злосчастный колодец бы влез. Стены блестели от прожилок золота в пестром камне, наверное, это была яшма, хотя в камнях Иванка разбиралась неважно. Ее обзора хватало, чтобы рассмотреть фигурный столик из другого

камня, бледного и прозрачного, его подсвечивала изнутри заточенная Искра. На столе стояла бутылка вина, ваза с фруктами. Поодаль — несколько диванов, стульев, все обитые белой кожей. Инкрустированные Искрами золотые подсвечники на стенах кидали блики света на картины: на одной изображен Светоч, протягивающий коленапреклонной толпе Искру, на другой — красивая и совершенно голая девушка. На третьей...

— Да что там?

Зое укусила ее за икру. Иванка лягнулась, как обозленная лошадь.

— Хоромы господские, вот чего! — буркнула она. Впрочем, здесь лаз чуть расширился.

Зоя протиснулась ближе, ее ухо прижалось к плечу Иванки.

— Ого, неплохо. Вон те вазы из песчаного сердолика. Шкафы из... похоже, кьеннингарского дуба. Такой даже мои родичи позволить себе не могли. Интересно, кто тут живет?

На шкафы Иванка и внимания-то не обратила: они были большими и громоздкими. Разве, золотые вставки поблескивали и огромное зеркало еще.

— Лучше давай обратно, а то...

Зоя не договорила: прикусила язык, потому что едва слышно скрипнула дверь, по гладкому камню застучали каблучки. Иванка попыталась нырнуть поглубже в темноту, но было слишком тесно, и оставалось только задержать дыхание.

— Линнан, ты не делаешь успехов, — мужской голос наполнил комнату. Он был густым и приторным, как свежий мед в улье; и как мед его окружали сотни злобных кусачих тварей.

— Простите, наставник.

Второй голос был женским, звонким. Иванка предположила, что говорящая не старше нее самой. Ну или на пару-тройку лет, короче, соплячка какая-то.

— Он не ломается.

— Вы сами говорили, что у Гасителя должна быть железная воля, иначе бы он не был способен выдержать свою миссию, не сойдя с ума...

— Неверно, — перебил тот, кого девушка назвала «наставником». — Гаситель и есть безумие. Воплощенное безумие, разлад, диссонанс, разрушение. Заражение.

Он перечислял бы еще долго, но осекся. Оба подошли к столу; из своего положения Иванка разглядела только длинный балахон темно-зеленого цвета с роскошной золотой вышивкой и маленькие ноги в коричневых блестящих туфлях. На правой лодыжке серебристый браслет с яркими синими камушками. Юбка, похоже, короткая — выше колен.

— Да, конечно, наставник.

— Линнан, его воля — суть и есть безумие. Ты обязана исцелить его.

— Почему я не могу сделать это... другим путем?

— Его смерть не выход. Мертвые Гасители возвращаются, — отрезал «наставник» неожиданно резким тоном, едва не срываясь на крик, а потом снова обмакнул голос в воображаемый мед. — Ты способна подчинить его волю. Ты — Светоч, а он, в конце концов, лишь обычный человек, несмотря на зародыш великой порчи, что носит в себе.

Иванка укусила себя за указательный палец: его стянуло картофельным соком, он пах сырой землей. Над ухом шумно дышала Зоя.

— Он не поддается. Он слишком упрям. А еще он сказал... — женский голос прервался. В этот момент Зоя казалось, будто собственное сердце колотится так сильно, что раскаты грохота слышны во всем Пылающем Шпиле, во всем Могро, в последней приграничной деревне Глеоры.

— Продолжай, дитя, — пчелы гудели, мед загустел и засахарился.

— Что мы обычные люди. Что каждый содержит в себе Искру... нет, он выразился иначе. Что магия подвластна любому, и любой может стать Светочем!

Каблуки цокнули назад. Маленькая нога, меньше крестьянской Иванкиной чуть не в полтора раза. Похоже, девушка сейчас закрывала лицо от удара, отвернулась и сжалась.

В повисшем молчании Зоэ дышала в ухо так горячо, что Иванка не удержалась, ткнула ее локтем в живот. Та дернулась. Плечом ударилась в камень. Неплотно прилегающая плитка клацнула с пронзительным, надтреснутым звуком. Плитка треснула. Обломок зазвенел о медные изразцы.

С каждым мгновение полифония грохота усиливалась. Иванка беспомощно прижалась носом к полу: утихни, утихни, пожалуйста, пусть они ничего не услышат, — но скорее солнце упало бы с неба на землю, прямо в фруктовую вазу рядом с большим розовым яблоком.

— Что это? — «мед» превратился в обычный мужской голос. — Кто здесь?

— Наставник, я... — девчонка залепетала еще более испуганно. Туфельки заметались по мраморному полу, достигли противоположной стены, а потом она остановилась прямо напротив Иванкиного носа.

И наклонилась.

«Она меня не увидит, не увидит, не заметит, здесь темно, они Светочи, они всезнающие, или нет, или... Айнар сказал, они обычные. Айнар их раскусил. Даже здесь. Он их раскусил. Они не такие страшные. Айнар убил Гасителя. Она не заметит. Она не...»

Перед глазами Иванки взметнулось меняющее цвет пламя, а в нем открывал и закрывал рот маленький детский череп.

Девушка-Светоч смотрела на нее. Иванка всматривалась в пламя. Зоэ вонзила ногти в пальцы Иванки, пытаясь удержать, и все же та вывернула руку, схватив по дороге осколок камня и метя прямо в глаз Светоча. Глаза меняли цвет. Синий, зеленый, розовый. Волосы порой повторяли узор, порой сбивались.

Осколок с сочным звуком воткнулся в мякоть. Светоч завизжала.

Она отпрянула, зажимая обеими ладонями залитое кровью лицо. Иванка успела торжествующе ухмыльнуться, совершенно не слыша: «Дура, дура, ты убила нас!», а затем невидимая веревка поволокла вперед. Острые медные края каминных украшений царапнули щеку и порвали платье. Иванка и Зоэ оказались на полу, сверху вниз на них смотрел тот человек в балахоне, и когда он заговорил, в его голосе совсем не осталось меда: только нескончаемый рой обозленных диких пчел.

— Снова мусор нижних этажей. Пылающий Шпиль похож на дырявую лодку без единой Искры: сколь ни вычерпывай воду, все равно затонет.

Линнан скулила, зажимая глаз. Иванка заставила себя смотреть на мужчину: сейчас их убьют, но обмирать мышью под веником она не станет. «Наставник»-Светоч оказался очень высоким и худым человеком с длинными темными волосами и нездорово-бледным лицом того, кто редко покидает душные комнаты и показывается на свежем воздухе. Высокий черно-зеленый воротник под горло заставлял держать узкий подбородок вздернутым. Темные глаза не выражали даже презрения — скорее легкую брезгливость, будто на светлом мраморе вдруг обнаружился мерзкий «пылевой кролик».

Линнан подошла ближе, кровь еще стекала по лицу. Полупрозрачное платье уродовали красные пятна.

— Ну довольно, глаз потом себе отрастишь, — фыркнул «наставник» в ожидаемо-желчном тоне. — Ты поняла меня по поводу Гасителя, не хочу продолжать этот разговор. В конце концов, девочка ты способная, справишься. У тебя много времени: больше, чем у него. А пока займись этими, может быть, придумаешь, куда их использовать. Услышали они многовато, едва ли что поняли, но болтовня на улицах не нужна. Разберись.

Он развернулся, подхватил спелый персик из фруктовой вазы и ушел. Тяжелая обитая золотом дверь хлопнула.

Иванка сглотнула.

«Прости, Айнар».

Все-таки она всхлипнула.

«Мрак после удушающего света — это оригинально», — Айнар не удержался от ухмылки. Еще бы научиться наощупь добираться до умывальника, кровати и... всего остального, а так — его устраивало. Тьма ощущалась приятной, словно к воспаленным векам приложили чистую ткань, смоченную в отваре корня таума.

По ощущениям тьма наступила часов десять назад. В животе бурчало от голода, но воды пока хватало, умывальник не иссяк вместе с яркой милостью Светочей — или проклятием, тут уж как рассудить. Если его просто морили голодом, то выбор так себе, он ожидал худших пыток после того, как заявил Линнан эт Лан: вы всего лишь узурпаторы.

Нет никаких «магов» и «немагов». Нет никаких «Светочей», любой может стать таким, как вы — каждый крестьянин, каждый нищий, каждый раб.

Линнан эт Лан сказала тогда с очень приклеенной и очень фальшивой ухмылкой: «Кроме тебя, Гаситель», а потом — спецэффекты сработали на отлично, — свет и впрямь погас, но Айнар только расхохотался во весь голос.

— Напугали ежа голый...

Он не договорил, снова срываясь на смех.

А затем заснул и проспал долго, с наслаждением, наконец-то темнота приняла в объятия, даже холод не мешал насладиться умиротворяющим покоем. Сейчас приходилось двигаться по камере наощупь, и все равно — это лучше слепящего света. Из двух зол Айнар выбирал меньшее.

«И что, никаких пыток?»

Это его всерьез беспокоило. Линнан эт Лан определенно сбежала к кому-то старшему, умному. К настоящему палачу. Она-то была всего лишь очередной девчонкой, Айнару с ними везло, вот взять хотя бы Зоэ из Орона, Зоэ Кейпер, которая подкинула ему в первый раз утерянные вещи. Или Иванку, спасающую после нападения наемных убийц.

Хорошие девочки. Может, и Светоч Линнан эт Лан не хуже.

Может, Айнар вообще с ней подружится.

Гарат Ашшала не запрещала ведь ничего подобного, правда? Только хотела, чтобы он помог уничтожить магию... нет, не так. Научить людей технологиям помимо магии, но, думал теперь Айнар, а есть ли в этом настоящий смысл? Если любой способен владеть чарами, то не лучше ли миру Глеоры, Тесхена, Воосы и прочих там Кьеннингарских островов идти своим путем?

Ах да. Конец света. Апокалипсис — слово из чужого мира, Айнару оно казалось смешным, неприличным, как эвфемизм для названия полового органа или акта, — и почему-то от магии. Он поговорит еще с Гарат, а то и с «Белкой», с теми, кто...

«Отправил меня сюда, да, Билли. Хватит меня игнорировать».

Снова этот второй.

«Билли — это ты второй».

— Отстань, — в темноте мысли путались. Наверное, на то и рассчитывали Светочи. В темноте он будет говорить и наболтает еще больше.

«Билли, не тупи...»

— Заткнись.

«Я все равно еще поговорю с Гарат насчет всей этой магии. Когда выберусь отсюда.»

Если».

Айнар достал до умывальника из положения сидя и плеснул в лицо и на волосы холодной воды. Он и без того мерз, но это ощущение почти бодрило, заставляла мысли двигаться быстрее.

Светочи знали о («Билли»!) том, что он не совсем обычный человек. Раб по имени Айнар Венегас столкнулся с кем-то еще; прежде, в самом начале, другой был главным, а сейчас сдался.

И это как-то связано с магией.

— Во мне нет магии. Ни единой капли. Линнан считает. Что это плохо.

Антивещество.

Голова болела, но сильнее мучали спазмы в желудке. Голод заставлял тереть под ребрами, легче не становилось. Айнар попытался зачерпнуть еще воды, но влага лишь заставила живот урчать еще громче.

— Да ладно, заморить голодом в темноте? Это довольно скучно. У вас, наверняка, фантазия получше.

Наверняка, ему следовало радоваться: всего-навсего голод. Всего-навсего темнота. Вырванные ноги, раскаленные прутья, кислота на слизистые оболочки — все это куда хуже.

Нет, радоваться не получалось. Жрать все равно хотелось слишком сильно, Айнар, пожалуй, заплатил бы ногтем или двумя за хороший обед, если только там окажется достаточно мяса и картофеля, и еще те сладкие штуки из красной пшеницы с медом.

«Зря я подумал о еде».

Дверь открылась. Айнар пропустил этот момент, и тут же себя обругал — надо было выскочить, кинуться в драку... ах да. Темнота немного рассеялась, обрисовав фигуру Линнан; после мрака желтоватое свечение обожгло и без того воспаленные глаза. Айнар сжался в углу и закрыл голову руками. Он пытался предугадать: что еще они придумали, какую пытку изобрели. Ответил его желудок: в камере одуряюще запахло жареным мясом, картофелем и густым заварным кремом с ванилью и горьковатыми пряностями, название которых вспомнить не получалось.

Рот наполнился вязкой до сухости слюной.

— Мы ведь можем поговорить?

Света стало больше — будто спичкой по векам чиркнули и серы засыпали для верности. Айнар снова сжался.

«Жареное мясо с брусничным соусом».

«Картофель с маленькими кусочками сала, а еще там специи, точно есть укроп».

В животе заурчало так отчаянно, что он снова сжался, теперь пытаюсь унять голодный спазм. Стало даже стыдно немного: прошло меньше суток, голодать доводилось и дольше, ничего страшного. Он не умирает, он просто хочет жрать, а Линнан держит целый поднос — огромный поднос, поблескивающий тускловатым старым серебром, и на нем пять тарелок, кувшин из толстого прозрачного стекла. В кувшине красное, то ли вино, то ли морс.

Айнар заставил себя перевести взгляд на саму Линнан, и едва не отпрянул: на правом глазу мокла кровавая перевязка. Одежду она выбрала темную и строгую, попыталась нанести макияж, пряча болезненность, только бинты и кровь все равно перетягивали на себя все внимание.

— Что с тобой случилось? — спросил Айнар, и задался другим вопросом: а мне не все равно? Ей выбили глаз? Она провела пару неудачных заклинаний, Искра взорвалась, словно

пороховая петарда? Очень неприятно, но что мне за дело?

Еще он вновь подумал: она с подносом и ранена. Я успел бы сбежать.

Поздновато, свет возвращался, пускай и без бешеной белизны. Клетка стала непроницаемой.

— Не твое дело, — резковато ответила Линнан.

— Не мое, — согласился Айнар. В животе снова заурчало, он едва удерживался от какой-нибудь глупости. Вроде ляпнуть: «Я жутко голоден, дай мне эту проклятую еду!»

— Темнота научила тебя хорошим манерам, — пухлые губы Линнан растянулись в ухмылку. Волосы у нее по-прежнему меняли цвет, уложенные в красивую прическу локонами, а вот рот казался обветренным, не розовым, а слишком ярко-красным, покрытым коркой запекшейся крови. — Теперь ты готов открыться и измениться? Готов спасти мир вместо того, чтобы уничтожить его? Ощутил, насколько ужасающа тьма?

Айнар подобрался. Поджал босые ступни. Над головой висел умывальник, если он резко встанет, набьет шишку.

— Вообще-то я первым делом отлично выспался в этой вашей темноте. Мне понравилось.

Ему следовало прикусить язык, но не удержался:

— Да и для твоего глаза полезнее полумрак, извини за медицинский совет.

Линнан вцепилась зубами в нижнюю губу. Тонкая пересохшая кожица поддалась, она отодрала ее и сплюнула на пол — даже несмотря на голод Айнара чуть замутило.

— Не твое дело.

— Да, конечно. Извиняться не буду, впрочем. Что дальше?

— Я могу дать тебе пищу.

Айнар потер переносицу, пустую без очков.

— Можешь.

— Я хочу накормить тебя, — продолжала Линнан.

— Вероятно.

— А еще вот, что я могу, — теперь она удерживала массивный поднос одной ладонью, похоже, вовсе не ощущая веса. Левая двигалась чуть неровно, координацию, решил Айнар, портило «половинчатое» зрение. Тем не менее, она провела над тарелкой со стейком. Завоняло горелым мясом. Вспыхнул синеватый огонь, и на белый пол ссыпались угли.

Айнар скрежетнул зубами.

— Тут еще два отличных ломтя. Свежие, с кровью и пряностями. Тесхенскими пряностями, — уточнила Линнан. — А еще грибной бульон и печеный с салом картофель. Ах да, совсем забыла про пирожные. Смотри, — теперь она взяла в свободную руку эклер и раздавила его, по пальцам жирными потеками поползла желтая начинка.

На угли упала капля. Айнар сдержался, не кинулся вылизывать эту грязь, зато Линнан коснулась липкого пальца кончиком языка.

— Ты голоден.

— Не слишком, — Айнар сглотнул слюну в очередной раз, но спазм в желудке подавить не сумел и скривился. — Я хорошо выспался, появился аппетит. Не более того.

— Лжец из тебя скверный, — Линнан покачала головой. — Прошло трое суток с твоей последней трапезы.

«Ах вот почему в живот как гвоздей напихали».

— Ты умираешь от голода, и ты умрешь, если не примешь мои условия.

Ломтики картофеля золотились в окружении белой чесночной подливки. Стейк истекал горячим соком. Эклеры возвышались горкой — три штуки, не считая уничтоженного.

— Дешево ж ты меня купить собираешься, — сказал Айнар. — За тарелку жратвы.

— Ты никогда большего и не стоил, раб! — Линнан схватила еще один ломоть стейка — в две ладони, не меньше. Пепел осыпался в ту же секунду. Серый бесплодный пепел.

«Почему бы и не согласиться. Я ведь могу потом отказаться, верно? Я стоял на эшафоте, и меня готовились сжечь, а потом я взорвал Светоча живьем. Они просто люди. Ничего дурного не случится, если я...»

От запаха кружилась голова. Голод усилился настолько, что превратился в тошноту.

— Не выйдет, — Айнар отвернулся.

Он уже знал: в пепел обратится все. Даже поднос. Светочи сжигают еду, металл — и целые деревни.

— Тогда оставайся в своей темноте! — крикнула Линнан. Единственный уцелевший глаз мигнул напоследок красным.

Алым, в тон крови на губах.

Корень таума горький с характерным железистым привкусом. Приправленная молочайным соком кровь.

«Пей».

Его рвет солью и водой. Вода с солью.

«Пей».

Молочай, кровь, вода, соль.

Словно некая формула из элементов, сложи и получишь результат.

— Воосцы используют алхимию, — говорит тот, кто вливает в рот корень таума, а потом меняет перевязки на ранах. Самая большая на бедре: огромная синяя рыба, название которой так и не узнал, пыталась сожрать. Зубы у рыбы были желтые с прозеленью, воняли тинной, утопленником. Наверняка, рану приходилось промывать много раз, чтобы не загнила. — Но ты способен на большее, я знаю.

Мужчина типичный глеорец. Высокий, статный. Чуть более смуглый, чем обитатели туманного Могро или окрестных земель — несложно догадаться, что он прожил несколько месяцев или лет в Воосе.

Еще до того, как Глеора вступила в войну со свободным народом?

Или уже после?

— Пей, пей. Мальчишка. Я думал, ты будешь старше. Искал тебя почти пятнадцать лет, сбился со счета... столько времени потеряно. Но ты еще мальчишка, потому — ничего страшного. Пей.

Он пил.

Мужчина с завязанными в хвост волосами. Волосы цвета темного золота — золота, что лежало на дне морском. Течения в Кривом море неверные, сегодня холодные, завтра теплые, только самые опытные моряки с помощью Искр предсказывают поведение — говорят, что не столь полагаются на Искры, сколько на приметы, вроде того, насколько высоко прыгают летучие рыбы и насколько низко летают чайки с альбатросами.

— Пей.

Он дает еду. Рыба, водоросли, запеченные моллюски. Снова рыба. Невкусно, горько. Пей. Ешь.

Тебе надо жить.

Это он так говорит.

— Я спас тебя, чтобы ты изменил мир, — говорит однажды.

Они в маленькой хижине на берегу моря. Кривое море по ночам светится зеленым, зарево висит на горизонте и расплывается по волнам, отчего черное соединяется со светом, перемешивается, как земля и трава. Берег всегда влажный. Песок красноватый с золотым блеском, будто под цвет волос моряка. Узловатые водоросли подбираются к хижине, но умирают, засыхая, не достигнув порога.

По другую сторону от моря гряда леса. Это лес Цатхан — вотчина диких Искр.

Нестрашно.

— Ты выйдешь отсюда и станешь чем-то другим. Я сделаю тебя другим. Светочи хотят, чтобы ты...

«Эрик Камерр».

Так зовут мужчину, и он вовсе не похож на работорговца. Он одет как моряк, а правую руку держит у пояса, словно готовясь выхватить меч. Никакого меча у него нет. Только хижина у моря, рыба, водоросли, корень таума.

Эрик Камерр.

Питье на вкус все сильнее отдает медью и кровью.

Кровь Эрика Камерра прольется так скоро.

Айнар проснулся. Крик еще звенел эхом. На губах остался железистый вкус: кровь и горечь, на сей раз — от голодной желчи. Болью свело подреберье, спазмы приходили то реже, то чаще. Откуда-то Айнар знал, что если ничего не есть еще несколько дней, то потом вообще перестанет хотеться, и завянув Линнан эт Лан хоть с целой горой деликатесов, Айнар даже не повернет голову в сторону пищи, а запах мяса, картофеля, жареного лука или карамелизованного сахара вызовет лишь омерзение вплоть до нового приступа голодной тошноты.

Айнар добрался в темноте до умывальника и выпил воды. От нее становилось легче. Потом ползком — обратно, кровать словно поднималась на несколько метров каждый раз, и он боялся, что не хватит сил вскарабкаться, просто останется валяться на ледяном полу. Это не имело значения. Он терял тепло. Он остывал.

«Долго не задержусь».

Что-то внутри паниковало, поминало каких-то белок, какую-то Ленку. Это оно называло Айнара «Билли».

«Заткнись».

Свет мучителен, но и темнота немногим лучше. Свет выжигает все живое, как огонь в кузне, а в темноте заводится плесень, мыши, черви, призраки. Призраков вокруг стало многовато.

— Я убил Эрика Камерра, — произнес Айнар. Он знал об этом, и его это не беспокоило. Эрик Камерр — работорговец. Хотел продать раба Айнара Венегаса, которого вытащил после кораблекрушения. Все остальные погибли, даже господа, ехавшие в Воосу то ли воевать, то ли помогать войскам, ему же, крепкому и сильному, удалось разорвать путы гребца и плыть, захлебываясь солью, пока море не выплюнуло на сушу.

— Эрик Камерр меня спас.

Говорить вслух с собою плохая привычка. Айнар догадывался, сил не все равно не хватает на полноценную речь, он издает только жалкие нечленораздельные звуки.

— Эрик Камерр не был...

— Я расскажу, — образ Линнан вклинился так легко, словно она всегда стояла здесь, а может, так и было. Айнар привычно осклабился: если так, то ей приходилось наблюдать, как он ползает по клетке, справляет нужду. От него, наверняка, жутко воняет, несмотря на воду из умывальника.

В темноте она коснулась его руки. Айнар отдернулся, а потом нащупал бутылку.

— Выпей это. Обычную пищу сейчас нельзя. Не бойся, я не стану больше морить тебя голодом — ты победил, твой дух несокрушим. Но мертвым ты ничего не сможешь, даже твой план уничтожить всю магию этого мира провалится, верно? Ты можешь меня ненавидеть и не верить, только выпей до капли содержимое бутылки, хорошо?

Айнар хотел отбросить подачку, но губы сами потянулись к узкой трубке-горлышку. Оттуда потекло что-то густое, сладковатое. Оно пахло теплом. Оно было как материнское молоко. Айнар застонал от удовольствия: боль в желудке утихала, ледяной холод отступал. Чем бы ни оказалось в результате содержимое бутылки, оно возвращало его к жизни.

Айнар заставил себя оторваться от варева Светочей.

— Если ты надеешься купить меня так, то...

— Не надеюсь.

Линнан больше не показывалась, но все равно рассеивала темноту. Фигура шевелилась, искажала пространство. Айнару захотелось прикоснуться: проверить, настоящая ли его палач и спасительница.

Или снова видение? Эрик Камерр, теперь она.

— Я расскажу про Эрика Камерра. Прости, что хотела сломать и подчинить тебя себе.

— Да уж, это было не слишком-то вежливо.

— Помолчи, Айнар Венегас, — вздохнула Линнан эт Лан. — Мы с тобой на одной стороне. Видишь ли, я провалила задание: я должна была уничтожить твою личность, и тогда мой наставник...

Она осеклась.

— В общем, использовал бы по собственному усмотрению. У меня не получилось. Он решил поработать сам, и тебе это не понравится. Но... я передумала. Наверное, я хочу понять тебя, а может быть, подружиться. Пей эссенцию жизни, Гаситель Венегас. Готовься. Твои испытания далеко не окончены. Вскоре приду уже не я.

— Стой.

Айнар вскочил. Вареву придало сил, он стоял посреди темной комнаты и озирался.

— Что мне делать?

— А вот это правильный вопрос. Но задать его должен ты: в конце концов, тебе однажды удалось справиться со Светочем, правда? Если ты выдержишь первый визит наставника, я попытаюсь помочь тебе.

— Но как же разрушение мира и то, что я само зло?

— Тьма не умирает, если погасить все источники света, — ответила Линнан, а потом больше не говорила, и Айнар понял: исчезла из закрытой камеры, словно растворилась во мгле.

Он шел по улице, не узнавая города. Огромные здания сверкали, отражая слишком яркое и желтое солнце. Когда набежала туча, он едва не поблагодарил ее вслух.

Улица проявлялась как будто шаг за шагом: вот фрагмент из серого камня под ногами и эти чудовищные бесконечные дома, проткнувшие небо. Вот палка с трехцветными огнями — красный, зеленый, посередине какой-то еще, вроде — оранжевый.

Дороги широкие, на них повозки без лошадей. К диковинным образам прибавляются запахи и звуки: оглушительный грохот, шелест, шуршание, стук, звон. Горькая вонь, кислая вонь. Клочок пережаренного масла — почти благословение.

На него неслась с невероятной скоростью блестящая хромом повозка, и он заорал.

— Какое занятное место.

Повозка остановилась на расстоянии половины ладони. Запахи и звуки исчезли. Образы уродливых домов-гигантов из железа и стекла, серых дорог, покрытых белыми и желтыми полосами, померкли.

— Это твоя память, почему же ты боишься ее, Гаситель?

— Не моя.

Кто-то стоял за спиной.

«Не оборачивайся».

Хорошая, пожалуй, идея.

— Он называет меня Билли. Миллиган. Билли Миллиган.

— Имя похоже на глеорское, но звучит странно.

— Да.

Логичное замечание, оставалось только плечами пожать.

«Не оглядывайся».

Все еще отличная, отличная идея. Образы истончались, исполины крошились и рушились мелким песком, а то и вовсе бумагой.

— Как ты убил Маирри эт Силу? — голос спросил так мягко, словно заворачивал в пушистое одеяло.

Конечно, нужно ответить.

Он открыл рот.

— Не знаю, — проговорил он.

— Конечно, знаешь. Маирри эт Силу сгорел заживо. Это невероятно, Светочи почти бессмертны. Расскажи, что ты с ним сделал.

— Не знаю.

Рука легла на плечо.

— Не лги мне.

— Я...

Он правда не знал. Вместо затылка пустота — он даже протянул руку и потрогал, уверенный, что обнаружит полый череп, вместо мозга — гладкую полированную кость. Очень удивился жестким и давно не мытым волосам под пальцами.

Он не знал, что сделал. Кажется, что-то было в... той сумке. Какой.

— Дисперсия, — ответил он.

Стоящий позади помолчал.

— Дисперсия? — переспросил голос-одеяло. — Что это значит?

— Ты же Светоч?

«Одеяло» выдержало паузу, потом уклончиво ответило:

— Предположим, и?

— Ты Светоч, но ничего не знаешь о свете. Помести две линзы напротив друг друга и пропусти луч через обе — конечно, нужно сначала правильно подготовить стекло, сделать пирамидку. Сначала из чистого белого света получится радуга, а потом она вновь соберется в белый свет. Это — дисперсия. Я — дисперсия.

Он обернулся.

Человек с мягким голосом был высок даже по сравнению с ним, очень худ — но не истощением вечно голодного раба, а от природы; легким и узким, как благородный вооский клинок. Он и есть воосец, судя по бледной коже и темным волосам, и характерным чуть заостренным чертам лица. Черный с зелеными и золотыми вставками многослойный наряд не позволял ошибиться: Светоч. Старше Линнан эт Лан, на вид — лет на тридцать, на самом деле — возможно, все триста.

«Да и тьманник с ним».

«Я его не боюсь».

— Вы меня называете Гасителем, но я — дисперсия. Вот, что я такое. Если хочешь ответы, верни меня в реальность. Нас. Я-Мы Айнар Венегас. Это не мое имя. Нет, все-таки мое. Я-мы. Я... Билли, он сейчас решит, что тебе пора галоперидолу вмазать. Что такое галоперидол? Ты сейчас испугался питерской улицы, чтоб понимал. Не знаю никаких «питерских»...

Он перебил себя же и закричал, сжимая виски:

— Прекрати!

Высокий человек подошел ближе и осторожно взял за руки.

— Смотри мне в глаза, разрушенный свет. Смотри и рассказывай всю правду.

И он заговорил, а потом где-то очень издалека, фоном, услышал.

— Это было несложно, но мне стоило догадаться. Двоедушник, визитер из чужого мира. Занятный экземпляр. Линнан! Не забудь записать то, что он потом рассказал! Вот это, про... хлопок, да.

— И про серную кислоту. Еще азотную. Наставник, а вам известно, что это...

— Неважно! Просто запиши и уходи. Неужели ты не могла сделать нечто подобное сама?

— Простите, наставник.

— Он ведь сам подсказывал! Двоедушники всегда таковы, не могу «договориться» внутри собственного разума... Впрочем, неважно. Глупая девчонка. Идем.

Снова свет.

«Да хватит уже», — Айнар зажмурился. Он лежал навзничь, и белое сияние буквально залило глаза. Пришлось перевернуться, уткнуться носом в пол.

Голова болела, словно с похмелья.

«Это все Линнан. Как она там говорила, животворящий напиток? А я и купился. проклятье. Чтоб ей...»

— Как ты себя чувствуешь?

«Легка на помине».

— Что этот тип со мной сделал? Я помню видение, а там этот долговязый воолец. Ты его называла наставником. Какого...

«Тьманника?»

«Черта. Дьявола».

— ...он со мной сделал?!

Линнан по-прежнему носила перевязь через правую сторону лица, но теперь место кровавого бинта заняло нечто воздушное, кокетливо-цветастое. Щеки порозовели, корка с губ исчезла без следа — они были розовыми и свежими, как цветы после полива.

— Выведал рецепт чего-то, что ты называл «нитроцеллюлозой».

Айнар сел на полу и коротко засмеялся.

— Серьезно? Зачем?

— Он хотел знать, как ты убил Маирри эт Силу.

Айнар помрачнел.

— Я помню и другое. «Двоедушник».

— Да, он говорил, что в тебе две души. Одна принадлежит нашему миру, а другая нет, но Гаситель — они обе. На самом деле, наставник считает, что если разделить, то ты станешь неопасен.

— Дай догадаюсь. Он не знает, как это сделать, а тебя прислал выяснить, и ты опять будешь выносить мне мозги. Достало. Я чувствую себя пережравшим «солей» наркоманом. Проклятье, не совсем понимаю, о чем говорю. Этот сейчас опять заявит «Билли, тебе и не полагается понимать».

Он вздохнул.

«Я-Мы Айнар Венегас. Что бы это ни значило».

Линнан помолчала.

— Наставник все знает. На самом деле, я об этом пришла с тобой поговорить.

Айнару захотелось что-нибудь взять в руку, сжать указательным и средним пальцем. Он подумал о монетке. Потом — об очках, которых отчаянно не хватало.

«По крайней мере, у меня целы оба глаза», — он уставился в упор на красивую повязку Линнан. Почему Светоч не воспользовалась какой-нибудь Искрой жизни и не отрастила себе новый? У магии есть ограничения, или ее просто наказали за неудачу?

Айнар ставил на второе.

Отсутствующий глаз — сойдет за доказательство того, что она не лжет?

«Поговорить».

— Ты снова полезешь мне в голову и будешь вытряхивать из нее тьманник знает что, как из старого мешка.

— Плетение разумов было бы проще, — Линнан быстро поджала губы, но потом улыбнулась. — Впрочем, выбор за тобой.

— Я выбираю говорить словами. Ртом. Никаких вот этих вот штучек, — Айнар постучал себя по виску и сел на койку. Холодная. Его морозило, то ли простудился, то ли просто заканчивался запас прочности.

— Надеюсь, нас не подслушают, — Линнан сделала шаг навстречу, но вплотную так и не приблизилась, будто опасаясь, что он выхватит взрывчатку и убьет ее, как убил серебряного парня.

— Ты уж позаботься об этом.

— Хорошо, — Линнан сделала жест руками, словно присыпая солью салат или кусок

мяса. — Итак, поговорить. Наставник желает разделить тебя. Разорвать души. Разъединить. Это, скорее всего, убьет тебя, а он получит...

Линнан осеклась, но Айнар догадался:

— Какую-то особо могущественную Искру?

— Вроде того. Анти-Искру. Ты же сам говорил про антивещество. Я не хочу, чтобы он получил эту Анти-Искру, понимаешь? Старшие Светочи равны между собой по силам и могуществу, и только поэтому Глеора еще цела, Пылающий Шпиль не загорелся на самом деле. Правило баланса придумано еще Звездными Туманностями. Самыми первыми Светочами. Гасители приходили и прежде, но их убивали, обычно — без лишнего шума. Наставник впервые хочет нарушить правило баланса, а если сумеет, то всем нам...

— Полный трындец, — закончил Айнар.

Слово «трындец» удивило их обоих. Айнар пожал плечами. Линнан отразила его жест, словно передразнивая. Она все-таки сделала пару шагов, села на пол, который, как заметил внезапно Айнар, умудрялся оставаться чистым и белым, в отличие от пленника, содержавшегося в камере. Хорошая штука — магия.

— Разделить Двоедушника-Гасителя почти невозможно. Наставник говорил, это как одно целое, только с двух сторон. Наверняка, кто-то из Светочей уже пытался, но ничего не получилось. А теперь он считает, будто нашел способ и не терпит его испробовать.

— А что я могу сделать? — Айнар поймал себя на каком-то равнодушии. Все эти высокие материи о душе и разделении звучали издали. Вот если бы Линнан пообещала, что ему ногу отрежут или кишки вытащат — совсем иной эффект. — Кстати, ты обещала рассказать про Эрика Камерра. Кто это? Почему какой-то проклятый работорговец так важен?

— Эрик Камерр не работорговец, — сказала Линнан. — Он тоже Светоч. Предатель и агент Воосы. А еще Эрик Камерр поклялся уничтожить Пылающий Шпиль. Это он вытащил твою... вторую часть из другого мира.

— Нет, — внезапно перебил ее Айнар.

Он схватился за виски. Он помнил другое.

Белка. Лес Цатхан. Волк. Я убил радужного волка, от которого воняло падалью.

Я...

«Пришел в тело, которое уже было Айнаром Венегасом».

— Вот же черт.

— Да. Он провел какой-то ритуал, чтобы пробудить твою силу Гасителя. Я не знаю этого ритуала, — Линнан внезапно смутилась. — Я всего лишь ученица. Мы догадывались, что ты появишься, поэтому отправили Маирри эт Силу в Орон, как только появились сведения.

«А как же Гарат?»

«Она говорила о троих — Техник, Доктор... Философ? Математик? Кто там еще третий? Мы все — Гасители. Или нет?»

Линнан таращилась в упор. Ее единственный глаз медленно выцветал из фиолетового в блекло-желтый, как сердцевина слегка помятой ромашки.

— Другие есть. Но тебе Эрик Камерр дал особую силу.

«— Так я еще и избранный, выходит?»

— В том же самом смысле, в каком человек с полидактилией. Или фатальной семейной бессонницей».

Айнар встряхнулся.

«Она знала? Или нет?»

— Я убил Эрика Камерра.

— Не специально, если тебя это утешит.

Айнар криво усмехнулся.

— Соблюдайте технику безопасности при работе с высокотоксичными и радиоактивными материалами. Понимаю. Хорошо, предположим.

«Я хочу узнать про этого Камерра больше, но не сейчас. Я в плену, а эта девица мне не друг».

— Так что будет делать твой наставник? И как мне защититься?

Линнан вздохнула и очень просто ответила:

— Он причинит тебе боль. Твоя задача — выдержать. Не самая простая задача, но ты уничтожил двоих Светочей, так что полагаю, справишься.

Айнар едва не спросил: а кто выбил тебе глаз, но хватило ума промолчать. Он опустил голову, разглядывая собственные босые пальцы. Смуглая кожа не стала грязнее за несколько дней, ему хотелось принять душ и почистить зубы, но в целом, сохранялось ощущение некой законсервированной ловушки или временной петли.

Все еще тот полдень в Могро. Он пришел вступать в Гильдию ремесленников. Он оставил свои вещи Барри Привратнику. У него украли деньги, вот, почему не получилось вступить, хотя сталь выплавил отличную, и меч получился гибкий из-за легирования молибденом. А потом они потребовали десять гхэ.

«Вот, сколько стоит моя жизнь».

«Бери выше. Множество жизней, если тот тип получит антивещество из души Гасителя».

«Тьфу, можно мне обратно в науку. К серной и азотной кислоте. Мартеновским печам. Древесному углю, селитре и сере. Кислотам и щелочам. Можно даже к дисперсии света — только настоящей, которая с линзами, я покажу на собственных очках. Верните очки, сволочи».

— Боль.

Айнар сглотнул и почесал кадык. Щетина отросла совсем немного.

— Ладно. Спасибо за предупреждение. Догадываюсь, ты не просто так мне помогаешь, но буду надеяться, тебе просто дорог старый добрый мирок, каким бы уж ни был.

Линнан улыбнулась и погладила его по щеке, словно потрепала собаку.

— Все будет хорошо, — пообещала она, прежде чем по своей — несколько раздражающей, — привычке исчезнуть.

Айнар ожидал моря и берега.

Айнар ожидал кромки леса Цатхан — там он видел белку, помнил ее. Важная птица. То есть, белка.

Айнар ожидал той площади в Ороне, где Гарат Ашшала вскрывала горло мальчишке, а потом его родители вместе с остальной толпой окружали в раболепном порыве «сжечь, убить», и все по приказу говнюка с серебряными волосами и двух говнюков рангом пониже, зато без спецэффектов.

Айнар ожидал — совсем немного, но почему нет — кузницы в зале Гильдии ремесленников, что на Собачьем рынке; он создавал там сталь, в которую вложил душу. Метафорически.

В конце концов, этот «наставник» хотел именно эту метафорически-условную субстанцию. Метафизически.

Дверь открылась. Человек в черно-зеленой мантии вошел и одним взмахом руки стер стену. Айнар не успел даже попятиться или спросить: какого тьманника ты творишь?

Просто исчезла стена. И дверь. Белый куб без теней стал обычной камерой: старый камень с налетом розовой плесени-ряски, заполонившей столицу. Кое-где следы то ли кусков железа — заостренных ложек, обломков тарелок. Пленники пытались выбраться или хотя бы оставить о себе память. Айнар прочитал имя Кор. т и Ф. ра. Часть букв истерлась от древности.

«Тогда куда делась стена?»

Он подошел ближе, опасливо оглядываясь на человека в черно-зеленом долгополом наряде, но тощий мужик лет сорока пяти вообще не вызывал ни ужаса, ни благоговения. Никакого тебе серебра или меняющих цвет волос-глаз.

— Ты можешь уходить, — сказал «наставник». Айнар остановился.

— Ага, — хмыкнул он и инстинктивно закрыл лицо.

— Это правда. Ты можешь уходить.

«Видение. Сейчас я соглашусь, а потом провалюсь в какую-нибудь геенну огненную, и там меня сожрут крабы с алмазными клешнями», — Айнар попробовал укунуть сгиб указательного пальца, ощутил губами загрубелую кожу, чуть тоньше, натянутую — на костяшках. Больно. Он не проснулся, видение не исчезло, человек стоял на своем месте. Стена пропала. В коридоре висела пара «свечей» из почти выработанных Искр — узкий проход, похоже, змеился и ветвился вправо, влево, вверх и вниз. Про «застенки» Пылающего Шпиля не зря говорили — не одна тут камера. И не десять.

— В чем подвох?

— Никакого подвоха. Ты можешь уйти.

Айнар сделал шаг, второй, третий. Сбитый с толку, он остановился за невидимым порогом — «я прошел сквозь стену, или он правда растворил ее?». Хотелось обернуться. Нельзя оглядываться.

Айнар продолжил идти, ощущая на себе взгляд человека в черно-зеленом. Взгляд был липким, как смола, тяжелым, словно свинец. От него хотелось почесать спину и — ну да, обернуться.

Никто его не задерживал. Айнар остановился, слыша где-то в глубине цитадели Светочей мириады звуков; и ему пришло в голову, будто идет по нутру гигантского чудовища, вот здесь работает и переваривает пищу желудок, в котором поместится целый город, а там — бьется сердце размером в десяток кораблей, связанных друг с другом. Кровь бежит по венам. Кузнечные меха легких раздуваются, поглощая с каждым вздохом целое небо.

Чудовище проглотило его, а теперь выплевывает.

«Вранье».

Линнан предупредила, что... а с чего вообще Айнар поверил Линнан? Она — Светоч. Ей поручили подчинить «Гасителя», но у нее ничего не получилось. Может, этот тип, наставник, решил что-нибудь вроде — «да ну его к тьманнику под зад, пусть валит, куда заблагорассудится».

Отличная же версия, правда?

— Направо, потом налево и вверх по короткой лестнице, — раздался снова голос

«наставника», мягкий и приятный.

Айнар все-таки обернулся. Тот стоял на своем месте.

— И вы правда меня отпускаете?

Сложные одежды зашуршали: человек пожимал плечами. Даже несмотря на накладки и переусложненный фасон, было заметно: плечи узкие, а сам тощ, как самый заморенный раб.

— Да.

Тощий тип улыбнулся.

— Тебя — да.

Это «тебя» было предупреждением. Восклицательным знаком.

— А кого — нет?

— Обрати внимание, ты сам этот вопрос задал. Видишь ли, я не хочу принуждать тебя к каким-либо сделкам, соглашениям, вынуждать делать то, что тебе совершенно точно не понравится. И лгать не имею намерений. Даже если у меня есть кое-какие предложения, возможно, тебе они не...

— Да говорите уже!

Айнар закричал и ударил кулаком по каменной стене. Костяшки вспыхнули болью. Линнан говорила о боли.

«Вот, начинается», — где-то очень, очень глубоко внутри Айнар испытал нечто вроде облегчения. С играми Светочей успел познакомиться. Сейчас тот начнет юлить, как леза, кусаться, словно змея и окуривать его дымом корня таума, словно в подпольной курильнице.

— До выхода будет дверь. Ты ее не откроешь, но можешь отодвинуть решетку. Ты все поймешь.

Расстояние до черно-зеленого было немалым, да и царил в коридоре полумрак, и все же Айнар разглядел: ухмыляется.

Прекрасно знает, что сделает его жертва.

«Не открывай. Это же ловушка. Просто не открывай, уйди, спрячься, сбеги. К тьманнику ремесленников. Попроси совета у Гарат. Или просто...»

Айнар дернул толстую дверь. Закрыто.

«Не делай этого, придурок».

Он остановился, потянувшись к решетке. Маленький рычаг удобно лег под пальцы.

«Они отпускают тебя, не все ли равно, что там».

— Если я уйду...

— Вернуться не сможешь. Твой выбор.

— Это не выбор, это долбанная ваша игра.

— Нет, все честно. На самом деле, ты знаешь, что увидишь.

Позже Айнар думал: знал. Ну правда — знал. И все-таки закричал, когда дернул рычаг, и за решетками разглядел знакомое белое сияние, а в нем — скованных цепью Иванку и Зоэ Кейпер. Обе беззвучно кричали, застыли в мгновении крика — лица исказились почти неузнаваемо. Айнару пришлось смотреть на волосы, бесцветные и рыжеватые. Казалось, что они сидели в одной позе несколько лет. Или месяцев. Точно — недель.

На белизну пола из-под кандалов на руках и ногах стекала густая, похожая на красное масло, кровь.

Иванка дернулась от дуновения свежего ветра. Ей не хотелось просыпаться, не хотелось приходить в себя; она не вспомнила бы, сколько дней или недель провела вот так — в одной связке с Зоэ, пока железные браслеты грызли и грызли их соединенные запястья и голени. Ей снилась Курица: голодная псина привела целую стаю, всех блохастых шавок Собачьего Рынка, и лишайные дворняги, превратившись в чудовищных монстров, грызли и глодали их. Лоскут за лоскутом обдирали кожу. Проглатывали куски мяса, но мяса им не хватало — тонкие руки, худые, костлявые. Тогда твари принимались перемалывать кости, отвратительный хруст раздавался в тишине, в белой темноте.

Иванка просыпалась.

Никаких собак: только клыкастые оковы.

Зоэ дышала над ухом: обычно ровно, порой чуть прерывисто. Светочи с ними что-то сделали — заморозили все внутренности, не хотелось ни есть, ни пить, ни избавляться от телесных отходов. Иванка догадывалась: вовсе не из человеколюбия они это сделали, просто кровь вытекала медленно, боль растягивалась бесконечно, а не примени магию — обе девушки давно бы отправились в мир иной, где, говорят, вечный свет и благословенное сияние.

Если оно похоже на камеру Пылающего Шпиля, то Иванка точно не хотела умирать: слишком страшно.

Боль возвращалась и повторялась: почти всегда на грани терпимости, не настолько, чтобы орать в голос. Хруст костей, рвущиеся мясные волокна. Кровь вытекает медленно, крохотная капля за еще более густой. Если зажмуриться, то невидимые псы вонзают клыки в живот, бедра, срывают зубами полоски, а потом зубы превращаются в раскаленные палки — из гибкой орешниковой древесины, она вымочена в соленой воде. Розги получают тонкие и такие податливые, что из них можно сделать пояс. Бьют такими с отяжкой, длинными ударами — палач задерживает дыхание, когда орешник вонзается в кожу, отнимает розгу не сразу. За деревом следует полоска сначала кожи, потом кровавой плоти, потом брызги свежего мяса и крови.

Иванка просыпалась: ни собак, ни орешниковых розог.

Откуда она вообще узнала про розги? Отец драл ей уши, мать однажды отхлестала мокрой тряпкой, когда Иванка едва не перевернула на себя огромный раскаленный котелок с супом — было не так больно, как обидно, потом поняла: мама просто жутко перепугалась.

Ее не били розгами.

Иванка понимала: это кошмары Зоэ. Она не рассказывала, что с ней делали Удо и Фран Кейперы, прятала свои шрамы по одежде, а теперь кошмары выливались вместе с кровью.

Было и другое, хуже розог. Узловатые пальцы с желтыми ногтями на бедрах, на груди. Щипки с тихим хихиканьем. Встань на колени и сними рубашку. Ты должна быть хорошей девочкой и показать, что у тебя под ней. Стыд, желание закрыться. Снова боль — теперь между ног.

Иванка не испытывала ничего подобного, но она знала, что такое эта боль.

«Мне-то полегче жилось», — сквозь липкий, отвратно-грязный кошмар пыталась думать Иванка. А еще она знала, что видит Зоэ: огонь, много огня, а потом под ногами хрустит детский череп. Действует ли на нее кошмар? Судя по коротким вскрикам — да.

«Прости».

Они пытались заговорить друг с другом, когда мучения слегка отступали, но едва произносили хоть слово, как накатывало заново. Приходилось кричать. Не говорить. Светочи не хотели, чтобы они говорили.

Кто-то словно стоял за спиной Иванки. У него был шепчущий мягкий голос.

Он рассказывал.

«У тесхенцев есть такая пытка: режут верблюда, срезают толстую, плотную меховую шкуру. Осужденному бреют голову — налысо, наголо. Мужчине или женщине, неважно. А потом заворачивают обритый череп в верблюжью шкуру, и не позволяют прикасаться, чтобы не снял. Такого человека кормят и поят, но обычно казнь убивает на восьмой-десятый день, когда шкура съеживается настолько, чтобы раздавить теменные кости. Некоторые умирают от расплотившихся опарышей: личинки любят перебираться с гниющей кожи в глаза или в уши несчастных жертв. Один из тридцати выживает, верблюжья кожа навсегда прирастает к голове — и человек забывает все. Имя отца и матери, собственное имя. Он может выполнять простую черную работу, и все называют его «безголовым».

С каждым словом на лбу и затылке Иванки затягивалась смрадная гниющая кожа, но вместо забытья вспыхивало белым: снова камера, железо. Костлявая спина Зоэ, ее прерывистое дыхание. Редкие крики. Она кричала всего несколько раз. Иванка чаще.

Может, Зоэ не такая уж избалованная городская штучка.

Если они выберутся отсюда, думала Иванка в перерывах между видениями пыток, я признаю это и попрошу прощения.

Лужа крови натекла небольшая: стакана два или три. Белая камера и почти черная маслянистая жидкость подсказывали, что не стоит ждать быстрой смерти. Они пробрались в Пылающий Шпиль и ранили Светоча. Они, вероятно, заслуживали еще более жуткой участи.

Однажды Зоэ все-таки сказала:

— Хочу умереть.

И всхлипнула.

Иванка промолчала, терпя очередной приступ боли — это были всего лишь собачьи морды в открытом дымящемся нутре.

«Я тоже».

А потом дверь открылась. Они уставились на Айнара: бледного, несмотря на природный смуглый оттенок кожи. Изможденного. Живого.

— Помоги, — почти выговорила Иванка.

Зоэ ее опередила:

— Уходи. Убей нас и уходи.

«Нет, не надо!»

Иванка не хотела умирать. Смерть — это совсем все. Даже если говорят, будто на той стороне обретаешь вечное блаженство и свободу духа, но ей и здесь неплохо. Она бы пнула Зоэ или укусила ее хотя бы, да обе сидели спина к спине — ничего не поделаешь. Пришлось противно зашипеть.

Айнар стоял и смотрел. Чуть пошатывался. Иванка уже видела его таким — в первые дни после того, как забрали от границы леса, раненого и умирающего; покрытый испариной лоб, обметанные, обветренные губы.

— Ну? — Зоэ даже щелкнула зубами, почти как Курица. — Убей и будь свободен, могущественный Гаситель!

Иванка затаила дыхание.

«Гаситель», — так назвала Айнара женщина с многоцветными глазами и волосами; невероятно-красивая — как последний вздох, как луч света, застывший в зрачке мертвеца. Ее звали Линнан эт Лан. Она сожгла Малые Ручейки. Она просто подняла руки и начался огонь, ни мать, ни отец, ни братья, ни маленькая Томмека не успели даже выдохнуть, даже испугаться по-настоящему. Смерть от огня страшная, грязная — Иванка как-то слышала, чей-то кум или сват уснул с чересчур разожженным очагом, а сторожевую Искру поставить забыл. Очаг вышел из своего каменного ложа, да и спалил всех. «Орал, бедолага, до последнего», — говорили взрослые. С Малыми Ручейками вышло иначе.

Айнар говорил: бывает невероятный жар. Посмотри на солнце, твердил он, поднимая голову и приглаживая свои вьющиеся темные волосы, это чистый жар, и если ты хотя бы на миллион миль приблизишься, то даже вздохнуть не успеешь, как превратишься в пар. Иванка ему не верила.

Но потом увидела, каково это. Светоч была солнцем.

И Светоч боялась его, Гасителя.

А еще ее звали Линнан эт Лан — и глаза у нее были живые, настоящие, когда в глазницу вошел каменный осколок, хлопнуло по-настоящему. Потекла живая кровь. Иванка торжествовала тогда, пускай и понимая: Светоч исцелит себя, вот и все.

Но глаз у нее лопнул, как переспевшее яблоко, и это был мягкий, сочный и приятный звук.

Иванка попыталась представить его сейчас. Айнар смотрел на них, готовый убить по просьбе Зоэ — совершенно безумный, больной, вывернутый наизнанку. Светочи могущественны. Они заставят служить себе, даже если того не хочешь. Айнар простой смертный. Айнар живой, теплый, Иванка прижималась к нему, когда засыпала, и хотела бы прикоснуться снова.

— Не надо, — всхлипнула она.

Тот обернулся; Иванка заметила фигуру, но не Линнан, а другого человека, того Светоча, который поймал их в роскошной комнате.

— Отпустите их, — сказал Айнар.

Зоэ напряглась. Тощая и мелкая, она была связкой мышц, твердых, как железо. Не раз и не два на самом пике боли — или тех видений, которые были хуже просто боли, — она превращалась в литую статую.

— Нет! — закричала Зоэ. — Не сдавайся ты этому ублюдку! Ты Айнар Венегас! Ты Гаситель! Ты способен их всех отправить в тьманникову задницу, не сдавайся, мы того не стоим!

Она сделала паузу и снова закричала:

— Не сдавайся! Слышишь?!

Айнар покачал головой и снова заговорил с тем, кто стоял за его спиной:

— Я знаю, вы хотите от меня чего-то. Понятия не имею, почему так нужен. Отпустите их, они ни в чем не виноваты.

«Это ты ошибаешься», — Иванка выразительно осклабилась, надеясь, что Линнан где-то поблизости.

— Идиот. Ты правда можешь все изменить, — Зоэ часто задыхалась. — Я читала книгу у Кейперов. Там говорится, что будет некто, противоположный всей магии — и он сумеет вылепить из мира новый. Как из мягкой глины. Это ты, Айнар Венегас, я сразу поняла. Не

Гарат, она живет в лесу Цатхан, дикие Искры ее не трогают, но и все. Ты тот самый. Ты должен...

— Заткнись.

Иванка изо всех сил дернулась. Затылок ударился о затылок. Зоэ сбилась.

— Юная леди совершенно права, — вновь заговорил голос, мед-в-улье. Миллионы огромных ядовитых пчел. Спелый, докрасна-желтоватый мед. — Гаситель Айнар Венегас. Настолько чужой, что это становится истинным могуществом.

— Да отвалите вы от меня! — закричал Айнар, он схватился за голову, мизинцы легли на глазные яблоки, словно тоже пытался их выдавить. — Отвалите. Отвалите. Я не какой-то там долбаный Избранный! Я не верю, что вашу магию можно уничтожить парой игрушек, вроде колодца или нитроцеллюлозы. Я убил того парня, Маирри эт Силу. И Эрика Камерра, наверное, тоже. Сознаюсь. Прошу снисхождения за потерю памяти, раздвоение личности и прочее. Я...

— Как твое имя в другом мире?

Мужчина в черно-зеленом преодолел короткое расстояние. Шагов двадцать или тридцать.

— Назови его.

Он взял Айнара за подбородок. Глаз у того стали белыми, а потом он сказал:

— Рави. Рави Иванов. Я просто искал работу. Хорошую работу, где будут нормально платить. Стоило пойти в айти. Или раскидывать гребаные закладки. Что угодно. Лучше этого.

Все это звучало как бессмыслица. Иванка закусила губу, а Зоэ пронзительно завизжала. Так, что лопалось что-то в ушах и на дне головы. Иванка закричала тоже, они вопили обе, пока замедленная темная кровь не выхлестнулась ярким алым фонтаном.

— Рави Иванов, — повторял Айнар. — Инженер. Живу в Питере. Ленка была права надо было вкатываться в айти и работать на удаленке. Я в рот имел всю эту вашу хрень. Эти белкины откровения насчет протомагии тоже. Повелся, спасти мир, мол, надо. Тоже мне, Фродо с Кольцом. Гарри Поттер с волшебной палочкой. Или наоборот. Черт. Билли меня задолбал, хотя спасибо ему, хоть помог ориентироваться в вашей дыре. Эй ты, мужик. Чего хочешь?

Айнар оперся рукой о стену.

Светоч стоял напротив него и широко улыбался: зубы блестели в тусклом отблеске отживших свое Искр-свечей.

— Я хочу разделить ваши души. Всем будет хорошо, правда? Девочек, конечно же, отпущу тоже. Ничего страшного не произойдет. Рави, вы поверили кому-то, кто ничего не понимает в нашем мире, но этот некто ошибался. Будь он отсюда, я бы заподозрил воосских или кьеннингарских, а может, тесхенских шпионов, но не будем тратить время на очевидную ерунду. Я знаю, что вам наговорили. Они солгали. Магия не убивает ни наш мир, ни какие-то еще. Она основа жизни здесь. Пытаться уничтожить магию — все равно, что обрезать корни у растения.

— Да что бы я сделал? Я всего лишь... — На этот раз Айнар почти выкашлял следующее слово, словно оно было рыбьей костью, застрявшей в горле. — Инженер.

Светоч плыл по воздуху, его голос заполнял все вокруг:

— Дело не в профессии, разумеется. Вы могли бы за счет своей силы Гасителя уничтожить гораздо больше, чем подозревали сами — хотя, полагаю, уже отчасти поняли

после убийства бедняги Маирри эт Силу. Но дело не в ваших познаниях в химии, физике или инженерии. Совсем нет, мы не противимся немагической науке.

Айнар застыл в неловкой позе. Иванка за ним следила, почему-то ожидая, что тот достанет меч откуда-нибудь — из свободных и болтающихся на талии холщовых штанов не первой свежести, должно быть. Айнар просто моргал.

— Не слушай этого ублюдка, — прошипела она. Зоэ ткнула своими острыми лопатками:

— Гаситель. Ты Гаситель. Ты можешь справиться с ним. Ты можешь...

— Послушайте меня, Рави.

Айнар кивнул, совершенно не обращая на них обеих внимания. Зоэ дернулась, заставляя железные клыки на руках и ногах впиться глубже, маслянистое пятно растеклось дальше своих привычных границ.

— Да. Я слушаю.

— Не надо, — Зоэ выгнулась, все мышцы свело спазмом. Иванка дернулась в ответ — они так долго сидели привязанным спина к спине, что словно бы срослись. Как деревья, привитые друг к другу. — Не надо, не вздумай...

Айнар обернулся, не обращая на нее внимания. Иванка притихла, стараясь почему-то запомнить каждую деталь. Это потом пригодится. Для чего — понятия не имела.

— Не надо, не связывайся...

Светоч в зелено-черном костюме — Иванка внезапно подумала, что они так и не узнали его имени, Линнан обращалась «наставником», сам он тоже не соизволил представиться, — подплыл ближе.

— Хорошо, Гаситель...

— Нет, не хорошо, — резко сказал Айнар. — Сначала вы отпустите девушек. И я прослежу за этим, чтобы никаких фокусов, никаких преследований. Вы меня хотите использовать в своих целях, разорвать душу и сделать из нее батарейку или вроде того. Знаете чего? Валяйте. Но только после того, как они будут свободны.

— Дурак! — крикнула Зоэ. — Нашел, с кем договариваться! Думаешь, он тебя не надует? Думаешь, ты договоришься с этой древней тварью?!

Светоч на нее не обратил никакого внимания. Словно птичка за окном чирикала. Айнар тоже как будто не слишком прислушивался, хотя Иванка ощущала, насколько он напряжен.

— Отпустите их, — повторил Айнар.

— Разумеется. Мы не станем подвергать ненужным страданиям невинных.

— Я уж надеюсь, — широко улыбнулся Айнар. Внезапно он повернулся и уставился в упор на Иванку. — Водяной таран работает у каждого. От Искры или нет. Водяной таран можно установить в любой деревне. Помнишь чертеж?

— Дурак! — снова крикнула Зоэ.

— Азотная и серная кислота, — продолжил он, и та осеклась. — Смесь работает с обычных хлопком. Пуф! Нитроцеллюлоза. Это называется нитроцеллюлоза. Ах да, та штука, которую ты забрала. Кремень и металл, совсем просто. Искры у тебя в кармане.

— Да я знаю! А ты, болвана кусок, сейчас расплатишься своей тупой жизнью! Мы пришли тебя спасти, понял!?

Светоч наблюдал за ними с ленивым интересом зеваки, который следит за перепалкой на площади. Не настолько захватывающе, чтобы бросить свое пиво и полезть с кулаками, но все какое-никакое развлечение.

— Это была не лучшая идея с вашей стороны, — заметил он. — Тем не менее, Гаситель, я согласен выполнить твоё условие. Девушек отпустят.

Светоч вскинул почему-то левую руку. Жест получился эффектным; звон расколотого металла дополнил его как нельзя лучше. Иванка почувствовала: руки и ноги свободы. Она попыталась пошевелиться, потом встать, и тихонько завывала: сначала побежали толпы «мураше», а затем суставы и мышцы свело судорогой. Зоэ осталась в той же позе даже когда Иванка вскочила, едва не поскользнувшись в собственной крови.

«У меня нет ран», — странно, только пара синяков на запястьях и лодыжках. Ее чуть передернуло. Лучше бы честные ссадины или порезы.

— Вставай, — она потрепала Зоэ по костлявому плечу. Та махнула головой, светлые

блеклые волосы растрепались, соляными сосульками прилипли ко лбу, щекам, встопорщились на затылке, словно у больного и озлобленного зверька.

— Не смей, Айнар Венегас! Я пообещала защитить тебя!

— Уходите, — сказал тот очень спокойным и каким-то усталым голосом, словно не орал только что совершенно чужим тоном, не выкрикивал странные — иномирные, теперь понимала Иванка, — слова.

«Билли».

«Кто такой Билли».

«Я спрошу его потом, а может, и не стану».

— Ну? Валите отсюда, — Айнар подошел к Зоэ, сгреб в охапку и заставил подняться на ноги. Иванка чуть попятилась. Зоэ скривилась и со звоном залепила пощечину — у Айнара аж голова назад отдернулась. Смешно так. Нет, не очень смешно.

— Вот и отлично, — он потер уголок губы, где выступила капелька крови: Зоэ сцарапнула сухую обезвоженную кожу. — А теперь катитесь отсюда, без вас разберусь, что мне делать.

— Сукин сын. Предатель.

Зоэ встала между ним и Светочем. Последний ждал у выхода из камеры. Иванка — в паре шагов от всей этой сцены. Она прикинула: можно ли незаметно выскользнуть и убраться, но потом решила: я не трусливей Зоэ. Они сожгли мой дом. Они убили моих родителей.

Они...

«Всесильны. Айнар это понимает. Он решил принести себя в жертву», — в носу защипало, словно сырого лука хватанула целый кусок. Иванка моргнула горячими и сухими глазами.

— Что вы хотите с ним сделать? — спросила она у Светоча.

«Пепел».

«Все становится пеплом».

— Обезвредить, — тот ответил даже с легкой улыбкой, и голос его снова был сладким, как весь сахар и весь мед разом. Светоч щелкнул пальцами, привлекая внимание Айнара и Зоэ: те обернулись почти непроизвольно. Иванка уже смотрела в сторону Светоча.

— Мы давно ждали и боялись Гасителя. Да, мне известно, юная леди, — черно-зеленое одеяние зашелестело, Иванка почувствовала себя на площади, в центре деревни, все на нее смотрели и тыкали пальцами. — О судьбе вашего дома. Это была жестокая и излишняя мера. Просить прощения не смею: такое нельзя простить. Попытаюсь лишь объяснить, что к чему.

— Да пошел ты... — начала было Иванка. Большая ладонь Айнара легла на плечо. Он был ужасно горячим, точно уже пылал огонь изнутри, остался лишь остов и кожа, скоро смуглый покров провалится внутрь, останется серый пепел — может, несколько костей.

— Гаситель — это искусственно созданное нашими недругами из иного мира создание. Враги ненавидят магию, стремятся уничтожить ее во всех проявлениях. Я бы мог назвать завистью — нам доступно то, что недоступно им, но на самом деле они лишь жаждут высвобождения энергии. Иванка, господин Венегас ничего не рассказывал о взрывах и высвобождающихся веществах? Ну вы-то, Зоэ, наверняка видели реакцию кислоты с щелочью.

По лицу Зоэ Иванка поняла: да.

— Итак, некие враги хотят получить энергию. Они создают существо из души и не-

души, привлекая близнеца-антипода. Уроdlивое, несчастное создание, — Светоч покачал головой, в интонации появилось истинное страдание.

«Словно у него корова подыхала родами», — подумала Иванка. — «Искра жизни не помогла, придется забить ее и теленка».

— Этот «близнец» — двоедушник, человек с двумя сущностями. И ходячий... чему вас научил господин Венегас?

— Водяному тарану, — заявила Иванка, с вызовом уставившись на Светоча. — Знаете, такая штука, работает без всяких Искр и качает воду.

— Да, конечно. Но я имел в виду не это. Зоэ?

Та опустила голову.

— Две кислоты. Хлопок, — шепотом выговорила она.

— Верно. Кислоты и хлопок, ждущие своего мгновения, чтобы взорваться. Вот, для чего враги привели сюда Гасителя. Детонатор, сказали бы в его мире. И, конечно, наговорили об опасности магии, верно, господин Венегас?

Теперь Светоч подошел к Айнару. Они были почти одного роста — человек в зелено-черном даже выше немного, но почему-то Иванке казалось, будто он носит каблуки. Айнар тяжело дышал, а потом проговорил:

— Да. Именно так говорили.

Светоч улыбнулся.

— Это ложь. Не ваша вина, что вы ей поверили. Не ваша вина в том, что вы являетесь тем, чем являетесь. Это все неважно. Мы порой действуем жестоко — наверное, как и любые... инквизиторы, так нас называли, — слово было незнакомым Иванке, но Айнар его явно опознал, кивнул в очередной раз. В белом свете его смуглое лицо было сейчас совсем серым, как будто снова потерял уйму крови и умирал от дыры в животе.

— Они наняли убийц, — не выдержала Иванка.

Светоч, Айнар, даже Зоэ обернулись на нее.

— Что? — спросила Зоэ.

— Убийц. Ты сам говорил. Я нашла тебя у кромки леса. Ты умирал, потому что Светочи хотели тебя просто убить, а теперь ты стоишь и слушаешь вот этого хитрозадого говнюка, да?!

В ответ Айнар смотрел долго и так пристально, как если бы объяснял что-то простое — гораздо проще водного тарана, но Иванка не понимала ни словечка, хоть кол на голове теши. Она даже застыдилась, пускай вообще-то стыдиться было нечего.

«Я права», — зло думала Иванка. — «Я права. И даже Зоэ. Я не хочу умирать, но и он не должен подчиняться этим уродам».

— Убийцы давно мертвы, — сказал Айнар. — Правда, «наставник»?

От этого слова Иванка передернула плечами. «Линнан эт Лан» называла типа в черно-зеленом «наставником». И она же сожгла Малые Ручейки.

«Ненавижу их всех».

— Да, — подтвердил «наставник». — Кейперы наняли головорезов, чтобы избавиться от тебя. Они слишком испугались, — тонкие губы чуть искривились, а остальное лицо сохраняло неподвижность восковой маски. Просто удивительно, какие детали подмечаешь, разглядывая из неподвижной позы и когда вокруг этот неестественный белый свет. — Испугались нас. Больше никому не причинят вреда, если вас это беспокоит, господин Венегас.

— Меня это никогда не беспокоило, — Айнар чуть передразнил «наставника». — Разве, пока ехал на лошади с дырой в животе и оставлял кровавые следы. А потом умирал. Иванка меня спасла. Зоэ — тоже. Мне, — он то ли вздохнул, то ли усмехнулся. — Везет на девушек, которые выручают из беды. Поэтому сначала вы их отпускаете и я убеждаюсь, что они в безопасном месте. А уже потом, так и быть, послушаю о сделках.

Его лицо исказилось, после чего заговорил словно двумя голосами одновременно: похожими, но неодинаковыми. Иванка подобралась, до последнего она не верила в эту слегка заумную чуть о двоедушниках, других мирах, магии-немагии, еще и враги какие-то у Светочей появились.

А теперь видела.

Очень похожее лицо — но не Айнара.

Очень похожий голос — тоже не его.

— Это наше условие. Билли настаивает. Сам ты Билли. Айнар. Я-Мы Айнар Венегас. Это наше слово.

— Отлично, — «наставник» подошел к связанным девушкам. В пальцах блеснул ключ, который вставил в замочную скважину. — Подойди, убедись, что они свободны.

Иванка не успела пошевелиться. Зоэ шепотом выругалась: Айнар сократил расстояние до пары ладоней — и этого оказалось достаточно Светочу, чтобы всеми десятью длинными белесыми пальцами вцепиться ему в горло. Из-под ногтей струилось сияние.

Однажды Иванка видела дикую Искру: прозрачное полу-видение, от которого торчали дыбом волосы. Сейчас молния шибанула до потолка, раскалывая его темной трещиной и уложив черный провал на полу. Айнар повис в хватке Светоча, задыхаясь, кожа покрылась фиолетово-синей коростой.

«Он мертв».

— Ты Гаситель, — сказала вдруг Зоэ.

Иванка повторила эти слова, совсем не понимая, как они сейчас помогут. Айнар умрет через пару секунд, ну или уже мертв.

Но погасло.

Вообще все вокруг.

В темноте Иванка высвободилась. Она так рада была наконец-то отлипнуть от Зоэ с ее костлявой спиной, угловатыми плечами и манерой даже в застенках Пылающего Шпиля держаться так, словно ее ценное мнение спрашивали всей деревней, ну или городом, что пропустила: а где Айнар?

Но потом увидела его.

— Он... — Иванка задохнулась. Она протянула вперед руку — темнота постепенно рассеивалась, эпицентром был Светоч и Айнар, соединенные вместе.

Зоэ перехватила ее запястье. Оковы упали. Они обе, наверное, могли уйти: дверь открыта. Если выберутся по всем коридорам, если никто не перехватит по дороге, вполне может сработать. Донна их все равно давно похоронила, но Иванка сомневалась, что еще и оплакивала, а возвращаться в подземное пекло кухни точно не хотелось.

«Уходим, пожалуйста».

«До того, как я рассмотрю, что с Айнаром».

«Он нас предал, да? Он пошел на сделку со Светочами. С этим уродом в черно-зеленом наряде».

«Я ничего не хочу знать про Айнара!»

И все же она смотрела, потому что больше не появлялось ни источников освещения, ни заметных объектов. Белое «ничто» стало черным. Айнар и «наставник» остались.

— Он... — начала Иванка.

— Высасывает. Полагаю, это так можно назвать, — с неожиданным спокойствием проговорила Зоэ.

«Наставник» держал Айнара на вытянутой руке. Пропорции исказились: Светоч будто увеличился вдвое в росте. Рослый Айнар смотрелся не крупнее десятилетнего мальчишки. Рваная рубашка сползла в темноту — предположительно, на пол, и было видно, что когти проросли в кожу и плоть.

«Сообщающиеся сосуды», — пришло Иванке в голову. Айнар говорил о таком явлении, когда объяснял принцип своего водяного тарана. На стыке «сосудов», там, где коготь прирос к груди, конечность трансформированного Светоча стала прозрачной, зеленовато-белой. Под тонкой пленкой пульсировало красным, линяло в розовое, оранжевое, золото.

— Зачем он делает? — спросила Иванка чужим и глупым голосом.

Зоэ посмотрела на нее, как на последнюю дуру. Иванка попыталась задать вопрос поумнее:

— Мы можем помочь Айнару?

Зоэ покачала головой.

— Не думаю, это же магия. Мы не Светочи.

Иванка всхлипнула.

— Я... сбежала, когда сжигали Малые Ручейки. Мою деревню. Я спряталась и поэтому спаслась. Я не хочу снова прятаться.

Боль исчезла вместе со сгинувшими во тьме кандалами. Мрак окутал словно бы целиком Пылающий Шпиль, а с ним город Могро, Глеору, Кривое море — с лесом Цатхан, до Воосы и Тесхена. Может, до Кьеннингарских островов. Звезды просыпались, как горькая соль, и растворились. Тьма поглотила все.

Иванка шла к похожему сейчас на старое сухое дерево «наставнику»: фигура выросла еще на половину человеческого роста. Айнар покачивался, словно на виселице. Точка сообщающихся сосудов пылала в такт биению сердца.

Откуда-то Иванка знала: пульсировать будет все медленнее, а потом затихнет.

Иванка запнулась за что-то, едва не упала. Звякнул металл. Не отрывая взгляда от соединенных фигур, она присела на корточки, нашарила кандалы — они оказались легкими, словно не из железа, а из какой-то дешевой стружки.

— Ты чего делаешь... — начала Зоэ. Иванка не обернулась, та сама замолчала.

Хотя Иванка вполне могла ответить.

У сообщающихся сосудов слабое место — как раз стык. Трубки ломаются в таких местах. Айнар просил ее запомнить, понять. «Потому что тебе чинить этот таран, случись чего. Он не вечный, да и ничего не вечно». Иванка тогда ответила: «Даже Искры», — и это был не вопрос. В конце концов, у отца как раз погасла собственная рабочая Искра в тот день, когда она нашла Айнара у кромки леса Цатхан.

Сейчас Иванка просто швырнула кандалы в тонкий на вид стык между костистым пальцем-крюком и залитой кровавым светом грудью Айнара.

«Это не сработает. Нужна магия. Нужно то, что есть у Светочей, чего нет у простых смертных».

Тонкое железо вспыхнуло и стало синей звездой, отчего в голове Иванке отозвалось мелодией — или журчанием воды под землей, или говором людей, а потом эти мягкие звуки разорвались в гортанный предсмертный крик. Звезда ударилась в сочленение «сосудов». Зазвенело разбитое стекло. Красный свет забил фонтаном. Падая на пол, капли продолжали пронзительно и ярко сиять, обозначая камень камеры, щербинки, даже отблески и рефлексии на стенах, на решетках, на камнях за пределами камеры. Где-то мелькнули фигуры — может, другие Светочи испугались и бежали теперь сюда всей толпой. Может, Иванке просто показалось.

Айнар рухнул в темноту, вокруг тела растекалась лужа то ли крови, то ли зарева.

— Надеюсь, ты его не добила, — произнесла над ухом Зоэ странным, чуть скрипучим голосом, заставив похолодевшую Иванку прикусить губу, а потом рвануться к Айнару. Путь ей преградил Светоч, размахивающей хрупкой на вид раздробленной веткой-рукой:

— Ты. Мелкая. Что. Ты. Натворила.

В нем не осталось ничего человеческого — сухое дерево с лицом из застывшего камня, плиты передвигались с хрустом и скрипом мелкой гальки под подошвой, когда он говорил. Фигура растянулась в пространстве, обросла сотнями ветвей и сучьев, хлесткими лозами темно-зеленого цвета, черными фрагментами застывшей коры. Наставник-дерево заслонил Айнара, только красный свет еще проникал сквозь целую густую рощу.

— Что. Ты. Натворила.

— Цатхан, — сказала Иванка. Она дернулась вправо и влево, везде были ветви, побеги, даже листья. — Это же твое имя. Это ты — лес. Ты — Цатхан.

Айнар лежал на земле. Точно не на камне: влажную сырую почву, характерный запах то ли перегноя, то ли грибницы ни с чем не перепутать. Лежал он ничком, отчего дышать было трудно. К губам и носу прилипли сухие листья, от них все чесалось, и он перевернулся, стряхивая эту старую гниль.

«Лес».

«Лес Цатхан, где водятся дикие Искры».

Память о прозрачном волке, который мелькал бликами радуги — и вонял, словно выгребная яма на скотобойне, — оказалась очень даже свежей. В отличие от запаха. Запах появился снова: издалека тянуло, слабо, но этого хватило, чтобы пустой желудок подтянуло к горлу. Пришлось дышать ртом.

«Почему я здесь?» — но настоящего любопытства Айнар не испытывал, где-то в затылке словно звучал то ли шепот, то ли тихая колыбельная: расслабься. Лежи — с опущенной вниз или поднятой головой, выбирай сам, просто лежи и не двигайся.

Лес Цатхан средоточие магии. Гарат говорила, это место не такое уж плохое, оно вроде как помогает.

Айнар пытался вспомнить что-нибудь, кроме волка. Толком не получалось, только покачивались толстые золотые нити со внутренним светом — если бы не они, сгустилась бы вековая тьма.

— Это же твое имя, — услышал он издалека женский голос, настолько искаженный, то узнать получилось не сразу. Вернее, Айнар определил методом исключения: знакомый, но не Гарат. Не Зоэ. Иванка.

Ну да, конечно, она.

— Это ты — лес, — продолжала Иванка. Айнар даже поморщился: ну разве не очевидно? И зачем говорить вслух? Она бы еще била палкой море.

«Погодите-ка».

Айнар сел. Золотые лозы извивались и обвили запястья. Он дернул, чтобы разорвать их, получилось с третьего или четвертого раза.

«Эй, ну в самом деле. Погодите. Я не должен оказаться здесь. Я не доехал, лошадь убежала, а я лежал и истекал кровью. Иванка нашла меня».

Он тронул живот, почти не удивленный влагой. Никакой боли Айнар не ощущал, но попытался нащупать рану: на предполагаемом месте печени ничего. Он поднял руку выше.

В груди зияла дыра. С каким-то тошнотворным спокойствием Айнар протолкнул пальцы внутрь — кожа, выломанные ребра — словно кто-то довольно неаккуратно достал костяной кусок. Он нащупал собственное сердце: тугой плотный мускул, скользкий от крови.

По-прежнему не больно.

По-прежнему он жил.

Айнар ткнул пальцем сердце и снова успокоился: дурной сон. Или видение. Или то и другое. Люди не живут со вскрытой грудной клеткой, с выломанными ребрами, с открытым сердцем.

«Погодите-ка», — снова ударила в голову догадка. Сердце под указательным и средним пальцами дрогнуло трижды, заколотилось быстрее. — «Очень даже живут, ну там, на

операционном столе. С кислородной маской», — проверил, никакой маски. Немного грязи на щеке, вот и все. — «Или...».

Айнар сглотнул. Посмотрев чуть вниз, он понял: кровь вытекает и становится светом — вот этими золотыми лозами. Нет, не так: каждая лоза и каждый источник сияния — это его кровь.

Откуда-то вновь раздался голос Иванки:

— «Ты — лес Цатхан».

Айнар понял: он внутри.

Глаз бури. Самая глубокая точка леса и магии.

Человек, которого Линнан эт Лан именовала «наставником», вобрал его в себя; проглотил, словно чудовищная рыба из легенд, хотя, может быть, не в прямом смысле.

«Двоедушник».

«Он хотел разделить нас».

«У него получилось, и я теперь заперт здесь — в лесу Цатхан».

— Выпустите меня отсюда! — заорал он, разбрызгивая золото из собственного сердца. — Немедленно! Выпустите меня!

«До того, как пришли волки».

Нет-нет. Нет. Он не будет даже думать об этом. Он беспомощен. У него грудная клетка открыта, как кошелек у самого глупого ярмарочного зеваки — станет легкой добычей первой же дикой Искре.

«Нет, пожалуйста, нет».

— Иванка! Зоэ!? Вы еще там? Этот тип солгал! Он не...

Понимание дернуло, золотом расплылась целая лужа. Айнар ударил по земле, трава спружинила, несколько сухих листьев прилипли к пальцам. Где-то мелькнули в сплетенных кронах деревьев невидимые твари — птицы, черные смертоносные мотыльки или...

«Нет, нет. Только не дикие Искры».

Не думать об этом. Тогда худшего не случится. Айнар пнул крадущуюся лозу, заставляя согнуться во мраке.

«Сволочь».

— ...не разделил нас! Он сожрал целиком!

Земля задрожала. Это было не похоже на обычное землетрясение, скорее на дыхание или гул в желудке гигантской твари. Айнар подумал про Иону в чреве китовом — и мельком отметил воспоминание как «не-разделенное», но никто его не обозвал «Билли», не сказал «помолчи и дай мне думать о своем». Видимо, «другой» испугался, молчал.

Или существо-Цатхан, «наставник» все-таки что-то с ним сделал.

«Подумаю потом».

Земля разбрасывала бугры. Айнар упал на спину, открытое сердце едва не вывалилось по пути. Оно повисло на крупных артериях, а потом с чвякающим звуком вернулось в отверстие. Никакой анатомической достоверности. Центру магии было наплевать на анатомию и биологию.

— Да, дитя, — гудело отовсюду, дыханием земли, сплетенных деревьев. Золотые лозы крови поднялись и соединись с древесиной. — Я — все сущее этого мира.

Айнар замер и прислушался.

Если Иванка что-то и сказала, то до него не долетело ни звука, но Цатхан продолжил:

— Я зародился на заре времен — первые водоросли, первые папоротники и хвощи. Я

был бесконечным тропическим лесом. Я был обледеневшими остатками травы под вечной мерзлотой. А еще я был моллюском, ящером, обезьяной. Потом я стал человеком. Я — лес Цатхан. Я — магия.

— Так ты не собираешься уничтожать все миры? — зашипел Айнар и ударил кулаком по мягкой, сыроватой земле. По ощущениям настил почвы и травы напоминал даже не мышцы, а ворс желудочного эпителия. От удара хлестнуло лозой по лицу.

— Я был всегда: миллионы лет до людей. Когда вы появились, я подарил магию вам.

«Нам!»

— Светочам, — уточнила Иванка. Это слово она произнесла так громко, что Айнар услышал и мотнул головой.

А ведь Цатхан не соврал: людям. Интересно, расскажет ли он правду?

— Избранным детям своим, Светочам, — продолжал человек-лес, и Айнар заколотил босыми пятками, вцепился в неприятно-мягкий дерн руками, снова мелькнуло в голове сходство с желудком, только не живым, а уже мертвым, чудище давно сдохло, разлагается изнутри.

— Говори правду! Всю правду!

Мягкое, такое мягкое.

«Он сожрал меня»,

Айнар подумал, что многое бы сейчас отдал даже не за порцию нитроцеллюлозы — просто за обычный нож. Или огонь. Вряд ли Цатхану это причинит серьезный вред, ну хоть изжогу вызвать и отрыжку заодно.

— Светочи — те, кто достойны. Они сумеют вести людей дальше, тысячи и тысячи лет. Вы должны доверять моим избранным, моим детям, — рокотал человек-лес, совершенно не замечая Айнара и его жалких трепыханий.

Снова голос Иванки. Издалека — за миллионы миль.

Кажется, Зоэ тоже присоединилась, а может, Айнару послышалось.

— Так было нужно. Гаситель сам выбрал свою судьбу!

И не поспоришь.

Тут Айнар только покачал головой.

Пауза затянулась. Она длилась так долго, что Айнар успел испугаться, запаниковать, снова сжать в ладони голое и мокрое сердце — по сравнению с остывшим травяным «желудком» оно ощущалось горячим, почти раскаленным, — и позвать обеих девушек. В ответ — тишина.

— Вы можете уходить, — сказал Цатхан, и тогда в темноте появились блики радуги на прозрачном фоне; и Айнар закричал во весь голос.

Дикие Искры. Возможно, это всего лишь желудочная кислота — способ чудовищной твари переварить попавшую внутрь добычу и впитать ее, но сейчас отовсюду выходили волки, целая стая ужасающей красивых и столь же мерзко воняющих тварей.

Штук двадцать диких Искр.

Айнару послышался удовлетворенный вдох: словно человек-лес похлопал себя по животу.

«Нетнет. Нет. Нет».

Глаза у волков светились красноватым. Полупрозрачные силуэты искажали пространство, заставляя сравнивать то ли с мыльными пузырями, то ли с кристаллами — слишком чистыми и погруженными в воду, а может, частично находящимися в ином

измерении. Вонь падали забралась в гортань и прилипла к нёбу. Волки обступали со всех сторон.

«У меня никаких шансов».

Айнар судорожно оглянулся: позади. Впереди. Везде они.

Почти невидимые: как искажение.

Осязаемые, воплощенные, с острыми зубами — даже на расстоянии от них исходил плотный телесный жар голодного зверя.

— Помогите! — закричал Айнар, его вскрытая грудная клетка едва не выпустила тугой ком трепещущего сердца. — Помогите, пожалуйста!

Иванка или Зоэ. Они ведь должны слышать.

«Ну пожалуйста».

Самый крупный волк наступил на лозу-потек крови. Сквозь него искажались переплетения веток, но зубы загустели до оттенка разбавленного молока. Тварь щелкнула пастью, распространяя ядовитый смрад.

«Думай, Айнар».

«Думай, что делать».

NaCl, поваренная соль. Хорошая штука — против слизняков, против голодных диких Искр тоже. Айнар много бы отдал за щепотку. Полная солонка спасла бы ему жизнь, ну или по крайней мере, уничтожила всех тварей.

«Ну пожалуйста».

Волки обступали его, никуда не торопились. Айнар стучал зубами. Кровь все вытекала толчками, превращаясь в золотые потеки, почти не больно — забудь о реальном мире, словно говорила нереальная сияющая кровь.

«Я антипод магии, может, они мной подавятся, а? Они же магия?»

Не стоило на это надеяться. Цатхан слишком древняя и хитрая тварь, прожил миллионы — миллиарды, если верить рассказу, — лет. Может, и сожрал уже пару-тройку Гасителей во главе с метеоритом, не уничтожившим местных динозавров. А потом сам закусил гигантскими ящерами — не пропадать же добру.

«Вожак» шагнул к Айнару, заставляя упасть на спину. От смрада желудок едва не выворачивало: гниль, морские водоросли на заросшем утопленники, забродившая выгребная яма, скотомогильник. «Пусть сожрет, только перестаньте это», — Айнар пытался не дышать. Волк уткнулся носом в подбородок Айнара: кончик был влажным, но не как у собаки — снова пришла мысль о плесени, слизи, улитках.

Вонь отозвалась приступом тошноты: в очередной раз. Рот наполнился кислой слюной с горечью желчи.

«Кислота».

Почти как соль, только кислота.

Айнар закрыл глаза и плюнул прямо в морду волка.

Это не срабатывает, он догадывался и просто не хотел признавать. В конце концов, твари пришли его жрать со всеми потрохами, а желудочная кислота, хоть и содержит основной соляную, но не настолько уж едкая. С другой стороны — он давно не ел толком, если не считать то странное месиво. Так что концентрат вышел — хоть железо прожигай.

«Не срабатывает».

Айнар выжидал, как ему казалось, целую вечность. Он успел выстроить десяток теорий. Посетовать, что не успел добыть соль — ну вот хотя бы из собственной крови, а что, стоило

попытаться. Снова попытаться вдохнуть носом и ртом, захлебнуться новой порцией тошноты.

Волк завизжал почти одновременно. Айнар открыл глаза: тварь пятилась, на морде расплзлось блеклое пятно: как зарубцевавшаяся коллоидная ткань шрама.

— Ага, получил!

Волк поменьше сунулся было к Айнару, получил «кислотный плевок» и тоже отскочил с визгом, поджатым хвостом и пригоршней цветных бликов. Они разбежались от морды до хвоста.

— Не сдамся! Не сдамся! — вопил Айнар, часть его сама орала: да ты соображаешь вообще? Собственными кишками против диких Искр сражаешься?! И насколько тебя хватит?

Он узнал ответ буквально через несколько минут или секунд — десяток вдохов-выдохов, одним словом — потому что «вожак» взвыл, словно отдавая приказ, а потом все разом бросились на Айнара с раззявленными пастьями.

мужчин.

Хотя вдвоем с Зоэ, пожалуй, сумеют протащить его хотя бы до выхода, а там...

— Он не спит, — вдруг сказала Иванка.

Айнар дышал и стонал. Пытался выбраться из сна. Когда-то Иванка слышала легенду о чудовище, что приходит ночью, спускается прямо с луны, и ныряет в нос спящего человека, чтобы занять его тело. Чудовище не умеет управляться смертной плотью, поэтому несчастный продолжает спать и спать, пока не умрет от голода и жажды, но это не спокойный сон — это битва, в которой жертва пытается вырваться. Словно птица из силка.

— Ты что-то с ним сделал! — Иванка обвиняюще ткнула пальцем в Цатхана, который стоял у дальней стены камеры. На полу по-прежнему лежали, словно остов старого чудовища, кандалы. Ярко освещенная камера кривилась перед глазами. У Иванки голова отчаянно болела — от усталости, голода, жажды, их столько дней поддерживали лишь магией; и все же нельзя просто уйти и забрать такого вот Айнара — в лунном сне, как говорили в легендах.

— Убирайтесь, — сказал тот. — Ваш приятель скоро проснется. Все будет хорошо. Я милостив. Ну? Убирайтесь!

Он взмахнул рукой, и всех троих отбросило за пределы камены, в коридор. Айнар даже оказался на ногах, только все равно свешивался, наваливался всем весом на Иванку и Зоэ. Тяжелый.

«Может, правда лучше уйти. Пока отпускают».

— Нет, — вдруг сказала Иванка. Она убрала с плеча руку Айнара, еще раз прислушалась к дыханию, тронула пальцем грудь: сначала свою, потом его. Ну точно, вот у нее под кожей и тонкими ребрами колотится. А у него — нет.

Зоэ кивнула с одобрением и повторила за ней; Айнар распластался на полу, но обе девушки закрыли его собой.

— Ты лжешь. Ты что-то с ним сделал. Отпусти его.

Айнар закричал.

Однажды Иванка такое видела: сын старого Доэрта, Рорик, чинил крышу и упал. То ли Искра защиты не сработала, то ли он ее оставил дома, а сам полез работать. Рорик ударился головой о каменный порог, сзади у него открылся череп. Крови вытекло не очень много, но в дыре было видно, как пульсирует розово-сероватая масса мозга.

Он не умер сразу. Сначала открыл рот и пускал желтоватые пузыри, и у него глаза были гладкие и белые, как у мертвой коровы.

Иванке тогда было лет пять, она с другими ребятами прибежала на крики старика Доэрта и его жены, Амарки. Зрелище было отвратительное, а оторваться не получалось. Так и стояла и смотрела: открытый рот, напряженная шея с выставленным острым кадыком, словно готовым порвать кожу. Постепенно натекала лужа крови.

Потом их выгнали, но сейчас Иванка вспомнила Рорика: Айнар даже не кричал, а захлебывался и стонал точно так же, череп у него вроде был целый, но глаза такие же, белые, подернуты пленкой. Выступила грязно-розовая пена.

— Что с ним? — Зоэ потянула Айнара за руку.

«Он умирает», — Иванка не могла произнести этого, только подняла на Зоэ взгляд, а потом уставилась туда, где стоял Цатхан.

«Мозги у него на месте, а вот тут»...

— У него вытащили сердце или что-то вроде того, — Иванка провела рукой по груди. —

Это вы сделали? Отвечайте!

Цатхан подошел ближе с отстраненным видом.

— Вы еще здесь?

— Да, тьманник тебя подери, — заорала Иванка. — Мы еще здесь. Что ты сделал с Айнаром?! Он же умирает, и он...

— Не умрет, — перебил ее Цатхан. Зоэ потрогала пульс на руке, а потом на шее Айнара, покачала головой.

— Это трансформация, отделение его губительной природы от человека, который проживет счастливую и обыкновенную жизнь. Я — магия, и я — лес. Символ жизни. Доверьтесь, все будет хорошо.

Иванка нерешительно посмотрела на Зоэ. Та пожала плечами.

Айнар снова выгнулся, пены стало больше. На груди на секунду открылась рана — целая дыра, провал, заполненный свежей кровью, вместе сердца — обрывки крупных сосудов. Мгновение спустя видение исчезло. Айнар как будто расслабился.

— Видите? Ему становится лучше. Он не...

— Умрет, — раздался дальше по коридору, Иванка не смогла определить справа или слева, голос. Зато сам голос узнала отлично: Линнан эт Лан, девушка с переменчивыми волосами и глазами. Одним глазом. Убийца ее семьи.

Иванка сжала кулаки:

— Ты что здесь делаешь? Второй глаз выбить?

— Не груби, девчонка. А вы, наставник, постыдились бы лгать бедным невежественным пейзажкам. Вы убиваете Айнара. Вытягиваете из него всю сущность Гасителя, но это неизбежно приведет к его смерти. И, быть может, чему-то худшему. Вам же для чего-то нужна способность анти-магии.

Линнан парила ладонях в пяти от пола. На ней шелестело ее это платье из воздушного полупрозрачного шелка, ткань тоже меняла оттенки — из синего в зеленоватый, потом в бирюзовый, но за глазами и волосами угнаться не могла. До красного или фиолетового не доходило.

— Еще одна. Этот мальчишка умудрился за пару месяцев собрать целый гарем, — фыркнул Цатхан. Иванка могла поклясться: он смеется. Как над хорошей шуткой. — А ты не вмешивайся, Линнан. Я забочусь и о простых людях, и о Светочах, и не тебе судить меня. Особенно после того, как ты спалила дотла Малые Ручейки. Иванка, ты ведь не станешь верить ей после всего, что она сделала?

«Нет».

«Конечно нет».

— Погодите, — вдруг сказала Зоэ, она все трогала руку Айнара, а сейчас выпрямилась. — А чей был приказ?

Линнан криво ухмыльнулась. Цатхан сделал шаг назад.

— Не убивайте его, — проговорила Иванка. Приказы, исполнители. Топор не решает, рубить ли ему дерево, но разумное существо не топор.

«Ненавижу всех этих Светочей».

— Пожалуйста, не убивайте. Забирайте силу, если нужно, но оставьте его в живых.

— Я именно так и ...

— Ложь.

Линнан подлетела ближе и коснулась плеча Зоэ, затем Иванки. Цатхан напряженно

следил за ними.

— Последний шанс. Или вы умрете все вместе. Ты тоже, Линнан, я найду себе других учениц.

— Отпустите его, — повторила Иванка.

«Ненавижу Светочей».

— Это невозможно! — крикнул Цатхан.

Свет погас снова. Запахло сыростью и гнилью, нет, не гнилью. Чем-то отвратительным. Протухшее мясо, куриный помет, забродившая кровь, гнилая солома. Все сразу.

Над головой вспыхнули дорожки искр. Обернувшись на Айнара, Иванка поняла: у нег действительно вырвано сердце, а вон там — на расстоянии ста шагов, среди зарослей кустарника, на мокрой траве-дерне, пируют прозрачные волки с радужными бликами вместо тел.

«Дикие Искры».

Иванка проглотила комок ужаса, а потом с неожиданным спокойствием додумала свою мысль:

«Чтоб они все... погасли».

— Погасли.

Иванка поняла, что говорил вслух. Зоэ повторила за ней:

— Погасли.

Темнота сгустилась. Сильнее запахло гнилью — или чем-то еще, настолько ужасным, что дыхание просто заканчивалось на половине, тело отказывалось пропихивать внутрь эту дрянь.

«Погодите-ка».

Она взяла Айнара за руку, и в остатках золотистого блеска от расползшихся лоз заметила: там, где он лежал влажная дерн-травка засохла и пожухла. В одном месте, Иванка могла поклясться, мелькнула даже настоящая дыра, которая вела куда-то еще — то ли на свет, то ли в более глубокую тьму.

Волки выстроились полукругом.

— Вы можете уйти. Последний шанс, — сказал вожак, чуть приоткрывая пасть. Последнее слово закончилось коротким воем. — Вы ничего не измените. Я древнее мира, могущественней магии, я вся жизнь и небытие; первобытный лес, пра-жизнь. Вы либо смиритесь, либо существование никчемных маленьких существ оборвется, но для меня нет разницы между вами и роем мотыльков.

От стаи веяло гниением, но расползлся настил поближе. Иванка дернула головой.

«Магия есть в каждом».

«Светочи — просто те, кому помогли».

«Вы ничем не хуже».

Иванка тряхнула головой: Айнар ведь не мог разговаривать с ней? Он лежал тут, мертвый или почти мертвый, без сознания.

«Я могу».

Он как будто вздохнул — бестелесный призрак, которому очень хочется выбраться обратно в мир.

«Здесь нет никаких законов физики, это немного бесит. Но кислота подействовала, видишь? Кислота и соль. Эти твари — вроде слизняков. Я Гаситель, и я... объясняю магию наукой, если хочешь. Так вот: представь, что способность к колдовству всего лишь

наследуемый признак, как цвет волос или...»

Иванка моргнула: она теряла мысль. Айнар говорил на своем странном наречии, разобрать которое не проще, чем птичье чириканье.

«Извини. В общем, Светочи просто более восприимчивы. Вот я тесхенец, почти не сгораю на солнце. А ты, держу пари, за пару часов покрываешься веснушками».

Иванка кивнула.

«Гаситель — это тот, кто преобразует магию в анти-магию. Прости, объясню потом. Просто... позови».

— Чего вы ждете? — снова повысил голос Цатхан-волк. Остальная стая заурчала скорее по-собачьи. Как шавки с рынка. — Просто скажите: «Мы желаем уйти».

— Я... желаю... — начала Линнан. Она опустилась на ноги так грациозно, словно собиралась танцевать перед волками.

— Сюда! — крикнула Зоэ. Они одновременно с Иванкой накинулись на нее. Иванка зажала рот. Линнан вцепилась острыми зубами в пальцы, протыкая кожу и мясо до суставов. Она брыкалась и лягалась, но они вдвоем подтащили ее к Айнару.

— Мы правильно делаем? — спросила Иванка неизвестно кого.

— Надеюсь, — Зоэ пожала плечами.

Волки прыгнули на них все и разом. Линнан схватила одной рукой Айнара, другой — вцепилась ногтями в запястье Зоэ. Иванку она по-прежнему кусала за указательный палец.

«Замкнутая цепь питания. Все как по учебнику», — сказал Айнар.

Вожак волков остановился и рывкнул на стаю. Это не совсем сработало: полдюжины допрыгнуло. Иванка завизжала, когда у горла клацнули бликующие зубы, но потом существо обмякло и растеклось слизью на траве. Та же судьба постигла еще троих, потом четверых.

Остальные сумели остановиться. Вожак низко рычал, в далеком отблеске лоз было видно, как волки пригнулись и нервно вывалили языки, тяжело дышат и пускают слюну.

— Это не поможет. Искр слишком много, — сказал Цатхан.

Он продолжил равнодушным тоном:

— Довольно неблагодарно с вашей стороны — я тысячи лет отдавал себя, дикие Искры — это и есть я.

— Отпусти нас всех. Айнара тоже.

— Невозможно. Он Гаситель. Его сила должна быть уничтожена.

— Удержана, ты хотел сказать? — хмыкнула Линнан. — Только ты облажался. Смотри, он проедает в тебе дыру. Ты умираешь.

Цатхан заскулил глотками двоих или троих волков. Золотые лозы зашевелились в сомкнутых кронах, свесились с деревьев, осветили Айнара. Иванка удовлетворенно кивнула, даже несмотря на то, что палец болел и кровоточил. Линнан только что изволила отпустить.

Вокруг Айнара растекалось пятно Иванка ткнула его пальцем, оно было мягким, яма провалилась в себя же.

— По-моему это плохо выглядит, — сказала она. — У тетки Огды так брат умер.

Зоэ принялась ногтем вычерпывать маленькие кусочки земли. Она рассыпалась на ее пальцах.

— Ага, точно. Гарат говорила: резать, не дожидаясь перитонита. Я потом спросила у нее, что такое перитонит. Короче, тебе крышка, Цатхан.

Один из волков подполз поближе, ткнул носом пораженную землю и завыл.

— Невозможно!

Высоченные деревья опускались, сжимались до зарослей кустарника. Пространство исчезало.

— Верни Айнару сердце, — сказала Линнан. — Ты его не удержишь. Даже ты не сильнее Гасителя.

— Невозможно!

Волки завyli. С веток посыпались сухие крылья черных мотыльков и колючее золото отцветших лоз.

— Невозможно! Невозможно!

Вожак оказался рядом. Он пятился. Остальные волки исчезли.

Иванка схватила его за горло. По пальцами мерзко хлюпнуло. Слизь потекла в открытую рану.

— Выплюнь, тебе говорят.

Волк изогнулся, напоминая больше нажавшуюся собственной шерсти кошку, после чего издал пару гортанных звуков.

— Вот оно! — первая среагировала Зоэ и схватила почему-то голубоватый комок, совершенно не похожий на человеческое сердце. — Я! Я вставлю его. Гарат меня учила...

— Отдай, — Линнан кинулась на нее, блестя единственным глазом. — Ты просто девчонка. Я — Светоч!

— ...ученица Доктора!

— Суть магии!

Иванка сидела рядом с Айнаром и смотрела на него. Пена на губах исчезла. Он был мертвым, просто мертвым и ничего больше.

— Я!

— Нет я!

— Он, — проговорила Иванка. — Цатхан. Это он должен сделать.

Волк-лес захохотал.

— Вы меня раскусили. Что ж, будь по-вашему, — и он безо всяких усилий забрал зубами у ссорящихся светящееся сердце, а потом вложил в грудь Айнара. — Но этот двоедушник, созданный врагами всех миров, не будет прежним. Нельзя причаститься корням всякой магии, отдать ей свою суть, а после вернуться к обыденному бытию. Вы оказались правы: не-магия и магия разрушают друг друга. Вы создали «замкнутую цепь», как сказал Айнар: и это сработало. Но тот же удар настигнет и его — он будет Светочем без света, он будет могущественным магом, чью силу уничтожит зло Гасителя. Он будет светом и тьмой. Он уничтожит себя.

Вокруг повисла серая дымка.

— А теперь убирайтесь. Все четверо. Вы мне надоели. Наверняка, еще услышу о вас, не сейчас и не сегодня. Отныне и впредь: Пылающий Шпиль закрыт для каждого из вас. Таково слово первого из сущих: ибо аз есмь Цатхан.

Рыжий парень заглядывал к нему в каменный мешок, гордо именуемый комнатой. Вставать почему-то не разрешал, это было — глупее некуда. Одно дело, когда ты с раной в животе валяешься и толком с ночным горшком управиться не можешь, а сейчас-то серьезных ран не осталось. Ну истощен — так морили голодом несколько... месяцев? Лет?

Сложно понять, время ухнуло в яму и толком оттуда не вынырнуло.

Рыжего парня звали Виктор. Виктор Тофт.

Он был мелким, ниже на голову, худощавым и жилистым. У него всегда блестели глаза, словно скурил пару доз иммара разом.

Он смотрел на Айнара с опаской, восхищением и еще какими-то трудночитаемыми эмоциями. Он пытался объяснить:

— Мы Переменные. Боремся за то, чтобы свергнуть Светочей и подарить людям во всем мире...

— ...свободу, равенство и братство, — отвечал Айнар, глядя сквозь Виктора. — Переменные — это некоторое множество значений. В экспериментах, включая моделирование, переменные меняются. Температура. Давление. Интенсивность боли, которую ты можешь выдержать.

Айнар касался груди. В каменном мешке с двумя чадными лампами и очагом с плохой вытяжкой было душно. Он не надевал рубахи, поэтому дотрагивался до голой кожи.

Под кожей, вот тут, слева, должно толкнуться сердце. Гулкое «бумм» — давай же, выжидал Айнар.

Он ничего не чувствовал. Но он дышал, спал, ел, справлял все остальные нужды живого тела, вряд ли стоило заподозрить в том, что человек-лес, монстр из предвремени, Цатхан вернул его каким-нибудь разлагающимся трупом, вампиром или личом.

Айнар не хотел это обсуждать. Даже с Иванкой или Зоэ, те заглядывали довольно часто, но разговор не клеился. Айнар плохо помнил, как они выбрались из Пылающего Шпиля, где именно Виктор Тофт и та высокая крупная женщина — Донна, подобрали их. По касательной носились крики, не достигая разума. Позже Виктор говорил Айнару, что они «разворошили осинник».

«Это не так».

«Мы ничего не разворошили, мы не одержали никакой победы, мы оказались бессильны перед древней тварью».

Айнар сидел в каменном мешке, почти не разговаривал с Виктором, испытывая странное желание только иногда сообщить ему: погрешностями в «переменных» при неточных вычислениях порой можно пренебречь.

Однажды — три дня или год спустя, — пришли Иванка и Зоэ. Обе выглядели гораздо лучше. На запястьях остались шрамы. Иванка вместо юбки надела широкие холщовые штаны.

— Виктор хочет, чтобы мы продолжили...

— Революцию, — подсказала Зоэ. Иванка зафыркала, как облитая холодной водой кошка.

— Болван. Мы ведь проиграли уже, — Айнар опустил голову. — Цатхан разобрал меня на куски.

— У него не получилось тебя сожрать, — почти крикнула Зоэ. — Подавился.

— Ну да. И выплюнул, и теперь...

Он тронул грудь. Девушки обе подошли и взяли за руки — каждый за свою. Иванка справа, Зоэ слева.

— А ты сам-то хотел бы продолжить бороться с ним? — вдруг спросила Иванка. — Тебе это навязали.

— Враги. Враги этого мира.

Айнар покачал головой.

— Я не знаю, кому верить.

— Эрику Камерру, — произнесла Зоэ. Она пожала плечами. — Что? Даже если этот тип мертв, не верю, что он не оставил никаких записей и ничего, что могло бы подсказать. Просто не торчи здесь, поищи. Я собираюсь возвращаться к Гарат.

— В лес?

— Ну да. Я думаю, — Зоэ поколебалась. — Гарат знала про Цатхан. Или — Цатхана как личность. Но у меня все равно к ней куча вопросов. Иванка думает, то ли остаться тут, с Виктором...

— И вовсе не с Виктором, — перебила она. Зоэ достался свирепый взгляд. — Он просто позаботился о Курице.

Айнар фыркнул. Курицей, как он успел выяснить, прозвали шавку с Собачьего Рынка, которая за несколько недель отожралась, залоснилась и оказалась довольно обаятельной псиной.

— Он проклял меня.

— Вот и спросишь у Гарат, что делать дальше.

Айнар снова вздохнул.

— Я подумаю. Пока я хочу выйти на улицу.

Он так и сделал следующим утром. Когда Виктор пришел с едой и питьем, отваром корня таума, попросил одежду и проводить наверх, до ржавой лестницы, а потом выбрался из коллектора. Могро был крупным городом, Айнар мгновенно потерялся в распутанном клубке улиц и домов, разбросанных, словно розовая галька, детской рукой в какой-нибудь игре. Айнару пришлось поскитаться и поспрашивать дорогу, его несколько раз послали, дважды заявили: «Проваливай в свой Тесхен, чужак!», а потом оборванец-мальчишка объяснил, куда и как идти. Айнар не сомневался, что поплатился бы за добросердечие беспризорника кошельком, но с собой не взял ни единого нита, так что паренек остался без мзды.

Гильдия ремесленников стояла на прежнем месте.

Айнар постучался.

Открыла Хильда с Кьеннингарских Островов.

— Я так и не добыл денег, — сказал Айнар. — Я готов работать на вас просто так, но хочу получить свои вещи, и... — он тронул голую переносицу, щурясь, потому что близорукость по-прежнему превращала окружающий мир в бесконечный туманный день. Последний раз ясно и четко он видел все в кошмаре изнанки Цатхана — там, где законы анатомии и физики не имели никакого смысла.

— Айнар Венегас, — проговорила Хильда.

Она широко улыбнулась.

— Горт, погляди, кто пришел!

Однорукий мужчина воздвигся рядом.

— А где Барри? — спросил Айнар.

Оба переглянулись со смесью страха и отвращения.

— Он сбежал от гнева своих хозяев, если понимаешь, о чем я. Ему заплатили... за тебя, но ты здесь. Мы знали, что ты придешь, — сообщила Хильда, и Айнар кивнул: конечно. Барри служил Светочам. Это нормально. Люди служат Светочам, люди часть магии, магия древнее всего, древнее мира.

«И только я — противоположность ей».

— ...но мы тебя рады видеть, — заявил Горт. — Ты сможешь присоединиться. Бесплатно. Все вещи у тебя, и...

— Вот.

Хильда протянула очки.

Это были не очки Айнара: просто похожие, довольно грубовато отшлифованные линзы, вставленные в оправу из меди. Он надел их, прищурился: не идеально, но неплохо.

— Я нашла чертеж этой вещи. Гениальное изобретение. Я себе тоже такие сделала бы, да мне наоборот — чтобы вблизи получше видеть, так можно?

— Да. Оптика простая наука, — сказал Айнар.

— Так ты остаешься?

Он отрицательно качнул головой:

— Нет. Но буду благодарен, если отдадите мои вещи. Чертеж очков можете взять себе. А если дадите час времени нарисую тот, который подойдет для общего случая дальновзоркости... и укажу переменные, — Айнар выделил это слово и заметил, что лица обоих ремесленников изменились. Пробежала рябь, паника, тревога, а потом фальшивое спокойствие: как мостик над бездной. Тонкий мостик из травы. — Которые нужно менять, чтобы готовые линзы подошли.

Может, Виктор и прав: пришло время революций и великих свершений. А может, еще нет.

Возвращаясь, Айнар едва не заблудился снова. Резко похолодало, он вспомнил, что надел то, что дали, а дали — легкую рубашку и холщовые штаны, и башмаки были из коры, самые дешевые и простые. Айнар пытался найти знакомые переулки, но не сообразил даже, как выбраться из кривых, переплетенных друг с другом улочек Могро, вокруг сновали люди, не обращающие на него никакого внимания. Он иногда оборачивался: громада Пылающего Шпиля так и стояла, сияя собственным внутренним светом.

Никуда Светочи не делись.

Ничего не произошло.

В конце концов, Айнар сел на ступени, ведущие в чей-то дом, и сидел так, пока не выглянула толстая женщина:

— Проваливай, бродяга! — она хотела было окатить его из ведра дурнопахнущей жижей. Айнар успел убраться раньше. Он повернул в первый попавшийся переулок, зажатый между двумя подернутыми плесневелой испариной домами. Перед ним прыснула стайка крыс.

Переулок сначала показался Айнару тупиком, но оказался сквозным, хотя и сузился так, что он сомневался: протиснется ли между притулившимися небогатыми домиками дальше. У самого выхода на него выскочила Курица, радостно затыкала, завияла хвостом и плюхнулась отмытым задом в грязь, выклянчивая подачку.

— Вот ты где, — Иванка показала минуту или две спустя.

— Ты лучше меня ориентируешься в этом городе.

— Быстро учусь, — та пожала плечами, заставив думать: она повзрослела. Еще недавно казалась Айнару девчонкой, а сейчас совсем взрослая.

— Я ходил в Гильдию ремесленников, — он тронул дужку за ухом. — Они позволили мне сделать очки и вернули вещи. Вообще-то и приняли в Гильдию тоже. Я собираюсь...

Айнар задумался.

— Делать заводные игрушки. Безделушки на потеху детей, ну и некоторых родителей тоже.

— Меня с собой возьмешь?

Иванка взяла его за руку. Айнар хотел спросить: а где Зоэ, потом решил, что не стоит этого делать. За пределами тесного закоулка сновали люди, но в переулке с прилепленными друг к другу домами никого не было, только Курица крутилась под ногами. Иванка потянулась к нему, и Айнар, немного помедлив, прикоснулся губами сначала ко лбу, а потом она привстала на цыпочки, и он поцеловал ее.

Пылающий Шпиль горел над ними, словно солнце и луна разом, такой же незыблемый и вечный.

Айнар подумал, что это не имеет значения.

— Возьму, — потом сказал Айнар.

Она вздохнула.

— Ладно, пока надо вернуться к этим, — жест «палец у виска» Иванка переняла у него.

«Мне жаль, что мы ничего не смогли. Я не смог. Я хотел изменить мир, но только хуже запутался со всей этой магией, и теперь даже не знаю, жив ли, умираю, что будет дальше».

— Виктор говорил, что они собираются продолжить борьбу. Якобы, мы там немного расшатали Светочей. Как гнилые зубы в деснах, — Иванка скривилась. — Брехня, как по мне.

Курица подтвердила: «Гав!»

— Прости, — сказал Айнар. — Это я виноват.

— Нет уж, точно не ты. Тварь хотела тебя сожрать и подавилась.

«Ты повторяешь слова Зоэ. Или Виктора».

Айнар промолчал. Они шли, становилось холодно. Он обнимал ее. Они молчали.

В штаб-квартире Переменных, которая напоминала Айнару то ли заброшенный храм давно исчезнувшей религии, то ли просто грязный погреб, где хранили картошку, царило оживление. Сразу двое Переменных — широколицый парень, вроде бы бывший мельник, бросивший доходное дело ради зыбкого хлеба революции, и женщина лет сорока, лохматая, будто спросонья и с похмелья разом, поволокли их в большой неф. На условной «апсиде» — или просто возвышении, стояла девушка в темно-сером плаще с капюшоном. Рядом с ней Айнар заметил Зоэ и Виктора.

— А, вот и они, — Виктор поторопился, спрыгнул с «апсиды». Айнар послушно подошел ближе. Иванка и Курица обе держались поодаль, и зыркали почти одинаково неодобрительно.

Людей собралось немало, человек сорок. Поэтому когда женщина в плаще откинула капюшон сначала повисла пауза, а потом раздался свист и звон стали.

— Она из этих!

— Почему она здесь!?

Айнар обернулся: он ждал, что Иванка присоединится к этой негодующей толпе. Та молчала.

— Линнан эт Лан, — представилась девушка. Серебряная повязка на глазу не меняла цвета. Живой загорелся розовым, поспел до насыщенно-фиолетового и рассыпался лазурью.

— Она помогла нам, — произнес Айнар. Зоэ и Виктор довольно улыбнулись, причем одновременно.

— И теперь изгнана, — вздохнула Линнан. — Я пришла... попросить прощения.

Айнар сошел со «сцены»:

— Не у меня.

Тогда Линнан последовала за ним, остановилась возле Иванки и опустилась перед ней на колени:

— Прости меня.

Люди держали наготове ножи, топоры, пращи. Айнар заметил самодельную палицу-моргенштерн. Они переговаривались и собирались то ли повесить Светоча, то ли разорвать на куски. Виктор делал им жесты, понятные без всякого перевода: не лезьте, не мешайте, держитесь подальше.

— Что она знает? — подал голос мельник.

— Да, там как — кто-нибудь сдох среди этих? — добавила еще одна, совсем молоденькая, в пестром платье танцовщицы или проститутки.

Линнан не обращала на них внимания. Иванка сопела.

— Нет, — Иванка отодвинулась. — Прекрати вот это все. Ты все равно убила моих родных, так что можешь не изображать тут раскаяние святой Марианны. Но ты помогла выбраться, так что просто не разговаривай со мной, и я тебя не трону. Джоэль, да отодвинься ты, — они с Курицей нырнули в глубину небольшой толпы.

— Отвечая на ваш вопрос, — Линнан поднялась с невозмутимым видом. — Светочи будут делать вид, будто ничего не произошло. Но они знают — и о вас тоже, просто не считают серьезной угрозой. Не пока Цатхан правит мирами и самой магией, а теперь еще и с частью силы Гасителя, пускай и не полной.

— Тогда нам остается...

— Разойтись?

— Все бросить?

— Что делать?! — закричала «пьяница» и выбежала к Линнан. Айнар подумал: они привыкли молиться Светочам. Даже если ненавидят их.

— Вам пока — ничего. А мы, полагаю, пойдем к Гарат. Наверняка, у нее есть идеи. Виктор, вы с нами?

— Нет, — тот покачал головой. — Я останусь здесь.

— И я тоже, — добавила Зоэ. — Айнар будет создавать для нас чертежи. Мы продолжим менять мир изнутри.

«Они ничего не поняли? Они ведь сами могут стать Светочами, или...»

Зоэ приложила палец к губам. Линнан повторила ее жест. Айнар понял: слишком рано.

— Хорошо. Я оставлю. Но потом уйду. Неделя. Достаточно?

— Две, — принялся сходу торговаться Виктор. Он вздернул тонкий подбородок, и на миг Айнару почему-то захотелось врезать, сломать красивый нос, сделать что-нибудь настолько же деструктивное, как пожирание его собственных внутренностей дикими Искрами.

— Три дня.

— Ну началось, — прокомментировала Зоэ.

В результате они сошлись на десяти днях. К тому же Айнар должен был подписать чертежи так, чтобы работать по ним смог даже слепой, глухой и умственно отсталый.

Не так уж сложно.

Линнан приглушила свои «спецэффекты», как их мысленно называл Айнар. Единственный глаз все равно переливался, словно драгоценный камень — смарагдовым, сапфировым, аметистовым. Смотрелось неестественно.

«Надо ей будет рассказать про эффект зловещей долины».

Он предпочел отвернуться. Иванка подседа ближе и тоже демонстративно неразглядывала Светоча.

Их выпустили из города, а возница, брат мельника из Переменных, почти не задавал вопросов. Они ему — тоже. Айнар попытался, правда, изобразить что-то вроде светской беседы, даже выяснил, что лохматого здоровяка, обсыпанного веснушками, как тесхенский пирог — перцем, зовут Гансом, что он тут вообще картофель возит, да-да, даже в Пылающий Шпиль покупают.

Иванку почему-то передернуло. Айнар задал еще несколько вопросов, ответил на пару малозначимых. Все замолчали. Ганс, по счастью, не таращился на Линнан.

— Мы провели там несколько месяцев, — сказала Иванка, когда они отъехали от Могро.

Айнар кивнул. «Там» — она не уточняла, но все поняли. «Там» время текло иначе.

Отъевшаяся Курица виляла хвостом на дне телеги. Поля красной пшеницы потемнели: их убрали, открылась застланная болотным дымом земля. Соляные испарения ядовиты, дышать ими не стоит. Почва отдыхала.

Они останавливались на дешевых постоянных дворах, совершенно одинаковых — приплюснутый домик, конюшня, неременный колодец с Искрой. Еще несколько маленьких, догоревших Искр-спичек.

Айнар заметил: Линнан «оживила» одну, заставила разгореться чуть сильнее. Они

сидели за одним столом в углу, и она пожала плечами:

— Вроде... чаевых.

«Она проверяет силу».

На следующий день, и Айнар тоже это заметил, Иванка попробовала сделать то же самое. У нее не получилось. Неудивительно: ее же не учили быть Светочем.

— Дурацкая хрень, — ее Искра болталась недалеко от отхожего места, указывая путь к характерному деревянному домику. Айнар вышел вообще-то по делу, и деликатно кашлянул. Иванка взвилась:

— Ты!

Он пожал плечами:

— У тебя потом получится, если будешь упорна.

— Ой, да к тьманнику. Лучше ты меня своим штукам научишь. Не хочу я все равно быть колдуном, просто... в голове засело. Там, в лесу. У нас ведь получилось?

— И получится снова. Если захочешь.

Иванка нахмурилась еще сильнее, почесала красный комариный укус на щеке.

— Не хочу.

Той ночью она потом забралась к нему в кровать. Айнар собирался ее прогнать, но не решился. Было неловко.

Через неделю они доехали до развилки, где Ганс спрыгнул с козел, потер широкий лоб, вернул латанную шляпу на место и каким-то смущенным тоном сообщил: мол, дальше мне нельзя, туда вон налево лес будет, но вы уж извините...

— Спасибо, — сказал Айнар. У него по-прежнему не было денег. В дороге он сделал еще одну зажигалку — просто механизм из кремня и огнива, — и отдал ее парню, показав, как использовать.

Тот было отшатнулся, губы побелели. А потом протянул руку.

Айнар ухмыльнулся.

«Я все еще Гаситель, в конце концов».

Он ожидал, что в лесу Цатхан нападут волки, черные мотыльки-могильщики или хотя бы будут виться змеями золотые лозы, но все трое как-то очень быстро выбрались по кривой тропинке к «избушке на курьих ножках», где сказочной ведьмой пряталась Гарат Ашшала.

Она работала на мотокультиваторе. Во все стороны летела темная почва и обрезь травы. Характерно пахло соком.

— Госпожа Гарат, — окликнула ее Линнан.

Она подергала рычаг на двигателе. Культиватор взревел еще пару раз, а потом умолк, выпустив зловонный выхлоп. Дизельное топливо, подумал Айнар. Керосино-газойлевая фракция. Углеродород. Продукт перегонки нефти.

«Да, я это помню».

— Это мы, Гарат, — сказал вслух Айнар. Иванка спряталась за него, а Курица выбежала вперед, виляя хвостом, словно тысячу лет назад познакомилась с чужой женщиной. Гарат сунула ей то ли печенью, то ли галету. Собака виляла хвостом.

— Продажная шкура, — обиженно прошептала Иванка.

Линнан сняла капюшон, показывая единственный, зато похожий на все драгоценные камни разом, глаз, давно не мытые, но тоже переливающиеся, словно мифический шелк из императорского сада шелкопрядов, волосы.

Гарат оперлась на ручку культиватора.

— Надо же, вы и Светоча сюда притащили... Чего еще? Полную бочку гнили? Все фекалии Собачьего Рынка?

— Странно рассуждать о фекалиях, живя в чреве Цатхана, — резко ответила Линнан. Гарат вздернула бровь. Одну. Правую. Ровно напротив ослепшего глаза своей визави.

— Только не говори, что ты ничего не знаешь, — вступился за нее Айнар. — У нас много вопросов, да и рассказать нужно немало.

Он дотронулся до груди, пытаясь уловить биение сердца.

Пустота стала привычной. Айнар криво улыбнулся.

— Много рассказать и еще больше задать вопросов.

На самом деле, рассказывала в основном Линнан. Ее перебивала Иванка. Айнар поглощал варево из тушенки, макарон, яиц, помидоров — все с диким количеством перца и неопознаваемой приправы, вроде бульонного кубика «по акции». Пища богов, ничего лучше не надо. Гарат курила одну за одной, прикуривала от предыдущей и выпускала сизые клубы дыма. Курица фыркала, но все равно крутилась под ногами: Гарат угостила ее тушенкой и подсовывала печенье.

— Всеобщая магия? Цатхан решил поглотить Гасителя? А вы, значит, дали старому козлу отпор...

— Могла бы и предупредить, — с набитым ртом вставил Айнар.

— Я не знала, что такое — и кто такой Цатхан. Догадывалась, что Светоч — но их немало, знаешь ли, есть не только в Глеоре. В любом случае, он-личность и он-лес не совсем одно и то же. Здесь у него правда нет власти... ты ведь не можешь залезть себе в кишки, чтобы вытащить пару бактерий, правда?

Линнан скривилась. Иванка демонстративно хлопнула чаем. Немного пролилось на деревянный стол.

— Что теперь будет?

— Продолжим... дальше, наверное. Возможно, потребуется передышка.

— Я имела в виду, ты ему поможешь?

Гарат поднялась. Она качала в руке свою пепельницу с пнем и лисой. Айнару почудилось, что эти дурацкие фигурки ожили, лиса — Искра, пень — очередной аватар древней твари.

— Я попытаюсь, но ничего не обещаю, — сказала она.

Линнан выразительно закатила глаз-самоцвет:

— Моя магия к вашим услугам, — она сделала паузу. — Доктор.

— Вот именно. Доктор, а не маг. И увы, не Гаситель...

Они едва поместились в тесноватом доме. Иванка снова забралась к Айнару под бок, в спальный мешок. Где-то тут же, судя по характерному запаху, крутилась Курица. У собаки появилась привычка втискиваться между хозяев, прогонять ее получалось ровно на пять минут, как заснешь — опять она тут как тут.

— Все будет хорошо, — сказала Иванка и поцеловала Айнара.

Это смущало. Он начал было «не здесь, не сейчас, тут же люди». Иванка хихикнула и отвернулась.

Айнар смотрел в потолок. На стене качалась бронзовая шишка кукушкиного «гнезда».

Он проснулся за столом. Комната была пустой, напоминала школьный класс или маленький конференц-зал. Белая доска, на которой пишут цветными маркерами. Поролоновая губка.

Стол оказался партой школьника, колени неудобно уперлись. Дешевый китайский пластик скрипел под весом Айнара.

Дверь открылась.

— Вы можете вернуться домой, Иванов, — сказала антропоморфная белка. Ростом она была примерно метр шестьдесят пять и ходила на задних ногах, носила джинсы — с вырезом для огромного пушистого хвоста, белую блузку и коралловые серьги в ушах.

Белку, знал Айнар, зовут Татьяна.

Серьги новые.

«А говорила одна секунда в их мире пройдет».

«В их...»

Он молчал.

— Да, знаю, все пошло не совсем по плану. Но результат удовлетворительный. Конечно, продолжить работать с вами мы не сможем. Тем не менее, компенсацию получите в полном объеме...

— Стойте. Я... со мной... Айнар... В общем, Цатхан что-то сделал. Не думаю, что получится так вернуться. Там же тело... оно умрет, если...

— Да, верно.

Татьяна остановилась возле доски и сложила лапки на груди. Она немного напоминала Курицу, только выпрашивала не тушенку, а орехи.

— Я умру?

— Не вы. Вы будете жить, господин Иванов. Безбедно, хватит вам и, если не имеете склонности, например, к азартным играм, вашим детям.

«Ага».

— А как же они? Иванка? Зоэ, Линнан?

Белка села за «учительский» стол. Хвост неловко распушился, словно странный рыже-коричневый зонт над головой. Она достала ноутбук из верхнего ящика и принялась быстро цокать по клавишам когтями.

— Вы их не вспомните. Вернетесь к обычной жизни.

— Погодите, нет

Айнар замотал головой.

— Я не хочу умирать.

На морде отразилось бесконечное терпение.

— Как уже говорила...

— Да! Но я не «Иванов»! Я — Айнар Венегас!

Белка показала острые длинные зубы. Поднялась со своего места и подошла — вблизи морда оказалась вовсе не милой, а почти пугающей. Зубы — острее некуда.

— Перестаньте.

— Нет. Я хочу остаться. Даже если «пошло не так», я продолжу...

— Очень глупо с вашей стороны даже заикаться о подобном, поскольку тело вашего... носителя, принявшего «подселенца» достаточно сильно искажено. Мы попытаемся внести коррективы.

— Стойте. А как же Гарат?

Белка пожалала плечами.

— Присмотрю другого. Итак, я запускаю обратное пере...

— Нет!

Айнар вскочил. Получилось совершенно не эффектно: он застрял в детской школьной парте, пришлось толкнуть ее, она повисла, как злобная шавка на штанине.

— Я остаюсь здесь. Никуда не пойду.

Белка показала три ряда зубов. Три. Словно у акулы.

— Вы всего лишь наемный сотрудник. Вы ничего не решаете. Заткнитесь, Иванов. Обратный отсчет: семь, шесть, пять, четыре, три, два, один...

Айнар приложил руку к неподвижной груди. Под ней екнуло: ожило и заколотилось сердце, а потом пальцы стали горячими, по ним текла раскаленная сталь. Этот сгусток новорожденной звезды он швырнул в беличью морду.

Нейтронная бомба разорвала все на атомы, разорвала межатомарные связи.

В «ничто» повисла губка.

В ничто он сказал:

— Я Айнар Венегас.

И очнулся.

Иванка нашла его на крыльце. Он уже успел выточить из найденной деревяшки плохонькую, но куклу. У игрушки даже почти двигались руки и ноги.

Иванка села рядом и положила голову на плечо.

— Возьмешь меня с собой? — сказала она.

— Ты уже спрашивала.

— Ну я еще разок. На всякий случай. Красивая штука, научишь?

— Научу. Говорил же, буду игрушечных дел мастером. А что? Хорошее ремесло.

— Отличное.

Айнар обнял ее, а она его. Можно было поцеловать прямо сейчас, но до рассвета еще оставалось время.

Больше книг на сайте - Knigoed.net